

Автор этой книги по профессии радиожурналист. После армии, работая на Приморском радио, в соавторстве с С. Манухиным написал приключенческую повесть «След за кормой». После её выхода в свет начал активно заниматься литературным трудом. Вместе с С. Манухиным они написали пьесу для телевидения «Вместе с отцами», посвящённую гражданской войне на Дальнем Востоке.

Вскоре автор переходит работать на радиостанцию «Тихий океан», затем становится её редактором.

В 1999 году за творческие успехи А. Матвиенко награждён Почётной грамотой Федерального агентства по телевидению и радиовещанию. Через три года награждён второй такой же грамотой от вышеназванного ФАТР.

На зональной радиостанции «Тихий океан» автор готовил и вёл программы «Человек и океан», «Капитанский час», «Дым Отечества».

В конце 70-х годов автор окончил курсы переподготовки журналистских кадров на уровне заведующих отделами городских и районных газет, организованных сектором печати, радио и телевидения Приморского крайкома партии.

Наряду с работой на радиостанции «Тихий океан» активно сотрудничал с газетами «Красное знамя», «Тихоокеанский комсомолец», «Боевая вахта», «Дальневосточный моряк».

14231000192135

Кр. 84(2)6
М 338

А. Матвиенко

СЛЕД ЗА КОРМОЙ

А. Матвиенко СЛЕД ЗА КОРМОЙ

Краеведение

Кр. 84(2)6
М 338

Анатолий Матвиенко

СЛЕД ЗА КОРМОЙ

Повесть, рассказы

«Приморская краевая публичная
библиотека им. А.М. Горького»

Владивосток
Издательство «Русский Остров»
2016

1228483

УДК 82
ББК 84
М 33

Матвиенко, Анатолий.

М 33 След за кормой : повесть, рассказы / А. Матвиенко. – Владивосток : Изд-во «Русский Остров», 2016. – 204 с.

В книге известного приморского журналиста собраны произведения, написанные в разные годы. Сюжеты почти всех рассказов основаны на реальных событиях из творческой биографии автора. Большинство главных героев – моряки и рыбаки. Они попадают в неожиданные ситуации, что побуждает равнодушного читателя сопереживать им. В книге затронуты ключевые эпизоды истории XX века.

В журналистском «досье» автора встречи со знаменитыми артистами – гостями Дальнего Востока. Николай Крючков, Сергей Гурзо, Михаил Ульянов, Вальтер Запашный, Вольф Мессинг... Во Владивостоке с ними случалось немало любопытных историй, о чем с теплотой и любовью и поведал автор.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-93577-118-8

© Матвиенко А.В., 2016
© Издательство «Русский Остров»,
оформление, 2016

СЛЕД ЗА КОРМОЙ

Повесть

Восход солнца застал мотобаркас рыболовецкого колхоза «Рассвет» в шести милях от берега. Рыбаки время от времени поглядывали на восток, откуда медленно выплывало похожее на яичный желток солнце.

– Смотри, Федька, твой рейсовый пошел! – крикнул бригадир высокому парню с густой копной рыжих волос.

– Да ну вас... опять... – мрачно отмахнулся тот.

– Гляди-ка покраснел! – поддержал кто-то бригадира.

– Плюнь ты на нее, Федь. Разве она тебя стоит?!

– Поскалили зубы и будет, а ну, навались, – посуровел капитан.

И рыбаки снова взялись за работу. Рядом с тем местом, где несколько минут назад прошел теплоход, забелел катер.

– Вот черт, опять! – произнес бригадир. – Третий раз... И что ему тут надо?

– Видно, ищет что-то.

– Кто его знает. Может, просто так.

– Было б в первый раз... – заметил Федор.

– Эх ты! Тоже майор Пронин! Это он твою Лизоньку провожает. Он глядит ей вслед – ничего в ней нет.

– Брось острить! – строго сказал бригадир и, обращаясь к Федору, спросил: – Ну, а как ты думаешь, для чего он тут вертится?

– А что я?! Ничего не думаю, – отрезал Федор.

Катер, между тем, покругившись, ушел в сторону японского берега. Рыбаки вновь взялись за сети.

* * *

Издав три протяжных гудка, «Восток» вошел в бухту Золотой Рог. Лиза Шубина и третий механик Дмитрий Львович Васин, облокотясь о поручни, наблюдали, как буксирные катера, обхватив со всех сторон судно, швартовали его к причалу.

– Нет, вы посмотрите, Лиза, какая красотища! – восхищался Васин, показывая рукой на город. – Говорят «все дороги ведут в Рим», а меня только сюда и тянет, как в песне: «Сошелся клином белый свет». А плавал и на Балтике, и на Черном, и на Белом.

– Так сколько же вам лет?

– Шестьдесят.
 – Да ну вас, я серьезно.
 – Ну, а если серьезно, то сорок два.
 «Восток» тем временем, протиснувшись между судами, вплотную стал к причалу. Пассажиры с сумками, чемоданами начали спускаться по трапу.
 – Ну, старики, куда сегодня двинем? – раздалось рядом.
 Васин и Лиза повернулись. К ним подошел Коля Шувалов – моторист, только что поднявшийся из машинного отделения.
 – В каком смысле? – полюбопытствовала Лиза.
 – В смысле отдохнуть, потанцевать. Да, ну что объяснять, и так ясно. Вы как, Дмитрий Львович, не против?
 Васин взглянул на Лизу. Ей не очень импонировала компания Шувалова, но раз с ними будет Дмитрий Львович, тогда...
 – Хорошо, я согласна.
 – Тогда в семь. Договорились? Захватчу с собой Ленку. Ну пока! Жду вас у трапа. Адью!

* * *

Войдя в кабинет, он четко отрапортовал:
 – Старший лейтенант Мальцев явился по вашему приказанию, товарищ подполковник!
 – Садитесь, Владимир Сергеевич, – сказал Табачников, указав одной рукой на кресло, другой взял со стола конверт, вынул из него письмо, написанное на листе из ученической тетради и протянул Мальцеву.
 Кончив читать, Мальцев повертел в руках листок, еще раз взглянул на подпись и вопросительно поднял глаза на подполковника.
 – Что скажете об этом, Владимир Сергеевич? – спросил Табачников, снова подходя к столу.
 – Я думаю, все, что здесь написано, правда. Но, чтобы выдвигать какие-либо предположения, фактов маловато.
 – Я согласен с вами, но взгляните вот сюда, – подполковник подошел к висевшей на стене карте. – Это как раз то самое место. Расстояние от берега до берега миль двадцать. Лайнер всегда проходит по одному и тому же курсу. Если что-нибудь выбросить с него в условленном месте, то эту вещь довольно легко потом обнаружить, учитывая постоянное течение в проливе.

Так вот, Владимир Сергеевич, чтобы избежать ошибочных гипотез, поручаю вам на месте выяснить, что и как. Вам все понятно?
 – Да.

* * *

На стеклянной двери ресторана висела табличка: «Свободных мест нет». У входа в ожидании томилось несколько пар. Николай постучал в толстое стекло двери и пальцем поманил швейцара.

Через полчаса на столе появились бутылка шампанского, графинчик «Московской», яблоки. Оркестр заиграл танго. Васин подошел к Лизе.

– Вот это по моей части. Твисты – не по мне. Вы не возражаете?
 – Дмитрий Львович, – говорила Лиза, танцуя, – вы как-то сказали, что были женаты.

Васин тяжело вздохнул.

– Умерла она полгода назад. – Улыбка исчезла с его лица. – Вернулся из рейса – никого. – Глаза его смотрели на Лизу невидяще.

Ей стало жаль этого сильного одинокого человека с уже начинающими седеть висками. В отличие от многих, он ни разу не назвал ее на ты. Это льстило ей, возвышало в собственных глазах. Отец погиб в сорок пятом, в самом конце войны. Она ни разу не видела его. Разве только на фотографиях. Тоска по отцовской ласке была в ней вечной и острой. «Может быть, – думала она, – отец был точно таким же, как Дмитрий Львович».

Когда они вернулись к столу, Шувалов с Леной, повернувшись к окну, о чем-то беседовали, временами бросая взгляды на окно, сквозь которое хорошо просматривалась почти вся панорама бухты. На фоне ярко-звездного неба, без единого облачка, что бывает крайне редко в этих краях, высились громады порталных кранов. Силуэты больших и малых судов четко, как на фотоснимках, отпечатывались на спокойной серебристой поверхности бухты. На той стороне бухты, на мысе Чуркин, ярко светились разноцветными огоньками громады новых многоэтажных домов. Чуть ниже отражались в воде огни стоявших у причала судов.

– Какой вид! – вырвалось у Шувалова, когда Васин с Лизой сели за столик. – Вот бы заснять!

– Нельзя, Коля, тут снимать, – произнес Васин.

– Пустяки, – махнул руной Шувалов, – и не такие снимали.

– Фотограф-фанатик, – засмеялся Васин. – И как еще тебя твой сосед по каюте терпит? – Он усмехнулся и продолжил: – Жаловался он мне на днях – не каюта, говорит, а сплошная фотолаборатория.

– Ничего, – пренебрежительно ответил моторист, – проглотит...

Следующий медленный танец Лиза опять танцевала с Васиным.

– Лиза, – спросил Дмитрий Львович, – у вас парень есть?

Лиза несколько смутилась.

– Есть... Вернее, был, – тотчас поправилась она.

– Разонравился? Не сошлись характером?

– Скорее всего, последнее, – ответила она. Было видно, что ей неприятно вспоминать об этом, однако Васин все же задал еще один вопрос:

– И где же он теперь, далеко?

– Здесь, во Владивостоке.

Посидев еще немного, вся компания рассчиталась и отправилась на судно.

– Лизонька, – Васин взял девушку под руку, – так кто же над вами сейчас держит опеку?

– Мама, – засмеялась Лиза.

– И далеко она?

На Сахалине.

В свете уличных фонарей Васин видел, как блестят у Лизы губы. Он сжал ее руку и, заглядывая в глаза, проговорил:

– Разрешите, Лизонька, я возьму над вами шефство. Буду, так сказать, вашим опекуном.

– А если я в чем-нибудь провинюсь, то вы будете меня распекать? – улыбнулась Лиза, искоса посмотрев на Васина.

– Не без этого, – согласился Дмитрий Львович.

Прибыв в рыболовецкий колхоз, Мальцев прежде всего разыскал Федора Сугробина. Он нашел его на берегу за просмоленной небольшой весельной лодки. Вечерело. К острому запаху моря примешивался горький запах кипящей смолы. Представившись, Мальцев попросил Федора подробней рассказать о виденном. Ничего нового, кроме того, что ему уже

было известно, старший лейтенант не узнал, но ему по долгу профессии необходимо было услышать всю историю от самого очевидца.

– Завтра «Восток» должен пройти здесь.

– Я пойду с вами. Надеюсь, ваши товарищи не будут возражать?

Федор улыбнулся. Мальцев достал сигарету и, не найдя спичек, закурил от костра.

– Для себя? – он указал на лодку.

– Братишка вот упросил, сделай да сделай лодку. Какой, мол, я без лодки рыбак. Хотя рано еще ему... Восемь лет. Но уговорил таки, кончаю уже.

– Женаты? – помолчав, спросил Мальцев.

– Еще нет.

Федор бросил уключину в ящик для инструментов и вытер ладони о брезентовые штаны. Он дал себе слово забыть обо всем, что было связано с Лизой. Но не мог. И теперь почему-то разоткровенничался. Он рассказал, что учились они до восьмого класса вместе, потом он стал ловцом, она – обработчицей на комбинате. Все было бы ничего, родные уже поговаривали о свадьбе, но тут в колхоз приехали кинооператоры, снимали какой-то фильм о рыбаках. Двое их было. Один, в японской нейлоновой куртке, заметил Лизу. Снимал ее чаще всех, как самую передовую обработчицу, хотя были в цехе женщины, работавшие лучше и по возрасту старше. И тут Лизу как подменили, прически делать стала, позировать и все такое. Отсняв все, что им было нужно, киношники укатили во Владивосток. Через три дня вслед за ними уехала и Лиза. Потом узнал Федор: бросил ее тот, в нейлоновой куртке. А еще через месяц мать ее сказала, что Лиза устроилась на пассажирский лайнер.

Федор замолчал, потом, внезапно застыдившись своей откровенности, махнул рукой.

– Ладно об этом. Где вы остановились?

– Пока нигде.

– Значит, поживете у нас?

– Не возражаю.

«Восток» величественно прошел в миле от баркаса.

Рыбаки, бросив работу, внимательно и напряженно следили за другим берегом. Не было обычных острот и смеха. Все ждали, Мальцев не отрывал глаз от бинокля.

– Не выйдет, должно быть, – тихо прошептал бригадир.

– Рано еще, – заметил Федька.

– Чего рано?! – возразил чей-то голос.

– Запаздывают – это верно. Гляди, куда «Восток» ушел.

Снова наступила тишина. Рыбаки еще не могли ничего заметить, но Мальцев в бинокль видел, как от небольшой пристани на острове отделился белый катер и, набирая скорость, двинулся в их сторону.

– Вон, глядите! Товарищ старший лейтенант, видите?

– Вижу...

– Точь-в-точь, как в прошлый раз! – радостно воскликнул Федька.

Спустя двадцать минут, катер подошел к тому месту, где недавно пробороздил воды лайнер; как и в прошлый раз, он развернулся и двинулся по тому же курсу, что и «Восток». Старший лейтенант отчетливо видел на палубе трех человек. Наконец, один в штатском указал рукой рулевому, и катер быстро пошел в указанном направлении. Свесившись за борт, штатский вытащил из воды предмет, как показалось Мальцеву, очень похожий на бутылку.

Мальцев оторвал от глаз бинокль и опустил на скамью.

– Бутылка? Так и есть. Что-нибудь вроде этого и я предполагал, – сказал подполковник, выслушав отчет Мальцева. Он налил из графина немного воды в стакан, достал из кармана пачку таблеток и, положив одну на язык, сделал несколько глотков.

– Ангина замучила, – объяснил он, – чуть дунет из подворотни, все вот тут разбухает.

– Да, действительно, – согласился Мальцев.

– Ну, так вот, об этой бутылке... Что в ней, мы не знаем. А предположить можно многое. Контрабанда, например... Валютные операции... Поручаю эту операцию вам, старший лейтенант. Скорее всего, тот, кто бросает эти бутылки, находится среди экипажа. Познакомьтесь с личными делами команды, выясните, кто чем живет, увлечения, нет ли среди экипажа людей со странностями и многое другое. Как видите, работы много. Одному вам будет не под силу.

– Товарищ подполковник, у меня есть кандидатура, которая может показаться странной. Я хотел бы взять в помощники известного вам автора письма – Федора Сугробина.

– Вот еще! Почему?

– Видите ли, товарищ подполковник, у Сугробина на «Востоке» плавают... девушка. С детства росли вместе. Работает номерной. Я думаю, ни у какого агента не вызовет подозрения парень, преследующий любимую девушку. Товарищ он надежный, комсомолец, и, я думаю, лучшего помощника мне не найти.

Подполковник долго смотрел в окно. За стеклом – густой туман. Очертания соседнего здания расплылись в неясные контуры. «Как в Лондоне», – подумал про себя подполковник и тотчас же ощутил в горле острую боль.

– Ладно, старший лейтенант. Добро.

Мальцев улыбнулся и откозырял.

Небольшой каменистый остров, сплошь заросший низкорослым, чахлым кустарником, такие же деревца, каким-то чудом растущие в этой каменной пустыне. И кругом море, море, море... Невдалеке от берега стоит двухэтажное, строгого стиля, без всяких излишних украшений, каменное здание с большой радиоантенной на крыше. В этом невзрачном на вид здании работают круглые сутки, без выходных, без праздников. В любое время дня и ночи любого сотрудника здесь могут поднять с постели.

Нечто аналогичное произошло сегодня с майором Бирчем. На рассвете дежурный офицер доставил ему на квартиру радиogramму из «Центра».

Быстро пробежал ее глазами, Бирч, одевшись, уже через несколько минут был в своем кабинете и вызвал капитана Морзе.

Усевшись в кресле и закурив «Честерфильд», капитан вопросительно посмотрел на Бирча.

– Получил директиву из «Центра», – майор бросил ее на край стола.

– Опять они недовольны «Азиатом», – нахмурился капитан, пробежав шифровку. – Требуют ускорить вербовку новых людей. Как будто они не знают того, как чертовски трудно работать в этой России.

Бирч встал и подошел к окну.

– Я полностью согласен с «Центром», капитан. «Азиат», действительно, слишком тянет. К тому же последние его информации представляют мало ценности.

– Господин майор, извините, – Морзе встал, – я не могу поддержать вашу точку зрения.

– Очень мило, капитан. Но в радиোগрамме сказано вполне ясно: «Поторопите «Азиата», мы ему платим не как туристу, а как агенту».

Майор надел фуражку, давая понять, что разговор окончен.

* * *

Происходило непонятное. С самого начала рейса Лиза постоянно ощущала чье-то присутствие рядом. Ей все время казалось, что за каждым ее шагом следят.

На второй день плавания после обеда, когда она проходила по палубе, ее окликнули:

– Лиза!

Она обернулась: в трех шагах от нее стоял Федор. Высокий, загорелый, с обветренным лицом, он ничуть не изменился. Только теперь на нем вместо обычного костюма была матросская роба. У нее больно забилось сердце, бессильно опустились руки.

– Здравствуй, Лиза! – Федя сделал два шага к ней.

Горячий комок подкатил к горлу. Она попробовала улыбнуться, но рот искривился в жалкой гримасе, и тяжестью налились веки. А Федя уже стоял совсем рядом. Он хотел было взять ее руку, но Лиза внезапно повернулась и побежала прочь.

Когда ее голубое платье скрылось в дверях пассажирского салона, Мальцев подошел к вцепившемуся в поручни Федору.

– Ну, ну! Не расстраивайся. Любит она тебя. Мало ли что бывает.

Подождав, пока Федор окончательно успокоится, Владимир Сергеевич спросил:

– Ничего не заметил?

– Пока нет. Парни с виду вроде неплохие. Много их только...

– Завтра проходим твой поселок, – старший лейтенант секунду помолчал. – Думаю, он бросает бутылку с правого борта, то есть в сторону того берега. Только бы не пропустить момент. А с Лизой я поговорю. Она может нам помочь.

Входя в каюту механика, Николай столкнулся в дверях с Васиним. В руках у механика был небольшой сверток.

– Уходишь, Дмитрий Львович? Дай у тебя попечатать. Выжил, подлец, из каюты, не выносит запаха проявителя. А пленочка у меня блеск!

– Валяй, ключ возьми.

– Я быстро. Шлеп, шлеп. За увеличителем вот только сбегая.

Вбежав в свою каюту и захлопнув дверь, Лиза прижалась к ней и замерла. Сердце готово было выскочить из груди.

«Зачем, зачем я убежала? Ведь он же ради меня здесь. Любит! И, может быть, все простил!.. Нет. Такого не прощают. Тогда почему же он тут? Ох, дура же я, дура! Все пропало, навсегда», – беспорядочно металась в голове мысли.

В дверь постучали. Лиза рванула ее на себя.

– Федя!

За дверью стоял Васин со свертком в руках.

– Что с вами, Лиза? Кто-нибудь обидел? – с тревогой в голосе спросил он, увидев ее заплаканное лицо.

– Нет, я просто так... Это ничего... – Лиза платком вытерла слезы.

Дмитрий Львович присел рядом на стул и своей тяжелой и грубой ладонью чуть дотронулся до ее плеча.

– Ну, ну, Лиза, успокойтесь! Не надо. Я вот зачем пришел. – Он развернул сверток, достал модную шерстяную кофточку, голубую, с яркими полосками, и протянул Лизе.

– Это тебе. Ты уж извини меня... Помнишь, Лиза, я тебе рассказывал о жене. Так вот, перед возвращением домой купил я эту штуку в подарок ей, а отдать так и не отдал – некому было. Вспомнил вот недавно. Думаю, не пропадать же ей, ведь новая. Возьми в подарок от меня.

– Нет, нет, что вы! Неудобно как-то. Да и дорогая вещь.

– Пустяки, разве в деньгах дело... Вы уж не обижайтесь на меня, Лиза.

И еще раз ласково и как-то грустно улыбнувшись ей, он вышел из каюты.

* * *

Николай уже кончил печатать, когда вернулся Васин. Шувалов открыл иллюминатор, и в каюту ворвался свежий ветер.

– Ну, каковы снимочки, а? – Николай повернул к Васину

стекло с накатанными фотографиями. Дмитрий Львович, наклонившись, внимательно рассматривал их.

– Отлично!

Шувалов расплылся от удовольствия. На искусно снятых фотографиях среди портретов, групповых и пейзажных снимков изредка попадались кадры военного характера.

– Дмитрий Львович, выручи, будь другом, – неожиданно попросил Шувалов, – одолжи еще монет пятьдесят.

– Да ты мне и так уже...

– Знаю. Отдам с получки. Все сразу. Ну, не жадничай. У тебя их ведь куры не клюют.

Васин как-то криво усмехнулся.

– Ладно. Только чтоб все сразу. Не забывай. Мне они скоро понадобятся.

В шесть утра, как и договорились, Мальцев и Федор поднялись на влажную от утренней сырости палубу. Судно вошло в пролив. Возле борта с громкими криками носились чайки, подставляя утреннему солнцу свои пухлые белые грудки. На палубе было пустынно и ветрено. Стоя у лееров, оба молча курили.

– Ты встанешь у левого борта. – Старший лейтенант сделал последнюю затяжку и бросил окурочек в море. – Если заметишь, сразу ко мне. Ясно?

Федор кивнул, и они разошлись. «Восток» подходил к знакомым местам. Вот вдали показался родной поселок. Федор уже без труда мог различить свой дом с телевизионной антенной на крыше, стоящий на горе, а чуть ниже – двухэтажное здание школы. Перегнувшись через леер, Федор стал внимательно наблюдать за иллюминаторами. Вот из одного вылетела коробка из-под папирос и быстро пронеслась мимо. Еще что-то. Он даже не успел как следует рассмотреть. Но не бутылка, это точно. От встречного ветра колело в глазах, наворачивались слезы, он смахнул их тыльной стороной ладони. «Восток» уже миновал то место и с каждой минутой уходил все дальше и дальше, а Федор все неотрывно смотрел за борт. Из этого напряженного оцепенения его вывел голос старшего лейтенанта.

– Хватит, Федя. Напрасно поднялись в такую рань. Поспать бы еще часок, а?

– Ну, что ж, подождем следующего рейса, – твердо сказал

Федор, и по его тону Мальцев понял, что он был бы рад находиться на «Востоке» как можно дольше.

– Замерз, а?

– Малость. Ветер сильный.

– Значит, кофе будет сейчас в самый раз. А с Лизой я сегодня обязательно поговорю.

Едва Лиза начала приводить в порядок один из одноместных номеров, как дверь отворилась и вошедший молодой человек весело произнес:

– О, да у меня гостя! Здравствуйте! Залог здоровья – чистота, шурум, турум, тарум та-та. Вот видите, хотел что-нибудь приличное сочинить для вас, да не вышло.

В следующий раз обязательно придумаю стишок.

Лиза взглянула на молодого человека и смутилась. В его серых глазах плясали веселые искорки.

– Не гоните меня, Елизавета Ивановна. Мне нужно с вами серьезно поговорить.

Лиза удивленно посмотрела на него. Мальцев протянул ей свое удостоверение.

* * *

Небрежно отдав честь часовому, капитан Морзе вошел в здание. Майор Бирч был у себя. Весело мигал глазок радиоприемника, из чрева которого доносились ритмичные звуки джаза.

«Шеф в отличном настроении, – подумал Морзе, – а после моего сообщения будет рад вдвойне».

Капитан не ошибся. Включенный приемник, действительно, всегда указывал на хорошее настроение Бирча. Это знали все сотрудники.

Поприветствовав Бирча, Морзе протянул ему небольшой сверток.

– Несколько часов назад выловил почту от «Азиата», господин майор.

– Расшифровали?

– Только что закончили.

Бирч развернул сверток. На стол выпал небольшой круглый футлярчик. Майор вынул из него узкую пленку и, повернувшись к окну, внимательно просмотрел все кадры.

– Карточки отпечатали? – спросил он.

– Мои ребята, господин майор, сделают это за час!

– Поторопитесь, капитан. Здесь, я вижу, есть новейшие военно-морские единицы.

Бирч уселся в кресло, кивком головы указав капитану на кресло рядом.

– Наконец-то «Азиат» расшевелился. Кое-какие из его снимков, я думаю, придутся по душе военному министерству.

Открыв холодильник, Бирч достал уже начатую бутылку виски и поставил на стол.

Посмотрев кинофильм после ужина, Васин и Шувалов зашли в судовой ресторан и, взяв «московской» и бутылку сухого вина, заперлись в каюте Васина. На столе появилась банка маринованных огурцов, хлеб, сухая колбаса. Васин разлил по полстакана водки, первый поднял стакан и, слегка кивнув Шувалову, выпил. Пожевали не спеша огурцы.

– Коля, – как бы между прочим, проговорил Дмитрий Львович, – я слышал, ты мне скоро долг отдашь. – Он смотрел на Шувалова спокойно и серьезно. Тот заерзал на месте, потянулся к пачке сигарет.

– Сразу все не смогу, Дмитрий Львович, извините... А четверть долга могу отдать с полочки.

– Нет, Коля, мне сейчас деньги вот как нужны. Хочу одну вещь себе купить. Так что верни сразу же.

– Дмитрий Львович, да где же я столько возьму? Четыреста рублей!..

– Не знаю, Коля, не знаю. Сам понимаешь, вещь покупаю. Так что давай, мозгуй.

– Не могу я сразу столько достать.

– А надо бы помозговать тебе. И крепко!

– Это почему же?

– А потому, – медленно проговорил механик, – что ты теперь мой должник до гроба. – Васин пристально смотрел на Шувалова. От его тяжелого взгляда по спине Николая пробежал холодок.

– Какая чепуха! – пытался улыбнуться он. – Из-за какого-то пустяка.

– Снимать военные объекты, по-твоему, пустяк? – Васин в упор смотрел на него.

– Какие объекты? Бросьте шутить!

– Я не шучу. Те самые, что ты мне показывал. Боевые корабли. Плюс еще несколько... – наклонившись к Шувалову, он продолжал уже тише: – Если я эти снимки отнесу... сам знаешь куда, тебе не позавидуют.

– А чем вы докажете, что они мои? – зло выкрикнул Шувалов.

Васин медленно поднялся, подошел к столу, вынул из ящика фотографию и протянул ее Николаю. На снимке был снят он сам со стеклом в руках, на котором были наклеены его фотографии. На них ясно можно было различить все. Шувалов отбросил фотографию.

– Для чего вы мне это показываете? Я не знаю, как вы могли меня сфотографировать, но все равно – это никого не интересует.

– Ошибаешься, Коля. Есть люди, которые за эти штуки очень хорошо платят. И ты уже убедился в этом. Четыреста рублей за несколько посредственных снимков... Согласись, это не так уж плохо?

– Что вы хотите от меня? – пересохшими губами прошептал Шувалов, лихорадочно обдумывая создавшееся положение.

– Это уже мужской разговор. Что я хочу? Пока одного. Я хочу, чтобы ты по-прежнему делал такие фотографии, только не таким громоздким аппаратом, как твой. Я тебе дам специальный. Им можно снимать даже ночью.

Николай сидел на стуле, согнувшись, уперев локти о колени и до боли сжав пальцы. «Что же это такое?! Стать помощником шпиона? Нет, нет, нет! Я еще не окончательно пропил свою совесть, чтобы пойти на это. Ах, гад! Что же делать? Задушить его. Нет, одному мне с ним не справиться. Дверь закрыта, но ключ в двери. Только бы успеть открыть».

– За это ведь высшая мера, – медленно проговорил он.

Васин рассмеялся.

– Пустяки! Риск, конечно, есть, но небольшой. – Он снова налил полный стакан и подошел к Николаю.

– Зато потом у тебя будет все, что пожелаешь. Деньги, сам знаешь, могут сделать все. Ну, а если потом захочешь, переправлю туда... С деньгами не пропадешь.

Он протянул Шувалову стакан. Тот взял, на секунду задержал в руке и вдруг, плеснув его в лицо механику, кинулся к дверям. Васин одним прыжком настиг его, и не успел Николай взяться за ключ, как он изо всей силы ударил его ребром ладони по горлу. Шувалов упал, даже не вскрикнув.

– Не хотел получать «высшую» у них, заработал у меня, – прошептал Васин.

Выключив свет, он открыл иллюминатор и осторожно выглянул. От моря несло холодом. Шипела и пенилась вода у борта. Подняв Шувалова, Васин поднес его к иллюминатору и, просунув до пояса, опустил ноги. С глухим всплеском тело свалилось за борт. «Восток» продолжал идти своим курсом.

Проснувшись рано утром, Лиза быстро оделась и отправилась к Мальцеву. В каюте старшего лейтенанта не оказалось.

«Где бы он мог быть?» – размышляла Лиза, направляясь в бытовую комнату. Нужно было выгладить к обеду несколько простыней и наволочек. Но, войдя туда, она вдруг вспомнила, что испортился электроутюг. Еще вчера хотела кому-нибудь отнести починить, да вот забыла. «Дмитрий Львович уже, конечно, встал» – подумала Лиза, взяла утюг и направилась в его каюту. Она оказалась запертой изнутри. Лиза постучала. За дверью послышался шорох.

– Дмитрий Львович, вы встали?

– А, это вы, Лиза. Что случилось? – Он чуть-чуть приоткрыл дверь.

Лицо его выдавало внутреннее волнение, красные веки свидетельствовали о бессонной ночи.

– Я к вам на минуту, Дмитрий Львович. Мне можно войти?

– Ну, входите, – нехотя сказал он, пропуская ее в каюту.

– Утюг барахлит. Вы почините?

– Оставьте, сделаю.

Поставив утюг на столик, Лиза только тут заметила, что постель была не разобрана, смятая, видно, на ней лежали в одежде.

– Вы не спали, Дмитрий Львович? – удивилась она.

– Так, не спалось что-то.

– Кстати, – строго сказала Лиза, – сегодня я меняю постельное белье, давайте и вам смену.

– Не надо! – резко крикнул Васин.

Но Лиза уже взяла подушку в руки, намереваясь снять наволочку, и вдруг заметила: под подушкой лежала бутылка с запечатанным сургучом горлышком. Сквозь толщу стекла она различила в бутылке какие-то бумаги.

– Что это у вас, Дмитрий Львович?

Васин бросился к постели, схватил бутылку и спрятал под одеяло.

– Так, пустяки. Экспериментирую. Изучаю течения, – и он деланно рассмеялся. Лиза заторопилась.

– Я пойду, Дмитрий Львович. А то старшая ругаться будет. Так не забудьте про утюг.

Она было направилась к двери, но Васин преградил ей путь. Он крепко взял ее за плечи и посмотрел прямо в глаза. Лизе стало страшно. На нее глядели два холодных, жестоких зрачка.

– Лиза, – хриплым шепотом сказал Васин, – выходите за меня замуж. Вы ведь знаете, как я вас люблю.

– Что вы... Что вы говорите! – воскликнула Лиза, пытаясь вырваться из цепких рук. – Пустите меня! Слышите, пустите! Я закричу!

Васин дышал ей в лицо.

– Лиза, останься со мной! Я один, у меня никого нет, кроме тебя.

– Пустите!

Она не успела крикнуть. Зажав одной рукой ей рот, другой он достал из внутреннего кармана флакон, зубами отвинтил колпачок, густо смочил край одеяла и плотно закрыл им лицо Лизы. Остро-сладкий запах отнял у нее силы, и сознание растворилось в пьяном обволакивающем тумане. Накрыв ее одеялом, Васин бросился к иллюминатору. Не опоздал!

«Восток» как раз проходил в условленном месте. Открыв иллюминатор, он швырнул бутылку метрах в трех от борта.

«Есть, Владимир Сергеевич!» – чуть было не заорал Федор и помчался на левый борт.

– Б-бут-тылка, товарищ старший лейтенант, б-бут-тылка, – весь дрожа и заикаясь, выговаривал Федор, подбежав к Мальцеву. Оба бросились к правому борту.

– Вот, видите, из тех иллюминаторов. Последний ряд. Как вылетела, я сразу заметил. Что делать будем, Владимир Сергеевич?

– Беги вниз, следи, чтобы никто не выходил из кают. Я к капитану: надо остановить корабль. Понял?

Васин еще не успел обдумать создавшееся положение, как раздался тихий стук в дверь. Он насторожился.

– Простите, вас вызывает второй помощник капитана, – раздался за дверью незнакомый мужской голос.

«Почему он не назвал его фамилии?» – молниеносно пронеслось в голове,

– Сейчас я приду. Только оденусь, – как можно спокойнее ответил он и, открыв дверцу шкафа, привычным движением вытащил из тайника бесшумный пистолет.

– Откройте немедленно, нам нужно с вами поговорить, – громче произнес тот же голос. В дверь застучали. Инстинктивно Васин понял: это конец! Выругавшись, он выпустил в дверь всю обойму и, бросив пистолет, рванул на себя крышку иллюминатора. Дверь каюты трещала под сильными ударами нескольких человек.

С треском вылетел замок. Первым к иллюминатору подбежал Мальцев. «Восток» к этому времени совсем остановился. Метрах в двадцати от борта колыхалось на волнах тело механика. К нему быстро подходила шлюпка.

– Да, не вышло у него с красивой смертью, – заметил Мальцев, – Пусть поживет. Живой-то он ценнее!

Стон, похожий на всхлип, заставил его обернуться. Держась за плечо, Федор опустился на кровать. И тут заметил выглядывавший из-под одеяла край так хорошо знакомого ему женского платья.

– Лиза... – только и мог чуть слышным шепотом выдать себя из себя.

* * *

Капитан Морзе внимательно наблюдал за «Востоком».

Что это? Он весь подался вперед. Лайнер вдруг застопорил ход. Остановился! С талей медленно спускалась шлюпка с сидевшими в ней людьми.

«Человек за бортом!» – мелькнула у капитана мысль. Быстро обшарил поверхность моря. Есть. От борта «Востока» едва различимый быстро удалялся, размахивая руками, человек. «Проклятье! Что бы это могло быть?!»

Вот его уже втащили в шлюпку, затем она устремилась дальше, явно что-то разыскивая. Гребцы затабанили весла. Один из них перегнулся через борт и достал из воды блеснувший на солнце предмет. Шлюпка развернулась и направилась к «Востоку». Через несколько минут советский лайнер устремился своим курсом.

Капитан Морзе понял, что это был его последний рейс на катере.

– Ну, что ж, Владимир Сергеевич, можно сказать, с победой вас, – такими словами встретил подполковник входящего в кабинет Мальцева. – Благодарите бога, что все обошлось благополучно, а ведь могло... Как его здоровье?

– Ничего страшного. Слегка кость задета. Через пару недель будет в строю.

Подполковник перевернул в папке несколько листков мелко исписанной бумаги.

– А теперь о механике. Его настоящая фамилия Харченко Семен Трофимович. Родился в 1925 году в Херсоне, потом жил в Одессе, работал в Черноморском пароходстве, часто ходил за границу. Любитель выпить, чрезвычайно падок на всякую яркую мишуру, лишь бы заграничная марка. Одним словом, мелкая сошка. На этом они и купили его по дешевке.

...Табачников открыл форточку. Ворвавшийся ветерок, пахнувший асфальтом и свежестью моря, всколыхнул тяжелые шторы и освежил их лица.

За окном на соседней крыше мальчишки гоняли голубей.

Весна 1967 г.

САКВОЯЖ

Рассказ-быль

На перроне было людно. В толпе мелькали заморские фуражки и френчи непрошенных «спасителей» России – японцев, американцев, множество кокард и мундиров представителей воинов, различных атаманов и атаманишек.

Купированный вагон оказался в хвосте. Несколько человек с чемоданами скопились у высоких ступенек тамбура. Вера нагнулась, намереваясь поставить саквояж на дощатый перрон.

– Мадам, п-а-а-звольте! – с акцентом произнес мужской голос. Рядом, вежливо улыбаясь, стояли два нерусских офицера с небольшими чемоданами в руках.

«Американцы, – быстро окинув ладно сидящую на них форму, определила Вера. – Капитан и поручик».

– Па-а-звольте, – тоном, не допускающим возражений, опять повторил американец и бесцеремонно взял у девушки саквояж.

В тамбуре проводник, мужчина лет пятидесяти, со взбитыми казачьими усами посторонился, пропуская господ офицеров «союзной» армии.

Поблагодарив американца за любезность, Вера взяла у него саквояж и направилась в свое купе. Не успела она присесть, как в дверях появился американский капитан с поручиком.

– О-о, мадам! – удивился капитан. – Прошу прощенья, но-о мы тоже поедим тут.

– Пожалуйста, пожалуйста, – улыбнулась Вера.

– Будем зна-а-комы, мадам, – продолжал американец. – Капитан союзнической армии Линк Миллер. А это-о мой заместитель поручик Уэлс Норт.

– Вера Лещенко, учительница.

– О-о, учительша, препо-о-дава-тель?!

Веру даже начинали забавлять разговорные потуги капитана. Ей впервые приходилось слушать русскую речь в такой интерпретации.

– Скажите, Вера, вы-ы бо-о-ль-шевикам сочувствуете? – спросил вдруг американец.

Миллер смотрел Вере прямо в глаза. «С чего это он?» – с тревогой подумала девушка.

– Лично мне, – продолжал Миллер, – приходилось сталкиваться с большевиками нос к нос. Было это-о возле Су-у-чана. Кругом лес, или, как это-о у русских, тайга, дремучая-я очень... Мой батальон встречайт партизан, немного разговаривай с товарищ командир. Я видель там и мадам, один, ноу, нет, две... как вы. Они стояль среди мужик с бородами-и и некорошо смотрель на меня, словно я враг их. Теперь я без ошибка узнай большевичку и большевика. По их физиономия фанатиков. У Линка Миллера на бо-о-льшевиков теперь – нюх.

«Надо быть осторожней с этой старой лисой», – решила Вера. Чутье подсказывало ей, хотя еще и малоопытной в житейских делах, что за личиной миллеровского добродушия скрывается что-то пока для нее неясное, но опасное.

– Господин Миллер, о чем вы говорили с партизанами?

– О чем говорил с партизан? I Извольте, с вами я-я буду откровенно говорить. Дело в том, что я почти молчал. Говорили партизаны. Они сказали, чтобы я со своими зольдатами убирался вон с русской земля. Это некорошо, некостеприимно...

«Капитан союзнической армии», как отрекомендовался Линк Миллер Вере, неспроста ехал в Сучан. Стоявшие на рейде Золотого Рога американские военные корабли остро испытывали недостаток в угле.

Штаб экспедиционного корпуса интервентов поручил сотруднику американской контрразведки Миллеру выяснить причину нерегулярных поставок топлива и, если потребуется, оказать нажим на дирекцию сучанских копей.

Перед поездкой Линк Миллер побывал в штабе японцев. В штабе Миллер уяснил для себя главное: виновниками ненормальностей в снабжении топливом американской эскадры являются большевики-подпольщики, и если уж ему, Миллеру, придется на кого-то давить, так только на большевиков. Но они, увы, в подполье. Искать же их в Сучане, который весь пропитан «духом большевизма», как выразился как-то его шеф, все равно, что бродить по заброшенной штольне без фонаря.

Линк Миллер не был бы американским контрразведчиком, если бы не понимал, что так хорошо законспирированное подполье может успешно действовать лишь в стране, где население сочувственно, если не сказать больше, относится к бунтарям

мира, как именовала большевиков пресса Запада. А если это так, размышлял Миллер, значит буквально в каждом русском можно видеть потенциального большевика, независимо от того, кто он: мужчина, женщина, старик или подросток.

Поезд подходил к какой-то станции. Едва состав остановился, в вагоне началась какая-то возня: непрерывно стучали раздвигаемые двери купе, тяжелый топот сапог раздавался во всех концах вагона.

Вера глянула в окно. Неподалеку стояли вышедшие из вагона капитан и поручик. Американцы разговаривали с белогвардейским офицером. В десяти шагах от них шли до десятка белогвардейских солдат. Они вели двух избитых, в кровоподтеках, арестованных.

– Партизаны, – сказал белогвардейский офицер.

– Зря их в таком виде в-ъ-едете перед публика, – заметил капитан белогвардейцу. – Возмущение будет вызывать. Бить надо, чтобы посторонний глаз не видел. Тихо бить. Понимаешь?

«Видно, что опыт имеет в таких делах, – горько подумала Вера. – С обхождением, так сказать, по-американски учит карать».

Дверь купе резко раздвинулась, и на пороге вырос офицер-капеллевец. За его спиной толпились солдаты с разомкнутыми штыками.

– Прошу прощения, мадам. Обыск, – вежливо, но твердо проговорил капеллевец.

– На каком основании? Вы не имеете права! – искренне возмутилась Вера. Она отступила назад и села на прежнее место.

– Сожалею, мадам, но... увы... Где ваши вещи? – Офицер подошел вплотную и потребовал открыть саквояж. «Все кончено, – с каким-то вдруг безразличием подумала Верочка. – Сейчас открою саквояж и...»

Внезапно взгляд ее упал на фетровый чемодан Миллера. Не отдавая себе отчета в своем поступке, она кивнула на него.

– Начинайте с этого.

Офицер взгромоздил чемодан на столик, собираясь открыть. За дверью раздался нервный возглас Миллера:

– В чем дело? Почему у моей место зольдат?

Солдаты, словно по команде, расступились, ошарашенные столь неожиданным появлением союзников. Заметив свой чемодан на столике и склонившегося над ним офицера с явным намерением открыть его, Миллер вспыхнул:

– Как это понимаешь?

Офицер-капеллевец нехотя обернулся, очевидно собираясь произнести свое традиционное «прошу прощения, обыск». Каково же было его удивление, когда его взору предстали два американских офицера. Капеллевец вытянулся и, отдавая честь, пробормотал:

– Прошу прощения, господа. Не имел чести знать, что это ваши вещи.

– Поручик, что вы тут и-искаль? – не отставал Миллер от офицера.

– Большевистские пропагандистские материалы, господин капитан. Приказ свыше.

– Оставьте нас и-и убирайте-е звой зольдат.

Оставшуюся часть пути Миллер почти не разговаривал с Верой. Он сидел, уставившись в окно. На лице его была гримаса недовольства. Казалось, так сильно подействовало на него только что произошедшее. Однако капитана занимали совсем другие заботы. «Почему эта учительница стусевалась, когда хотели вскрыть ее саквояж?» – думал Миллер, искоса бросая взгляд на сидящую напротив него девушку. Однако внешне он ничем не выдал, что озабочен думами о соседке по купе. Весь облик сидящей сейчас перед ним девушки говорил Миллеру за то, что она из обыкновенной русской провинциальной интеллигентной семьи, глава которой какой-нибудь учитель гимназии или административный чиновник. «Нет, о связях этого слабого создания с большевиками, – размышлял Миллер, – не может быть и речи».

Линк Миллер твердо уверовал в свою магическую способность безошибочно разбираться в людях. Он отбросил прочь все свои сомнения насчет соседки по купе. Замеченное при обыске волнение Миллер объяснил просто: девушка растерялась при виде белогвардейского офицера. Ведь ни для кого не секрет, что белогвардейцы ведут себя с мирным населением как им вздумается.

Капитан успокоился.

Внезапно Миллер весь подался к окну, едва не уткнувшись в него лбом.

– Па-а-ртиза-а-на... годдэм... сорвалось с уст капитана злое шипение.

Вера из любопытства наклонилась к окну. Ее взору представились перевернутые, разбитые и обгоревшие вагоны, в беспорядке

валявшиеся недалеко от колеи. Ближе всех лежал на боку паровоз. Вперемешку с вагонами валялись изуродованные орудия. «Работа партизан», – догадалась Вера. Она с любопытством наблюдала за перекосившимся лицом Миллера.

Солнце опускалось за густолесистые гряды сопок, когда Вера, наконец, добралась до Сучана. На этот раз Верин саквояж нес поручик.

Миллер предложил подвезти Веру на ожидавшей его пролетке. Она сначала было отказалась, но заметила стоявшего недалеко в окружении солдат каппелевца, руководившего обыском, и согласилась. Уж больно внимательно тот наблюдал за ними. Прилично отъехав, Вера попросила остановить пролетку.

– Ка-а-ак, вы уже сходить? – неподдельно вырвалось у озадаченного таким скорым расставанием с миловидной русской «мадам» капитана. Миллер захлопал глазами, засуетился, посмотрел зачем-то на своего помощника. – Ве-е-ра, мы встречаемся с вами-и во-о Вла-адивостоке. Не-е так ли? Я при-иеду вам в гимна-а-зию... школа... колледж... Найду, не сомне-е-вайтесь.

Пролетка резко тронулась с места, оставляя за собой густые клубы пыли. Поручик спросил своего соседа:

– Новый роман затеваете?

– Да, – отозвался Миллер. – Скучно в этой стране без романа. Кажется, с этой Верочкой у меня будет успех.

В этот же день «большевистские пропагандистские материалы», как выразился руководивший обыском каппелевец, были доставлены по назначению.

А еще через два дня она пришла на станцию, чтобы отправиться во Владивосток. У Веры было прекрасное настроение. Она выполнила первое серьезное задание старших товарищей.

Вспомнив Миллера, девушка усмехнулась: догадайся этот американец, что в саквояже, быть ей теперь в каппелевской контрразведке.

Поздно июльским вечером 1922 года Вера прибыла во Владивосток и вскоре постучалась в дверь знакомой квартиры.

Ноябрь 1968 г.

ПРЫЖОК

Рассказ

Эту историю я услышал от портового докера Френсиса Макдонельда в одном южноамериканском порту, куда мы зашли за грузом. Он побывал у нас на судне, попробовал русского борща, выкурил несколько наших папирос и остался очень доволен.

В кают-компании его рассказ слушали все свободные от вахт моряки. Он рассказывал по-английски, иногда вставляя русские слова. (Раньше он плавал матросом и бывал несколько раз в Советском Союзе).

Едва лесовоз «Эллиот» отшвартовался в порту, как все свободные от вахт разошлись кто куда. Внезапно матроса Майка Хопгинса, высокого, широкоплечего брюнета, вызвал капитан.

– Сэр, вы меня вызывали? – спросил Майк.

– Да, Хопгинс, – проговорил капитан. – Видишь ли, дружище, наша компания производит сокращение плавсостава. Причина мне неизвестна. В присланной инструкции говорится, что в первую очередь сокращению подлежат лица, поступившие на работу в нашу компанию недавно. Вы работаете у нас всего четвертый месяц...

...Полгода назад Майк работал на заводе. Жил он с матерью и младшим братом Джорджем. Мать не работала по старости, а брат учился на последнем курсе колледжа. Они жили только на то, что зарабатывал Майк. Правда, мать получала пенсию за отца, погибшего во время нападения японцев на Пирл Харбор. Но она была так мизерна, что почти вся уходила на уплату за квартиру. Кроме того, за учебу Джорджа нужно было платить.

А тут Майка уволили с работы. Но ему повезло. Он устроился на пароход. Каждый месяц он аккуратно высылал домой деньги. Скоро Джордж окончит колледж, все-таки работать будут двое. А там, может быть, они смогут купить себе отдельный небольшой домик на окраине города, где меньше копоты и шума. «Только бы не потерять работу, пока брат получит диплом».

Прошел месяц. Поиски работы ни к чему не привели. Денег у Майка с каждым днем становилось все меньше. Наконец, отчаявшись найти работу в этом городе, он на последние деньги купил билет и уехал на юг. И здесь, в большом городе, он обошел все конторы – работы не было. Но Майк не унывал. «Не может

быть, чтобы такой парень, как я, не нашел работы. Я молод, – это главное. Хозяева берут таких, как я, крепких, молодых».

Майк купил несколько местных газет и стал просматривать объявления. «Требуются мужчины, хорошо умеющие плавать и прыгать с большой высоты. Обращаться в...» – прочитал Майк. Буквально через несколько минут он уже ехал в пригородном поезде по адресу, данному в объявлении.

В вагоне, рядом с ним, сидел пожилой мужчина в потрепанном костюме и читал газету.

– Скажите, пожалуйста, – тронул его за рукав Майк, – вы знаете, что за контора находится по этому адресу? – И он протянул мужчине бумажку с адресом. Тот прочитал его, отложил газету и внимательно посмотрел на Майка.

– Ты что, безработный?

– Да, уже полтора месяца...

– А ты знаешь, какую ты нашел работу? Благодаря ей ты очень легко можешь попасть прямо в рай...

Мужчина недобро усмехнулся.

Место здесь было очень красивое. В густой зелени стройных пальм утопало белоснежное здание курорта. К морю обрывалась громадная подковообразная скала высотой более сорока метров. О подножье этой скалы бешено ударялись волны. Выход из этого подковообразного залива был только один, и тот представлял большую опасность для тех, кто осмеливался через него плавать, так как весь был усеян торчавшими из воды камнями.

– Вот место твоей работы, – произнес мужчина, когда они с Майком остановились у края скалы.

– Видишь, по краям скалы все загорожено... Это для публики, которая будет наблюдать за тем, как ты будешь прыгать вниз головой, а потом выбираться из этой могильной ямы через вон тот проход.

Майк в сердцах сплюнул, что зря истратил несколько долларов на билет и, повернувшись, зашагал к станции, чтобы уехать отсюда подальше. Нет, он не сумасшедший, чтобы согласиться на это.

Прошло два месяца. В похудевшем, давно не брившемся человеке, сидящем в вагоне, трудно было узнать бывшего Майка.

Майк держал путь туда, откуда он уехал два месяца назад. Недавно он получил письмо из дома. Мать писала, что Джорджу необходимо внести деньги за обучение, иначе его выгонят из колледжа.

...Он совершит прыжок, переборет страх, но совершит его. Он неплохой пловец. Ведь не все же разбиваются о камни, есть и счастливые...

...Прыжок был назначен на воскресенье. С утра люди потянулись к скале.

До прыжка осталось несколько минут. Появился распорядитель, тучный мужчина в светлом костюме, гладко выбритый, в черных очках. Глаз его Майк не видел. Они скрывались за черными стеклами.

– Вот в этом пакете деньги, которые ты получишь после прыжка.

Майк стоял на краю скалы, готовый к прыжку. Посмотрел вниз. Там был адский кипящий котел. Волны с грохотом, подобным пушечному, ударялись о камни, откатывались и затем снова шли на них в каком-то свирепом исступлении.

– Внимание, приготовиться...

– Господа! – обратились очки к толпе. – Сейчас вы увидите сенсационный номер «Прыжок в адский котел». Этот прыжок могут совершить только отважные и смелые. И один из них перед вами – Майк Хопгинс.

Когда он вынырнул на поверхность, кроме пенящихся гребней волн да мрачных скал, нависших над ним, ничего не видел. Ожесточенно работая руками, он устремился к заветному выходу из этого проклятого адского котла. Волны швыряли его, поминутно грозя выбросить на торчащие из кипящей воды камин. Майк не замечал этого. Из всех сил продолжал двигаться вперед. Все ближе и ближе выход. И самое страшное там, в этом узком, как горлышко бутылки, проходе.

И вот Майк уже в проходе. Он ведет сейчас борьбу не только за свою жизнь, за себя, но и за Джорджа. Он сейчас борется за двоих... Он должен победить!

И тут сумасшедший очередной вал приподнял Майка и с силой бросил на камни. Майк увидел небо, чистое и голубое, – последнее, что он увидел в жизни.

Волны по-прежнему всю мощь обрушивали на скалы, будто стремясь снести их с пути и, бессильные, отступали, чтобы все повторить сначала.

10 июня 1962 г.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ДЕНЬ СИДА НОУЭРА

Рассказ-быль

Грузовое судно «Техас» вошло в порт рано утром, когда солнце уже вставало из-за дальних неясных очертаний сопок. Оно приветствовало советский портовый город протяжным гудком.

На корме «Техаса», на флагштоке, увенчанном массивным сигнальным фонарем, развевался звездно-полосатый флаг.

Как только судно ошвартовалось и капитан Клей, высокий тучный мужчина с нездоровыми кругами под глазами, покинул мостик, члены команды, свободные от вахт, стали собираться в город.

Ничем особым не выделялся из них и 35-летний, среднего роста, матрос – негр Сид Ноуэр, разве только цветом кожи да широкими геркулесовыми плечами.

В Советский Союз Сид Ноуэр, как и большинство членов команды, попал впервые. Он с интересом рассматривал в иллюминатор открывшийся его взору большой современный, оснащенный множеством механизмов, морской порт. По обе стороны просторной бухты кипела чужая, неведомая ему, Сиду Ноуэру, жизнь. Единственное, что ему здесь было знакомо, – шум порта. Он такой же, как и во всех крупных портах мира: гудки маневровых тепловозов, предостерегающие звонки кранов, возгласы докеров «май-на», «вира», музыка, доносившаяся с некоторых судов, стоящих у причалов.

Одев костюм и получив у помощника капитана «валюту» – русские деньги, Сид направился к трапу. Проверив документы Ноуэра, пограничник взял под козырек: добро пожаловать на советскую землю! На лице пограничника Ноуэр не заметил ни тени превосходства над ним, ни пренебрежения к нему, черному, что обычно бывало в европейских портах, когда он сходил на берег и предъявлял документы.

Миновав проходную порта, Сид очутился в городе. Город этот ничем не отличался от других таких же городов, в изобилии разбросанных по всему свету; тот же шум автомобилей на улицах, витрины магазинов, непонятный говор людей на тротуарах, вечно куда-то спешащих, то же синее без конца и края небо над головой.

Первое, что отметил про себя Ноуэр и что существенно отличало этот город от других, это малое по сравнению с его страной

количество легковых автомобилей, но зато много, почти непрерывная вереница, больших и малых грузовиков, везущих кирпич, целые блоки домов, лес и еще много различных грузов, которые в основном, как отметил Ноуэр, применяются при строительстве домов. «Очевидно, много строят», – подумал он. Через несколько кварталов увидел большую строительную площадку. Над возводимыми жилыми зданиями медленно двигались строительные краны, чем-то напоминая Сиду гигантских страусов, в изобилии водящихся в саваннах. «Все дома светлых тонов, с балконами», – отметил Ноуэр.

Его дом с этими и не сравнишь. Сид даже внутренне усмехнулся от такой мысли. Продолговатый, серого цвета барак с крышей, устланной проржавевшей жестью. Кое-где крыша течет, и жильцы, такие же труженики, эти дыры залатывают автомобильными дверцами, расплюснутыми жестяными банками из-под керосина. Это и есть его, Сида Ноуэра, дом.

Устав от ходьбы, Сид остановился у автобусной остановки. Несколько человек, ожидающих автобус, украдкой и с любопытством посматривали на него, особенно мальчишки. И странное дело: Сид не замечал на себе ни одного враждебного взгляда, никто не смотрел на него с пренебрежением. Наоборот, мальчишки смотрели на него с крайним интересом, взрослые – украдкой, со сдержанным любопытством. Видимо, в этом городе негры бывали редко.

Взвизгнув тормозами, плавно подкатил красного цвета автобус. На его огромном блестящем боку во всю длину большими белыми буквами было что-то написано. Люди устремились к нему. Сид Ноуэр в нерешительности остановился. Он не знал ни одной русской буквы. Мог только выговорить некоторые русские слова, вроде: «Здравствуйте», «сколько», «куда», «зовут» и еще с десяток слов. Большая надпись на боку автобуса насторожила его. Вспомнилась родина, предупредительные надписи в барах, автобусах, парках: «Только для белых» и многозначительные, красноречивее всяких слов, взгляды полицейских.

Заметив его нерешительность, какой-то паренек в синей рабочей спецовке, видимо, ремесленник, стоявший у самой дверцы автобуса, приветливо махнул Сиду рукой.

– Садитесь, – дружеская улыбка, казалось, никогда не сходила с его простого лица, покрытого веснушками. Сид подошел к дверце автобуса.

– Ет-то... белых... ес... – и он указал рукой на надпись. Некоторые пассажиры догадались, в чем дело, заулыбались.

– Нет... ноу, – спохватившись и поняв, в чем дело, быстро проговорил паренек в спецовке.

– Здесь написано: «Будьте внимательны на улицах». Улица... Стрит.. Авеню... Понимаешь!? Садитесь, всем места хватит.

Поколебавшись какое-то мгновение, Сид все же вошел в автобус. Какая-то молоденькая девушка уступила ему свое место. Но Сид, поблагодарив ее, не сел. Всю жизнь он сторонился белых, и белые сторонились его. Он не мог просто так вот сесть рядом с белым человеком. Сразу трудно отвыкнуть от мысли, что здесь, в другой стране, не так, как везде. Его все еще терзали сомнения.

Доехав до центра города, Сид вышел из автобуса. Он уже изрядно проголодался и, заметив на углу улицы кафе, вошел. Свободных мест не было, но один столик, стоявший в дальнем углу, был почему-то пуст. Ноуэр направился к нему. На столике, застланном белоснежной скатертью, стояла табличка с непонятной надписью. «Может, это и есть для черных?» – подумал он. Опять сомнения подкрались к нему. «Белые люди, – часто говорил ему его давнишний приятель, – есть белые люди, и лучше от них держаться подальше. Все они одинаковы».

Размышления его прервала подошедшая белокурая официантка с блокнотом и карандашом в руках.

– Пожалуйста, садитесь, – проговорила она. Ее голубые красивые глаза смотрели на него приветливо. Заметив его нерешительность, девушка объяснила:

– Это диетический стол, но мы вас обслужим, пока никого нет.

– Сыпа-а-сибо, – добродушно улыбаясь, произнес Сид и осторожно присел на услужливо выдвинутый официанткой стул. Медленно повернул голову направо, налево. Никто на него не обращает внимания. Каждый занят своим. Заказал порцию борща, пельменей, бутылку пива. Он с аппетитом ел все это и искоса поглядывал на людей, сидящих вокруг. Они такие же, как и у него на родине, и в то же время какие-то особенные, приветливые, гостеприимные. И этот паренек в автобусе, и эта белокурая девушка-официантка, и первый русский, встреченный им здесь, – пограничник у трапа. Удивительная страна, эта Россия!

Порты многих стран посетил он, Сид Ноуэр, всякое пришлось повидать, но такого еще не видел! Будет что рассказать

дома. Хватит на несколько вечеров. Пожалуй, не все поверят этому. Сочтут его рассказы о России за выдумку.

Черт возьми! В конце концов это и не важно, что не все поверят ему там, дома. Главное, что он сам увидел и убедился. А уж самому себе нельзя не верить!

Расплатившись и поблагодарив официантку, Ноуэр вышел из кафе. Стоявший на перекрестке военный в форме сержанта с регулировочным жезлом в руках внимательно проводил его взглядом. «Милиционер», вспомнил он слово, которое иногда упоминали матросы в рассказах о России.

Ярко светило солнце. С бухты дул легкий, едва уловимый ветерок, доносивший до Сиды такие знакомые, ставшие уже привычными, запахи моря. И здесь, вдали от его родины, море пахло так же, как и у него дома, – морскими водорослями, нефтью, смолой. «Да, – думал Ноуэр, – море везде одинаково, а люди...»

...Уже начинало темнеть, стал накрапывать мелкий дождик, зажигались цветные огни неоновых реклам, когда Сид, усталый, полный необычных впечатлений, возвращался в порт. После сегодняшнего дня на судно почему-то не очень тянуло. Во всяком случае Сид не спешил. Заметив рядом с проходной порта скверик, Сид направился к нему. У крайней скамьи стояла на шесте какая-то табличка, но Сид, не обращая на нее внимания присел. Он уже убедился: здесь, в этом русском городе, не стоит настораживаться при виде надписей в общественных местах. Усилившаяся морось проникала за воротник пиджака, но Сид даже не чувствовал этого. Он сидел на скамье, над которой раскинула свои ветви береза, курил русскую папиросу и о чем-то думал, думал... Для него не существовало ни дождя, ни наступившей ночи в незнакомом городе.

Впервые в чужой стране среди белых людей он себя чувствовал легко и свободно. Здесь белые люди не чурались его, дружески улыбались ему, и он, Сид Ноуэр, черный среди белых, тоже не сторонился их, приветливо улыбался в ответ. И все это случилось всего лишь за один день, ставший для Сиды Ноуэра необыкновенным днем в его жизни.

25 ноября 1965 г.

ПОДЖОГ

Рассказ

Строительство небоскреба подходило к концу. Серая громадина возвышалась над кварталами приземистых домишек, закрывая их своей мрачной тенью. Только к вечеру заходящее солнце обласкает на короткое время своим нежным слабеющим лучом убогие лачуги, и мрак ночи окутает все кругом.

В одном из таких пропитанных сыростью домиков проживал каменщик Эдвин Пайер.

Он был одним из счастливых, которым удалось получить работу на строительстве восьмидесятиэтажного гиганта. Изголодавшийся по работе и хлебу, Эдвин возвращался по вечерам с работы усталый и довольный.

Но сегодня Пайер нарушил распорядок. Переодевшись в костюм, он вопреки обыкновению не спешил домой, а сидел в раздевалке, медленно потягивая дым из прилипшей к губам сигареты.

— О чем задумался, дружище? Пойдем в бар. Кружка-другая пива быстро приведут мысли в надлежащий вид и укажут им верную дорогу, — проговорил толстый, как куль, Фрэнк Граббе, друг Эдвина.

В баре Эдвин оставался таким же молчаливым и, только допивая третью кружку, прервал, наконец, молчание:

— Думаю я, Фрэнк, вот о чем. Строительство небоскреба приближается к концу. Одна-две недели — и все мы получим расчет. Куда потом? Где не узнавал, работы нет, кругом увольняют, а приема не предвидится. Опять голодная жизнь безработного. У меня трое детей, жена...

— Да, Эдвин. Я тоже думаю об этом и не вижу никакого выхода. Кончим класть последний этаж — и выметут нас на улицу. Я немного скопил денег, пока работал, но их ненадолго хватит, растают, как вот эта пена, — глядя на бокал с пивом, проговорил он, помрачнев.

Дома Пайер ел без аппетита. Без интереса просмотрел свежую газету. Ему давно примелькались приторные лживые фразы, в которых часто упоминались слова «благополучие», «процветание», «высокий жизненный уровень» и им подобные. По крайней мере, к его семье и семье его товарищей по работе они не имели никакого отношения. Его семья еле сводила концы с концами.

В предпоследний день перед окончанием работ на доме Эдвин поднялся на последний этаж и долго смотрел на панораму раскинувшегося внизу города. Никто не знал, о чем думал он, какие мысли таились в его голове, да и никого не интересовало это.

Опустившись вниз, Эдвин быстро переоделся и отправился домой. Сославшись на головную боль, прилег на диван, не переставая думать о чем-то, курил сигарету за сигаретой.

Когда стемнело, он зашел в кладовую, взял галлон с бензином, обернул его в газету так, чтобы никто не смог догадаться, что он несет. Жене сказал, что пойдет к товарищу, плотнику, отнесет взятый им на время инструмент...

...Через десять минут Эдвин Пайер взбирался по высоким ступеням на верхние этажи небоскреба. Добравшись до семидесятого этажа, он остановился. Холодный пот насквозь пропитал плотную рубаху.

Эдвину стало страшно. «Вдруг меня кто-нибудь видел, когда я входил, и сейчас по моим следам идут сторожа. Что я скажу, когда они спросят о причине моего пребывания здесь и о том, что у меня в руках? Нетрудно догадаться, что меня сюда привело». Эдвин долго прислушивался и наконец-то убедился, что опасности нет. Затем отвернул крышку. Никогда запах бензина не казался ему таким тяжелым и зловещим, как сейчас. И вновь ужас сковал его: уничтожить все, что он и его товарищи создавали в течение долгих месяцев... Как жестока жизнь, если позволяет людям уничтожать самое дорогое — продукт своего труда — для того, чтобы получить возможность трудиться вновь, для того, чтобы предотвратить голодную смерть.

Трясущимися руками Пайер поднял галлон и расплескал по этажу бензин. Затем, выйдя на лестницу, зажег спичку и бросил ее в ближайшую комнату.

Взметнулся столб пламени, но Эдвин уже бежал вниз по лестнице, не видя, что делается наверху.

Через полчаса Эдвин Пайер стоял среди людей, со страхом следящих за тем, как багровое пламя, раздуваемое ветром, охватывает этажи небоскреба. Толпа быстро росла, наполняя тревожным гулом ночную улицу. Никто не бросился тушить пожар, грозящий уничтожить не только эту многоэтажную громаду, но и их убогие жилища, никто не кинулся помогать приехавшим пожарникам,

всех охватила одна мысль: «Этот пожар их спасение, они снова будут иметь работу».

Утром Эдвин ушел на работу молча. Жена ни о чем не спрашивала его. Еще вечером, во время пожара, догадалась она, что за сверток был в руках мужа, когда он уходил к товарищу. Она знала, что с этого дня муж вновь обрел работу на несколько месяцев.

13 марта 1962 г.

НАШЕСТВИЕ «ФУ-ГО»

Рассказ-быль

Начало ноября 1944 года. Тихий океан. Теплоход Дальневосточного пароходства «Волочаевск» с трюмами, полными пиломатериалов, приближается к берегам Соединенных Штатов. Ослепительно яркое солнце заливает все окрест. Его безжалостные лучи скользят по вершинам небольших волн, и глазам больно смотреть на их блеск. Горизонт чист, без единой тучки. Прекрасная погода!

Капитан Семен Моргунов, стоя рядом с рулевым Яковом Морозенко, привычно обшаривает горизонт биноклем: ни единого дымка. Передав бинокль вахтенному помощнику, Моргунов спустился к себе в каюту. Закурил и собрался было присесть к столу, как в дверь постучали. Вошел вахтенный помощник.

– Товарищ капитан, недалеко от нас к воде опускается какой-то воздушный шар с подвешенным грузом.

Из ходовой рубки Моргунов увидел медленно снижающийся приличных размеров шар с подвешенным к нему металлическим контейнером. Шар вот-вот должен был опуститься на воду. Капитан остановил судно, за борт спустили шлюпку. Вскоре грузовой стрелой небесный пришелец был поднят на палубу. День был ветреный и морозный, любопытная команда вскоре разошлась, решив, что шар запустили метеорологи, в порту его передадут властям.

В те тревожные годы все советские суда, идущие в Северную Америку с Дальнего Востока, обязательно заходили в бухту острова Акутан – открытую военную базу американцев.

На острове на берег никого не пустили, так как пограничный, таможенный и карантинный контроль предстояло проходить в порту назначения – Портленде. В этой уютной бухте суда в основном пережидали штормовую погоду, приводились в порядок после долгого перехода через океан.

На следующий день «Волочаевск» снялся с якоря и взял курс в устье Колумбии. Дул сырой холодный ветер. Портленд прописался на этой реке с узким и извилистым фарватером. Бар реки у судоводителей считался опасным. Через Колумбию переброшено несколько мостов. Проходя под ними, Моргунов поневоле вспомнил высказывание посла Великобритании в Москве Стаффорда

Криппса: «Наиболее крепким мостом через реку недоверия между государствами является торговля».

Теплоход «Волочаевск» резко выделялся среди снующих по реке судов. По бортам и на брезентах трюмов гигантскими буквами по-английски было написано USSR (СССР), нарисованы советские флаги.

Еще когда приближались к Акутану, по международному обычаю на мачте теплохода в знак дружбы был поднят американский флаг. В Портленд стекались грузы со всех концов США. Все они в основном предназначались для поставок по ленд-лизу. Перевалка огромного количества груза давала работу тысячам американцев, что благотворно сказывалось на экономике не только города-порта, но и штата Орегон.

Уже после оформления властями всех формальностей офицер-переводчик конвойной службы США, увидев лежащий у борта судна слегка сдувшийся шар, стал что-то быстро объяснять своим коллегам, испуганно косясь при этом на шар. Моргунов обратил внимание на встревоженного переводчика, но никак не мог взять в толк, что могло так испугать его. Капитана удивило, с какой поспешностью американские чиновники поспешили покинуть судно. Еще не достигнув трапа, переводчик, косясь на шар, быстро заговорил:

– Господин капитан, откуда он у вас?

Моргунов спокойно удовлетворил его любопытство.

– Капитан! – вскричал переводчик. – На борту у вас бомба!

Комкая русские и английские слова, американец объяснил капитану суть дела.

Вскоре к борту «Волочаевска» подкатил военный студебеккер с солдатами. Саперы осторожно погрузили шар на разостланный в несколько слоев брезент, и машина тронулась к пустырю, начинавшемуся сразу за портом. Саперы тихо и бесшумно сделали свое дело – взрыва наши моряки не слышали.

На судне в этот день только и было разговоров о злополучном шаре. Случай этот и Моргунова выбил из привычной колеи.

– Да, комиссар, – с каким-то виноватым видом посмотрел капитан на вошедшего к нему помполита Николая Шершнева. – Маху мы с тобой дали с этим проклятым шариком...

Семен Феоктистович помолчал, нервным движением достал из пачки сигарету, прикурил от зажигалки и с каким-то смущенным видом произнес:

– Хотели помочь американским синоптикам, все-таки шар, мол, собрал нужную информацию о погоде... Неучи мы с тобой в военном деле, Николай Васильевич. Страшно подумать даже, что мог натворить этот чертов шарик...

В один из дней, когда судно разгружало доставленный пило-материал, на борт теплохода с переводчиком прибыл капитан второго ранга, офицер береговой охраны. То, что он рассказал об этом шаре, взволновало Моргунова.

А услышать Моргунову пришлось следующее. Японцы приступили к запуску в воздушное пространство Северной Америки так называемых огненных шаров «Фу-Го». Сделаны они из очень плотной бумаги «васи». Оболочку склеивали из квадратных фрагментов, для водостойкости пропитанных каким-то химическим веществом, делающим ее очень прочной. Шары заполнялись водородом, их вес достигал 12 килограммов. К каждому крепились осколочная фугасная бомба весом 15 килограммов и четыре зажигательных боеприпаса по 5 килограммов каждый. Трех дней шару хватало для преодоления восьми тысяч километров – такое расстояние отделяло Японию от Северной Америки. Специальное таймерное устройство отсчитывало 72 часа и сбрасывало бомбу.

Пилоты американских истребителей сумели перехватить и уничтожить лишь единицы этих шаров. По словам офицера, доставленный русскими шар, видимо, еще не выбрал трехсуточного лимита времени и, скорее всего, из-за утечки по какой-то причине водорода совершил посадку в океане. Американец привел любопытную деталь. Перед уничтожением шара со взрывчаткой саперы обнаружили на нем надпись по-английски: «Зиро аур» («решительный час»).

Шли дни, судно принимало груз на обратный рейс. Свободные от вахт и судовых работ моряки совершили выходы в город. К ним был приставлен офицер-переводчик. В порту бросался в глаза большой красный плакат: на фоне огромной папиросы, которую впору было курить лишь Гулливеру, портовые сооружения, люди, пароходы, объятые пламенем, и надпись: «Курение – это саботаж!»

В городе моряки обратили внимание на окна домов. На многих из них были приклеены небольшие бумажные листы. На них в красном ободке на белом фоне нарисовано несколько черных звездочек – одна, две, три, четыре. Спросили переводчика об их предназначении.

Выяснилось, что американские семьи числом звездочек, приклеенных к оконному стеклу или вывешенных в окнах домов, дают знать, сколько членов семьи находятся в вооруженных силах и защищают свою страну на полях сражений. Выслушав переводчика, боцман Егор Свиридов пояснил ему:

– У нас в России тоже есть такой обычай. Только звездочки наносятся на истребители. Их количество означает, сколько немецких самолетов сбил наш пилот.

Боцман покосился на переводчика, пригладил свои усы, словно они ему мешали говорить, и добавил: – Только наши звездочки несколько иные: красные.

Когда моряки «Волочаевска» уже возвращались из города, к ним подошел мужчина с бутылкой в руке, из которой сам отпил уже несколько глотков. И обратился к морякам:

– Рашен вэри гуд феллоу?

– Ноу, приятель, – ответил ему механик Виктор Ручкин, – у нас через час, тайм, на вахту заступать. Нельзя нам, понимаешь?

Переводчик перевел.

– О кей, о кей! – закивал мужчина. – Йес. Хорош, хорош...

Похлопал Ручкина по плечу и, слегка пошатываясь, побрел дальше.

«Волочаевск» заканчивал погрузку, экипаж готовился к выходу в океан. Проверяла свое хозяйство и военная команда во главе со старшим лейтенантом Иваном Мошкиным. В отличие от атлантических перевозок грузов по ленд-лизу, суда которых охранялись военными кораблями союзников, тихоокеанские перевозки такой охраны не имели. Суда в одиночку ходили по рекомендованным курсам. Потому-то на них и находились военные команды. С ними морякам было спокойнее.

Хозяйство Мошкина имело на корме в наличии полуавтоматическую 76-миллиметровую пушку со специальным погребок, где хранились бронебойные и фугасные снаряды. На мостике находились еще две скорострельные пушки и два крупнокалиберных пулемета. Причем кормовую пушку, как наиболее бросающуюся в глаза, маскировали брезентом и деревянными щитами.

В последний перед отходом из Портленда вечер Моргунов с грузовым помощником в своей каюте перелистывали коносаменты, уточняли количество палубного груза (автомобильная

техника), обговаривали его тщательное крепление. В каюте находился и помполит Шершнёв.

Когда капитан закурил очередную сигарету, помполит осуждающе произнес:

– Куришь, Семен Феокистович, много, поберег бы здоровье.

– Хорошо тебе некурящему. Папиросы у меня закончились, вот курю эти сигареты «Винге». Фактически в них не табак, а бумага, упакованная, так сказать, в никотиновую оболочку.

С этими словами капитан взял с книжной полки стакан с желтоватой водой, поставил его на стол:

– Пару дней назад вытряхнул я в этот стакан содержимое сигареты. И вот что обнаружилось. Видишь?

На дне стакана лежали тонкие белые полоски обычной бумаги, чем-то напоминающие вермишель. Все, в общем-то, было понятно и без слов: шла война, ощущалась нехватка многих вещей, в том числе и табака, вот табачные фабрики и выкручивались таким вот способом.

– Лучше уж махру курить, – в сердцах бросил капитан, – чем этот суррогат.

Через три недели «Волочаевск» вновь вышел из Владивостока на Портленд. При подходе к Акутану моряки вновь заметили пару зловещих воздушных шаров «Фу-Го». Плыли они низко над водой. Мошкин попросил капитана удалить людей с палубы, закрыть все иллюминаторы. Через пару минут с мостика два крупнокалиберных пулемета открыли по шарам огонь. Многие моряки впервые в жизни увидели боевое оружие в действии. Это еще раз напомнило им, что в мире война и мало осталось мест на земле, где люди продолжали жить мирной жизнью.

Два мощных взрыва почти одновременно нарушили тишь океана. Их эхо постепенно удалялось к горизонту. Метались напуганные взрывами чайки и бакланы. На траверзе Акутана моряки увидели силуэт эсминца. Свидетелями уничтоженных русскими шаров явились и американские военные моряки.

В этот же день сразу после обеда капитан вызвал к себе главного кока Федора Губина, еще молодого, но уже опытного, освоившего навыки поварского искусства на действительной службе в военно-морском флоте. Моргунов о чем-то поговорил с ним с глазу на глаз, и Федор, уйдя к себе, собрал своих помощников, с которыми начал что-то горячо обсуждать. Вскоре на камбузе загрели

кастрюли, застучали по разделочным доскам ножи – камбуз готовился к ужину.

Когда моряки стали стекаться в столовую команды к вечерней трапезе, в глаза им бросился бумажный транспарант: «Поздравляем команду Ивана Мошкина с уничтожением вражеских объектов!» Конечно, по такому поводу не мешало бы всем по сто фронтовых граммов. Но время было военное, на флоте строгий сухой закон. И когда к компоту Федор Губин с помощниками внес и торжественно водрузил на каждый стол по испеченному пирогу, это вызвало необычайное оживление. Каждый пирог был выполнен в форме воздушного шара, а на подвеске к нему – корзинка из теста, наполненная вареньем. Моряки со смехом чокались друг с другом кружками с компотом, хлопали по плечам членов команды Мошкина: «Так держать, служивые, молодцы!»

Моргунов с кружкой в руках поздравил военную команду с боевым успехом и напомнил, что на счету команды теплохода, с учетом взятого ранее на борт воздушного шара, уже три уничтоженных вражеских объекта.

Выпив свой компот, боцман Свиридов повернулся к Мошкину:

– Да, старлей, если бы не эти самурайские шары, будь они неладны, твои пушки и пулеметы так бы и не постреляли, заржавели бы...

– Пусть лучше ржавеют, – не полез в карман за словом Мошкин, – чем подвергнуться нападению врага. Тебе же лучше – вернешься живым и здоровым к своей старухе. А насчет ржавчины – не беспокойся, на этот случай у нас есть хорошая смазка для стволов.

Крыть боцману было нечем, он смутился, затеребил свои усы. В подобных случаях они являлись для Свиридова палочкой-выручалочкой: пошерстил их – и успокоился.

Через несколько дней газеты Портленда вышли с аршинными заголовками на первых полосах: «Русские моряки коммерческого судна «Волочаевск» открыли на Тихом океане второй фронт!» Под шапками заголовков помещалась фотография «Волочаевска» с четко видимыми на борту буквами USSR и флагом СССР. К концу недели переводчик, определенный на наше судно, сообщил Моргунову о предстоящем визите на теплоход представителей командования водного района Портленда. Цель? Выразить благодарность русским морякам за их вклад в борьбу США с империалистической Японией.

На следующий день у борта «Волочаевска» остановилась легковая машина, по трапу легко взбежали несколько морских офицеров.

К их приходу заранее подготовились. В салоне капитана был накрыт стол, выставлены представительские бутылки сорокаградусной и традиционная русская закуска по особому поводу: бутерброды с красной икрой и сыром. Представитель гостей и капитан обменялись короткими речами. Смысл их выступления был пронизан духом решимости союзников общими усилиями завершить войну на Тихом океане как можно скорее.

В заключение своей речи капитан второго ранга – зам. командующего береговой обороной данного водного района – вручил Моргунову миниатюрную копию знаменитой Статуи Свободы, гордо возвышающейся на входе в Нью-Йорк. Она тут же была «обмыта» не одной рюмкой «рашен шнапса». Как пишет в подобных случаях пресса, «встреча союзников прошла в теплой дружественной обстановке».

Через несколько дней «Волочаевск» с грузом автомобильной техники покинул Портленд.

Вскоре после войны стали известны более детальные подробности воздушной войны Японии против США. Всего с ноября 1944 по апрель 1945 года японцами было запущено в сторону Северной Америки свыше 9300 воздушных шаров. Ее территории достигли лишь не более 300. При их взрывах были убиты шесть человек. Все они приближались к упавшему шару слишком близко, а в этот момент срабатывали взрывные устройства.

А вот оценка самих японцев своей воздушной войны против американцев. Один из высокопоставленных офицеров военного министерства Страны восходящего солнца писал в своих воспоминаниях: «В начале последнего года войны мы пустили в ход новое оружие – к небольшим воздушным шарам привязывались бомбы и пускались через океан. Через некоторое время мы узнали, что некоторые из этих бомб долетели до Америки и взорвались вдали от населенных пунктов, напугав нескольких лесорубов. Никакого влияния на ход войны эти шары с бомбами оказать не могли».

Красноречивые признания высокого военного чина из токийского квартала Итигаядай, где в те далекие годы располагалось военное министерство Страны восходящего солнца.

9 апреля 2015 г.

ВЗЛЕТ БЕЗ ПОСАДКИ

Рассказ-быль

Этот факт имел место в конце лета 1945 года на Тихом океане.

Случай был не единственным в корпусе камикадзе – летчиков-смертников – и чем-то схож с бессмертной трагедией Шекспира «Ромео и Джульетта».

К июлю 1944 года Япония лишилась значительной части своих авианосцев и кораблей, ее военно-воздушные силы потеряли большую часть истребителей и бомбардировщиков, империя стала испытывать нехватку горючего для флота и авиации. Мыслящий непредвзято генералитет островной державы всё более осознавал: Страна восходящего солнца приближается к своему краху. Стратегическую инициативу на тихоокеанском театре военных действий уверенно брали в свои руки США и их союзники по войне на Тихом океане.

В такой решающий для Японии момент военное министерство страны уделило особое внимание инициативе вице-адмирала Ониси Такидзиро, придумавшего операцию «Камикадзе – специальные атакующие силы», с которой он выступил к концу 1944 года. Эти силы состояли из самолетов, планеров и подводных лодок, вооруженных торпедами. Причем вся эта техника не была оборудована средствами возврата на свои аэродромы и морские базы. Ониси Такидзиро и его приближенные считали, что японская душа уникальна. Японец должен встретить свою смерть без колебаний.

Когда в октябре 1944 года эти операции начались, ни один из офицеров добровольно не выбрал участь пилота-камикадзе: они прекрасно понимали, что это бессмысленная миссия со стопроцентным смертельным исходом. Из приблизительно 4 тысяч пилотов-камикадзе около 3 тысяч были так называемыми «мальчиками», обученными по специальной летной программе. Около 2 тысяч человек были «солдатами-студентами», в основном учащимися университетов, которым командование летными школами сократило срок обучения профессии пилота-истребителя, чтобы как можно быстрее использовать молодых людей в армии.

Поначалу курсанты летали на устаревших тихоходных истребителях «Мицубиси Т-96». Шасси у них не убиралось, кабины

были открытыми, без фонарей. Но вскоре им передали истребители «Зеро» той же фирмы «Мицубиси». Этот маневренный истребитель имел закрытую кабину, мощный двигатель и убирающееся шасси. «Зеро» в два раза превосходил по скорости прежний «Мицубиси Т-96».

Пилоты «специальных атакующих сил» – камикадзе, по сравнению с обычными летчиками-истребителями, готовились по упрощенной программе. Ведь для них получение боевого задания означало одно – смерть. На аэродромах они жили в специально отведенных казармах. Питание у них, по сравнению с обычными летчиками, считалось лучшим, калорийным, а на ужин им полагалась чашечка традиционного сакэ, что вызывало зависть обычных пилотов. Питание и спиртное, естественно, в умеренных дозах и если наутро не было полетов, были единственными привилегиями для камикадзе. Летная форма у них была обычной, как у всего летного состава военно-воздушных сил Страны восходящего солнца.

Парк самолетов для капитана Касуги Такео, командовавшего отрядом камикадзе на острове Кинказан, регулярно пополнялся потрепанными в воздушных боях «Зеро». Техники на скорую руку латали их, тягач оттаскивал такой истребитель в специальный ангар на краю аэродрома, где техники снаряжали его в последний полет.

На такой базе и предстояло служить Митио Симидзу, бывшему студенту университета Нагасаки, который по мобилизации был призван в армию с третьего курса и направлен в летную школу на Окинаве. Условия обучения и жизни в ней были суровыми. В два часа тридцать минут объявлялся подъем авиатехникам, которые отправлялись готовить самолеты к полетам, а через час дневальные будили курсантов. Завтрак состоял из маленькой чашки риса, супа из соевой пасты с сушеными овощами и солений. В обед давали опять же чашку вареного на пару риса и рыбных или мясных консервов. Все курсанты получали фруктовые соки и различные кондитерские изделия для восполнения недостатка витаминов и калорий.

Митио был из семьи торговцев, жили они, в общем-то, сносно. Семья была обеспечена всем необходимым благодаря стараниям родителей, считавшихся вполне благополучными обывателями. Их предки во времена средневековья, когда население Японии делилось на четыре класса, относились к правящему классу, именовавшемуся самураями, что означало «воины». Но в XIX веке

кастовая система была отменена и самураев лишили всех привилегий. Они вынуждены были превратиться в торговцев и фермеров.

Вскоре Митио получил недельный отпуск и навесил своих родителей. Они уже знали предстоящую участь своего единственного сына. Свидание было тягостным – все понимали, что видятся в последний раз. Сын нередко замечал мать в слезах, отец за все эти дни ни разу не улыбнулся, с печалью на лице взирал на сына, который вряд ли станет продолжателем их рода.

На второй день пребывания в отчем доме Митио отправился в университет – не терпелось увидеть Кагу Хироко. Девушка училась на одном с ним курсе. Поначалу у них были приятельские отношения, затем уже дня не могли прожить, чтобы не встретиться после занятий, сходить в кафе, кино.

Когда Митио призвали в армию, Кага пришла на сборный пункт, где уже стояли несколько армейских автобусов для доставки новобранцев в воинскую часть.

Кага была печальна, через силу бодрилась. Но бодрость эта не была искренней. Митио прекрасно понимал девушку – не может быть искренней радость там, где неизвестно, на сколько расстаются любящие друг друга сердца.

Митио попал в учебное подразделение летчиков-камикадзе на Окинаве. Подготовка пилотов была ускоренной. В часть уже поступали новые истребители «Зеро». Новенькие, прямо с заводского конвейера широко известной фирмы «Мицубиси», они радовали глаз курсантов. Капитан Касуга Такео с утра до вечера загружал курсантов учебой. Пока одна часть на тренажерах постигала азы пилотирования, другая – совершала полеты с инструкторами, многие из которых ранее принимали участие в воздушных боях в Китае, на Филиппинах, в Сингапуре. Инструкторы говорили курсантам: «Нигде профессии пилота не обучают так быстро, как у нас. А почему? Всё просто: за счет сокращения учебных часов по тактике воздушного боя. Они вам не нужны. Ваша задача – найти в море цель и отдать свою жизнь за императора». Это, говорили они, наивысшая честь для истинного сына Ямато (древнее название Японии).

Успешно окончив летную школу, Митио поступил в распоряжение командира отряда камикадзе, дислоцированного на острове Кинказан. Здесь учебные самолеты заменили «Зеро», оснащенные взрывчаткой. Близко столкнувшись с этим самолетом-бомбой,

Митио понял, что время его пребывания на этой грешной земле стало исчисляться днями. Почти каждый день его товарищи улетали в буквальном смысле на тот свет.

Ближе к концу войны на Тихом океане, когда американское вторжение в Японию стало неизбежным, операция «Камикадзе» была в самом разгаре. Молодые парни отдавали свои жизни за островную империю. Еще в императорском рескрипте 1882 года говорилось: «Будьте преданы императору, запомните, что долг выше, чем горы, а смерть легче, чем перо».

В те дни один из пилотов-камикадзе, бывший студент университета, написал стихотворение, где были такие строки:

*Судьба у нас такая, мы глупые солдаты,
Сражающиеся на вечной войне без названия.
Слава или позор ждут нас, обезличенных,
В конце нашей дороги.*

В один из дней Митио написал своей Каге письмо-завещание. В нём он писал своей любимой: «Мы пытались жить на 120 процентов, а не ожидать смерти. Мы читали книги, пытались понять, почему мы должны умирать в свои 20 лет. Мы слушали тиканье часов и понимали, что с каждым «тик-так» смерть становится ближе».

Один из пилотов подразделения смертников, который вернулся на базу, не найдя цели, был арестован и в конце концов расстрелян.

Когда Кага получила от Митио это письмо, она, преодолев массу препятствий, прибыла на остров Кинказан, где находился ее Митио. Девушка остановилась в одной крестьянской семье. Так как гражданских на базу не пускали, она уговорила сына хозяина дома, подростка, сходить на аэродром и встретиться там с Митио. Сделать это подростку было легче, чем взрослому. По поручению своих родителей он доставлял на аэродром фрукты и овощи для продажи. Парень согласился выполнить просьбу девушки. Взяв у нее записку, подросток с корзинкой фруктов отправился на базу. Летчики охотно раскупали его товар. Одного из них парень попросил передать Митио данную ему записку.

К вечеру, когда пилоты после ужина шли в клуб на киносеанс, Митио с запиской от Каги миновал проходную базы и вскоре был у домика, где находилась девушка. Лишне говорить, как обрадовались молодые люди встрече. Взявшись за руки, они молча

смотрели друг другу в глаза. Митио сообщил Каге о предстоящем утром вылете на задание. В глазах девушки заблестели слезинки. Этот полет мог означать лишь один исход – гибель. Кага закрыла лицо ладонями, ее плечи содрогались от сдерживаемых рыданий. Митио пытался успокоить ее, но при такой новости вряд ли найдутся подходящие слова для отчаявшегося человека. Немного взяв себя в руки, девушка сказала:

– Если тебе не жить, то и мне незачем существовать. Уйдем из этой жизни вместе. Там нас ничто не будет тревожить. А этот мир жесток...

Услышав это, Митио не поверил своим ушам:

– Кага, что ты говоришь? Ты обезумела. Ты молода, красива, тебе жить и жить...

Девушка молчала. Митио в отчаянии встряхнул ее за плечи. Его лицо исказилось от душевной боли. Он привел в оправдание своего предстоящего полета последний аргумент:

– Я – солдат. Долг камикадзе обязывает меня пожертвовать жизнью для защиты моей родины. А что тебя толкает на такой поступок?

– Мое чувство к тебе, – ответила Кага. – С тобой хочу разделить твою участь. Без тебя мне будет неуютно, пусто. А значит, не стоит и жить.

Как ни пытался Митио отговорить девушку от задуманного ею, Кага стояла на своем: завтра она полетит с ним. Ее решение окончательное. Митио привел последний, как казалось ему, аргумент: в самолете всего одно кресло, двоим не поместиться. Но девушка стояла на своем: она небольшого роста и как-нибудь устроится в кабине истребителя. Ляжет хоть в его ногах. Никакие доводы Митио не убедили ее в обратном. Пришлось парню с болью в сердце согласиться с решением девушки.

В полночь он задами, сквозь бамбуковые заросли провел Кагу на аэродром. Его заправленный, готовый к вылету «Зеро» стоял в тени деревьев, замаскированный их кронами на случай налета американской авиации. Кругом было тихо. Луна скрывалась за облаками, что было весьма кстати для задуманного ими плана. Митио помог девушке залезть за спинку пилотского кресла. В этой тесноте юноша расстелил чехол от мотора, помог ей как можно удобнее устроиться в этом закутке и предупредил девушку, чтобы с рассветом она укрылась чехлом с головой.

От чехла сильно пахло бензином и машинным маслом. Приходилось терпеть. Ведь главное было сделано – Кага была в самолете, и уже сегодня, через несколько часов, они отправятся с Митио в свой последний полет. Было ли ей страшно? Поначалу, когда она задумала это, – да, было. Но сейчас, когда ее замысел удался, страх покинул Кагу: она будет со своим Митио до конца.

Убедившись, что девушка хорошо укрыта, Митио, выкурив сигарету, отправился в свою казарму. В эту последнюю в его жизни ночь летчик не мог уснуть. Завтра в его казарме еще одно спальное место станет свободным, и его займет новый кандидат на тот свет. Взглянув на часы, Митио вспомнил, что скоро на самолетную стоянку придут техники. Надо ему быть возле своего «Зеро», на всякий случай не допускать обслуживающий персонал до кабины. Хотя техники и делают свою работу в основном снаружи, но вдруг кто-нибудь из них сунется в кабину. Нет, риск надо исключить. Митио торопливо оделся и вскоре был возле своего истребителя. Его самолет уже не мог выполнять предназначенную ему функцию – вести воздушный бой. Это была уже фактически управляемая человеком бомба большой разрушительной силы – 250 килограммов взрывчатки.

Прибывшие техники занялись привычной работой. Рассвело. Брызнули первые лучи солнца. Летчики, уходящие в этот день в свой последний полет, уже копались у своих машин. Вскоре зарокотали двигатели. Позавтракав, пилоты вернулись к своим машинам, которые были в полной готовности к вылету. Подъехал легковой «фиат» капитана Касуги Такео. Помощник командира выставил на его капот бутылку сакэ, несколько фарфоровых сакадзуки (чашечки для сакэ), высыпал горсть соевых конфет. Капитан зачитал список пилотов на сегодняшний вылет. Их было пятеро. Голову каждого из них украшала повязка с изображением восходящего солнца.

Налив в чашечку сакэ, командир подходил к пилоту и молча вручал ее. Каждый камикадзе молча выпивал, подходил к машине, ставил свою чашечку на капот. Затем вынимал из кармана комбинезона конверт с прощальным письмом к семье и с поклоном вручал его Такео. Звучала команда «По самолетам!». «Зеро» взлетали один за другим.

Вот уже под крылом необозримое море. Митио где-то вычитал легенду, утверждавшую, что море стало соленым от слез,

пролитых людьми за земную жизнь. Пилот свою цель нашел быстро. Это был танкер, шедший под охраной эсминца. Последний сразу же открыл огонь. Митио резко отклонил ручку управления вперед. Целью он выбрал танкер. Самолет, всё убыстряясь, ринулся на вражеское судно.

Кага обеими руками вцепилась в спинку кресла. Митио протянул правую руку назад и, нащупав ее ладонь, крепко сжал. «Прощай, Кага!» – услышала девушка хриплый голос Митио.

Что ответила Кага, Митио из-за рёва мотора уже не услышал. С каждой секундой размеры танкера увеличивались. Митио видел, как по его палубе в панике забегали моряки.

Больше ничего ни Митио, ни Кага видеть не могли. Через пару секунд гигантский шлейф огня и дыма вырос над судном. Невдалеке от тонущего судна в небе кружили две чайки. По поверью, души погибших моряков вселяются в этих благородных птиц, вечных морских странников. Может быть, души погибших Митио и Каги тоже вселятся в них? Кто знает... В этом мире много странного, человеком до конца не познанного...

29 сентября 2015 г.

ДВУЯЗЫЧНЫЙ ЭКИПАЖ

Рассказ-быль

1930 год. Во Владивостоке готовится к путине краболов «Приморье». Но прежде чем направиться в район лова, его капитану Николаю Сердюкову предстояло зайти в японский порт Хакодате, взять японскую часть экипажа – рабочих, ловцов и обработчиков, необходимое промысловое снаряжение, продовольствие – и уже затем брать курс к западному побережью Камчатки.

В то время Япония арендовала у нашей страны почти 90 процентов всех крабовых участков советского Дальнего Востока. На международном рынке наши крабовые консервы по качеству не могли конкурировать с аналогичными японскими – добытки морских деликатесов и рыбы островной державы были в этом деле лучшими в мире специалистами. Равняться с ними могли лишь перуанцы.

До начала 30-х годов советские краболовы выходили на путину с японскими ловцами, обработчиками и собственным начальством. Главным у японцев был мастер-сан, у него было четыре помощника. Все они были уроженцами деревень острова Хоккайдо.

На каждом добывающем судне-кавасаки был старшина – синдо, которых на путину нанимал заведующий ловом, рабочих нанимали бригадиры, а завловом – сам мастер-сан.

Еще затемно покинув Хакодате, «Приморье» взяло курс на Камчатку.

На переходе наши моряки приглядывались к японской команде, к ее работе. Заводом с японской стороны заведовал механик, завловом готовил снасти к работе, писарь-чибо вел всю бухгалтерию. Кроме того, были переводчик и японский врач. Для сынов Страны восходящего солнца на «Приморье» была устроена японская баня, развернут медпункт на шесть коек с соответствующими постельными принадлежностями. Увидя этот лазарет, мастер Араки-сан воскликнул: «Са-а, сигаку!» (вот как, отлично!). По его признанию, медобслуживание и жилищные условия на русском краболове были лучше, чем на их судах.

По договору ни капитан, ни еще кто-либо из русских не имели права вмешиваться во взаимоотношения японской администрации с рабочими. За путину от японской стороны требовалось изготовить двадцать тысяч ящиков консервов и доставить все это в Хакодате.

Моряки обратили внимание на такую деталь: эксперименты и опыты японской администрацией не приветствовались. Выходных дней за всю путину у японцев были всего лишь два – третий день по приходе на промысел, и на следующий день после окончания плана по добыче. По японским правилам сети должны были выстоять в море трое суток – ни больше и ни меньше. Два первых дня шла активная постройка сетей, на четвертый начиналась добыча. А вот третий день отводился японской администрацией для «праздника сетей» – амиароси. Делалось это просто. Еще затемно на палубу выкатывалось несколько бочек саке, тут же ставились в корзины рис и печенье. Японское начальство от греха подальше с утра пряталось в каюты и праздновало, не высывая носа на палубу. Рабочий люд пил сколько душе угодно. Краболов гудел и качался, как в хороший шторм. На следующий день кавасаки уходили в море на подъем первых сетей.

Так начинались их рабочие будни. Глядя, как японские ловцы усаживались в кавасаки, идущие на подъем сетей, наши моряки сочувственно качали головами: с такого похмелья вынимать сети из холодной воды – этим ребятам не позавидуешь.

А боцман Илья Зотов усмехался: «Вот тебе и капиталистический рай, сначала напоят, а потом заставляют вкалывать, даже похмельиться не дадут, в гробу бы я видал такой рай». И смачно сплевывал за борт.

Вскоре с лова стали возвращаться первые кавасаки с крабом. Намерзшиеся, мокрые ловцы шли помогать рабочим распутывать сети. Вид их был неприглядный: руки в крабовой крови, полубмороженные, разъедаемые морской солью, разбухшие от воды ноги, никто из них не жаловался. Рабочие знали: недовольных на следующую путину не возьмут, а в эту хорошо не заработаешь.

Иногда наших моряков коробило отношение помощников мастера к рабочим. Если кто-то из них выполнял работу неумело, особенно новички на путине, помощники злобно кричали: «Тайхен варуй дес, бака-дэс!» (плохо, очень плохо, дурак!). Такое поведение не украшало японскую администрацию.

Уже не первую неделю «Приморье» стояло на якоре недалеко от берега. Делать команде было нечего. Моряки слонялись по судну, присматриваясь к работе технологов, сетевых укладчиков, крабоваров, рубщиков, укладчиков. Позже многие из этих моряков составят костяк наших специалистов крабового производства.

Когда еще в Хакодате на борт «Приморья» поднимались рабочие, старпом Владимир Урюпин, тридцатилетний, спортивного телосложения мужчина, обратил внимание, что вместе со взрослыми на борт поднимались совсем мальчишки. Урюпин, удивленный увиденным, обратился к Койсо, переводчику, с вопросом, для чего их берут на путину. Ответ последнего удивил старпома. Оказывается, по мнению японцев, в укладке мяса краба в банки нужны тонкие, не загрубевшие от работы пальцы и быстрота. Взрослый никогда не уложит банку так, как мальчик, сноровисто выполняющий эту операцию в специальных эластичных перчатках. «Н-да, довольно интересно...» – только и смог прокомментировать слова переводчика Урюпин.

У японцев вопросами лова ведал завловом Такахаси, мужчина средних лет, приземистый, слегка полноватый, уже не первый год имеющий дело с русскими в сфере крабового промысла, побывавший в этой должности уже на ряде советских краболовов. Вопросами промысла с нашей стороны занимался директор завода Никанор Перцев, почти одноклассник Такахаси. Часто с помощью переводчика они обсуждали ход промысла, оперативно решали возникающие вопросы производства. Нередко при таких встречах переводчик сидел почти без работы – завловом сносно говорил по-русски. Переводчику Койсо больше приходилось общаться с Александрой Роговой, врачом нашего экипажа. Ловцы часто простывали, и оба медика совместно перетряхивали свой лекарственный арсенал, ища нужные таблетки от температуры и кашля.

Питание японского персонала, особенно рабочих, было, можно сказать, скудным: рис с вареной морской капустой, такая же рыба, иногда вареная фасоль с небольшими кусочками мяса. Часто питались соленой рыбой, квашеной редькой, издававшей чуть ли не тошнотворный запах. Изредка на столах у рабочих появлялась лапша. Естественно, от такой спартанской пищи занемогшие рабочие поправлялись с трудом.

В конце мая краб шел особенно обильно. На палубе скапливались горы панциря. Рабочие не успевали очищать ее от отходов. Глядя на это, старпом Урюпин организовал своего рода субботник для нашей команды. Он с матросами из шлангов скатывал палубу, смывая всю грязь за борт.

А бывало и такое. Видя, что скопилась груда сетей, которые необходимо было распутывать, моряки не выдерживали и включались в работу наравне с их рабочими. Став кружком, капитан,

старпом, стармех, бухгалтер, плотник, механики раздергивали сетную нить. Работа была кропотливая, утомительная. Рабочие, глядя на это, одобрительно улыбались, восклицая: «Сигоку, рюски!» (отлично, русские!).

Так протекали будни. В угрюмом туманном Охотском море на десятки миль в ширину и на сотни в длину растянулись подводные песчаные площади, облюбованные крабом. Ловить не переловить все это богатство земли русской! Особенно радовали уловы королевского краба – массивного, упитанного, дающего наибольший по сравнению с другими видами краба товарный выход мяса.

Трудовые будни перемежались вынужденным бездельем для ловцов и рабочих не по их вине – налетевший циклон нагонял большую волну. Сырье не поступало, замедлялся ритм работы завода. В такие дни непривычно тихо становилось на судне – не слышалось уже привычного стука рубильных ножей-деба. Как-то в один из таких дней капитан Сердюков посетил жилые помещения рабочих. Люди валялись на нарах, застеленных циновками, многие азартно играли в ха ци-дзи (в «88» – японскую игру в карты, чем-то отдаленно напоминающую нашу в дурака).

Вернувшись к себе в каюту, капитан вызвал к себе старпома, директора завода Перцева, врача Рогову. Коротко рассказав об увиденном в японских кубриках, Николай Сергеевич предложил собравшимся подумать о подготовке концерта силами своего экипажа, выявить своих танцоров, певцов, чтецов. Свой музыкант уже имелся: радист Сергей Коровкин играл на гармошке. На предстоящий концерт мыслилось пригласить в качестве зрителей японскую аудиторию.

Теперь после ужина в кают-компании звучали гармошка и песни, читались стихи русских классиков в исполнении врача Роговой, комсорга судна Игоря Лебедева, а стармех Иван Серко мастерски перебирал струны своей старенькой семиструнной гитары.

И вот настал день, вернее вечер, когда в столовой нашей команды собрались свободные рабочие, моряки. Почтила своим присутствием это необычное мероприятие и японская администрация во главе с самим мастером Араки-сан.

Песни чередовались чтением стихов, Рогова спела романс «Гори, гори моя звезда» в сопровождении гитары, Лебедев с душой прочитал стихи классиков, Коровкин исполнил попури на темы песен о Гражданской войне, Серко расстроил слушателей своей

гитарой, грустные, берущие за душу звуки которой очень пришлись по душе жителям Страны восходящего солнца. Эта музыка напомнила им родину, музыке которой присущи грустные нотки. Рабочие аплодисментами провожали каждый номер самодеятельных артистов. Даже Лебедева, когда он закончил чтение стихов и кланялся зрителям, японцы проводили долгими аплодисментами, хотя многие из них ни слова не понимали по-русски. Было начало августа, путина приближалась к своему завершению. На носовой надстройке краболова уже вытянулся целый ряд прибитых к переборке панцирей. Каждый из них означал, что в трюмы легла очередная тысяча ящиков консервов. К концу путины двадцать выцветших на солнце панцирей красовались на переборке, что означало одно – план по договору выполнен.

Завершив свое обязательство перед российской стороной, японцы начали работать уже на себя лично. И тут наши моряки просто диву давались: рабочие ставили рекорды по эффективности труда. «Вот что значит работать не на дядю, а на себя», – резюмировал боцман Зотов. И было чему удивляться. Моряки видели, как трое щуплых на вид рабочих поднимали клетку весом с коку (мера веса равная 180 кг) и переносили ее к борту. Эта клетка с вареным дымящимся крабом (200–300 штук) стрелой опускалась за борт на глубину 3–4 метров для охлаждения. Затем вся эта груда крабовых ног в корзинах поднималась к одному из двух столов разделки. Здесь 40–50 человек вырезали особыми ножницами мясо. Далее мясо промывалось в деревянных баках в чистой морской воде и передавалось в завод – уже для укладки в банки.

Во второй декаде августа «Приморье» взяло курс к родным берегам. На второй день после отплытия мастер Араки-сан пригласил капитана и русского директора завода присутствовать на распределении так называемой премии среди ловцов, рабочих и администрации с японской стороны. В своей столовой вокруг самого большого стола восседали сам Араки-сан, механик, завловом, чибо. Последний, держа в руках лист бумаги, зачитывал фамилию рабочего. Все, сидевшие за столом, закрыв глаза и слегка покачиваясь, начинали думать. Затем завловом быстро говорил: «Хорошо работал названный имярек, не спорил, не болел, дать ему 15 иен». Все снова закрывали глаза, морщили лбы, думали. Мастер вопрошал: «Согласны?» «Хай!» – чуть ли не хором произносили все присутствовавшие. «Хай!» – подтверждал Араки-сан. Затем чибо

зачитывал следующую фамилию. Механик говорил: ленивый, или много разговаривает, вступает в спор с начальством. Араки-сан вновь закрывал глаза, спрашивал: «Не давать?» Все молча кивали. Чибо всю эту процедуру записывал в протокол. Когда все фамилии были зачитаны, приняты соответствующие решения, начиналось распределение «призовых» консервов. К примеру, мастеру полагалось 12 ящичков, механику – 8, переводчику – 4, таможенникам – по одному. Когда же наступала очередь рабочих, счет переходил на количество банок: 15, 10, 5, 1, а некоторые не получали ни одной.

После оглашения «призов» капитан вместе с директором завода встал, собираясь уходить, но Араки-сан попросил их остаться и, глядя на лежавшие перед ним бумаги, торжественно произнес:

– Рюьски товарищ, мы тоже давай наш приза. Рюьски помогай нам, все видал, хорошо помогай... За то наша приза им будет пять ящик. «Хай! Хай!» – согласно закивали сидевшие за столом.

Капитан Сердюков переглянулся с директором завода Перцевым, о чем-то тихо переговорил с ним. Тот согласно кивнул головой. После затянувшейся паузы капитан обратился к Араки-сан:

– Большое спасибо, Араки-сан. Мы ценим это. Поработали мы с вами эту путину хорошо, в согласии. Я тут поговорил с нашим директором... В общем мы решили так.

Капитан подошел к переводчику и попросил Койсо перевести его слова собравшимся.

– Мы решили, – твердым голосом начал Сердюков, – взять себе три ящичка, а два оставляем вам с условием, что вы распределите эти консервы среди тех рабочих, кто не получил ни одной банки. Согласны?

Когда Койсо перевел слова капитана, все заулыбались, согласно закивали головами, а Араки-сан, приложив руку к груди, произнес:

– Сыпасибо, господин капъитан. Ми оченя вам благодарим.

В этот вечер за ужином в столовой команды и в кают-компании стояли тарелки с аппетитными кусочками остро пахнущего крабового мяса, а кок Федор Митрошкин непрерывно открывал консервные банки и выкладывал на тарелки их содержимое. Боцман Зотов, улепетывая за обе щеки аппетитные дольки краба, говорил:

– Да-а, ребята, это вам не осточертевшие за путину мясные консервы, тушонкой называемые... Век бы ел такой деликатес. Жаль только, что мало его.

После небольшой паузы, как уже о давно решенном вопросе, он убежденно добавил:

– Ничего, ребятки, скоро сами будем его ловить.

Боцман встал, подошел к иллюминатору и, задумчиво глядя в него, сказал:

– Дайте только время, наш краб, и ловить его надо только нам.

На пятые сутки «Приморье» ошвартовалось в Хакодате. Выгрузив доставленный груз, моряки пожелали рабочим успешно добраться до своих деревень, и краболов, подняв якоря, взял курс на родной Владивосток.

26 декабря 2013 г.

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

Рассказ-быль

Небольшой экскурс в историю. В годы войны моряки ДВМП совершали рейсы в Северную Америку за грузами, предназначенными для Краской Армии, сражавшейся с немецко-фашистскими захватчиками. В этих рейсах, прозванных «огненными», на судах находились небольшие команды военных моряков во главе с офицером. В их распоряжении имелись пушки и зенитные установки «эрликон» против вражеских самолетов. Это был своеобразный «мост» доставки всего необходимого для нашей армии. И с восточного побережья США он протянулся до Владивостока. И, надо сказать, присутствие на борту военных как-то успокаивало моряков, вселяло уверенность, что рейс – именовались они ленд-лизскими – завершится благополучно. Через двадцать лет, уже в мирное время, моряки ДВМП начали совершать рейсы еще по одному «мосту», «мосту дружбы» Приморье – Вьетнам, где тогда велись военные действия, развязанные США. Вскоре после их начала между СССР и СРВ было заключено соглашение об экономическом сотрудничестве. Для этих целей и были задействованы суда ДВМП и ПМП из Находки. Так был создан «мост дружбы».

В те годы действовал еще ряд «мостов». Из США и Канады возили пшеницу, из Австралии и Новой Зеландии – мясо, с Кубы – сахар-сырец. Знакомый капитан рассказывал автору, что при разгрузке сырец просыпался в воду, и по-хорошему бухта Золотой Рог должна бы уж стать сладкой.

За период военных действий моряки двух приморских пароходств совершили во вьетнамские порты Хайфон и Камфа около тысячи заходов, перевезли сотни тысяч тонн грузов: продукты питания, одежду, медикаменты, станки и инструменты, комбайны и т.д. Только муки было доставлено около двух миллионов тонн. Помощь борющемуся Вьетнаму была ощутимая.

Рейсы были беспокойными, проходили во фронтовой обстановке – порты Вьетнама подвергались бомбардировкам, а над нашими судами постоянно летали самолеты агрессора. Причем военных команд, в отличие от «огненных рейсов» времен Второй мировой войны, на судах не было. Экипажи были беззащитны. Об одном из эпизодов нашей помощи вьетнамцам и пойдет речь в этой невыдуманной истории.

Теплоход «Новороссийск» с мукой в трюмах приближался к территориальным водам Вьетнама.

Время близилось к рассвету. Те из моряков, кто был здесь впервые, покуривали, выйдя на палубу, долго любовались красотами южного моря, вдыхали не отравленный береговой цивилизацией кислород – незабываемые мгновения «моста дружбы!»

Капитану Леониду Кремневу, 45-летнему, еще молодо выглядевшему мужчине, все это было не в новинку – не первый раз он шел в Хайфон, и каждый раз, подходя к побережью, отмечал печальную картину: в воде раскачиваемые волнами плавали обломки рыбачьих джонок, обгорелые остовы небольших деревянных судов с восседавшими на них жирными чайками. Попадались и туши мертвых буйволов, быстро разлагавшихся под жарким солнцем. Все это – последствия жесточайших бомбардировок. Удручающее зрелище...

Капитан не зря поднялся так рано в ходовую рубку. Его тревожил один вопрос, который напрямую связан с военным временем: агрессоры минировали входы во вьетнамские порты.

Вскоре он заметил вьетнамский военный катер с оружейной башней на носу. Он должен был провести «Новороссийск» в Хайфон.

Штурман сдал свою «собачью вахту» – с полуночи до четырех утра – сменщику и отправился отдыхать. Его вахта считается самой неприятной, так как проходит в полной темноте и в непрерывной борьбе со сном. Понятие «сутки» на судне весьма относительное, то, что для одних ночь, для других рабочий день. Замечено: в длительных рейсах скученная жизнь на корабле начинает раздражать людей, ведь места общения ограничены – кают-компания, столовая команды, ходовая рубка, машинное отделение. И ежедневно одни и те же лица... В одноместных каютах проживает лишь командный состав. На короткое время на судне можно уединиться, грубо говоря, лишь в гальюне. Рейсы же по «мосту дружбы» занимали полторы недели, при условии спокойного моря, и за это непродолжительное время люди еще не успевали надоесть друг другу.

Военный катер привел наконец «Новороссийск» в порт выгрузки и уступил место двум портовым буксирам-швартовщикам. Проходя мимо «Новороссийска», военные моряки с катера приветственно помахали руками экипажу советского судна. В ответ, сложив ладони вместе, Кремнев энергично потряс ими в воздухе.

Через полчаса «Новороссийск» ошвартовался, началась выгрузка. Поддоны с мешками привычно уплывали из трюма к железнодорожным вагонам. Вьетнамские докеры, несмотря на свой небольшой рост и худобу, сноровисто опустошали их.

В полдень, после обеда, группа моряков во главе с помполитом Николаем Резаевым отправилась в город. Кому-то надо было купить сигарет, кто-то хотел приобрести для домашних какой-нибудь сувенир на память.

Было душно. Чувствуется близость экватора – нестерпимый зной, жара изматывающая, постоянно хочется пить. «Да, ребята, – подал голос матрос Андрей Синеоков, – каково сейчас в машине вахтенным, а?» И сам же себе ответил: «Маслопупам сейчас не позавидуешь, это точно...»

Выпили по бутылке пива, взяли и с собой.

– Ну как оно? – интересуется помполит.

– Освежило, легче стало?

Все согласились, что пиво, что надо

– И холодное, и язычок жжет, умеют же вьетнамцы делать его, ничего не скажешь.

– Это пиво, – закуривая сигарету, продолжил Резаев тему пенного напитка, – наследие французских колонизаторов. Когда в 1954 году вьетнамская народная армия и партизаны разбили их под Бьен Ден Фу, построенные оккупантами пивзаводы остались в наследство молодой республике. Ну, и естественно, за эти годы местные технологи улучшали качество напитка, и сейчас оно является одной из статей экспорта.

К ужину моряки вернулись на судно. Не успел экипаж закончить вечернюю трапезу, как в порту завыл сигнал воздушной тревоги. Капитан по судовой трансляции распорядился всем, не занятым на палубе, покинуть ее. Люди сидели в каютах, изредка поглядывая в иллюминаторы.

В ожидании очередного налета докеры прекратили работу, ушли в укрытия. Месяц назад на советское судно, стоявшее в Хайфоне под грузовыми операциями, во время налета в открытые трюмы попали две бомбы. Была разбита рубка, разворочен правый борт, несколько наших моряков получили ожоги, один от смертельной раны скончался. А еще раньше в этом же порту на теплоход «Туркестан» было совершено прицельное нападение: из людей, правда, никто не пострадал.

Вскоре послышался гул реактивной авиации, открыли огонь зенитные орудия. Раздались первые взрывы бомб и ракет. Моряки в иллюминаторы наблюдали, как то в одном, то в другом конце города вспыхивало зарево. Начинили полахать пожары. В южных широтах ночь наступает быстро, к 20 часам уже темно.

– Что творят, а? – возмущался боцман Савелий Перегуд. – Мало было Северной Кореи, теперь взялись за Вьетнам. Нейметса дядюшке Сэму, везде сует свой нос...

Последние слова боцмана заглушил раздавшийся невдалеке оглушительный взрыв. Скорее всего, это было уже в районе порта. После этого стих гул самолетов, замолкли зенитные орудия. Но порт продолжал оставаться во тьме. Шло время, а разгрузка судна не возобновлялась, хотя под обработкой в порту находился лишь «Новороссийск».

Вскоре появились докеры, вместе с ними пришел портовый чиновник, сносно говоривший по-русски. Он ошарашил Кремнева новостью: разбомблена портовая подстанция, краны работать не могут. На вопрос капитана, когда исправят повреждения, чиновник сказал, что, к сожалению, не раньше трех-четырех дней.

Леонид срочно собрал командный состав судна и сообщил о создавшейся ситуации. Наступило молчание. Время приближалось к полуночи. После затянувшейся паузы капитан лишь спросил:

– Что делать будем?

Выяснилось, что судовая стрела до вагонов не достает, мешки на себе с причала придется докерам таскать. Это намного затянет разгрузку. Учитывая постоянные бомбежки, оставаться в порту в ожидании починки подстанции опасно. Да и исправят ли энергохозяйство за обещанное время?

– Итак, товарищи, ваши предложения? – произнес капитан, окидывая взглядом всех собравшихся.

– Придется подключать судовую энергию, ее хватит, – предложил старший электромеханик Павел Зайко.

– Надо связаться с портовыми электриками. Я думаю, все получится...

– А судну хоть на камбуз хватит энергии, если мы подключим кран? – капитан вопросительно посмотрел на Зайко.

– Вполне, еще и лишняя будет, учитывая, что судно не на ходу.

Чуть свет капитан с помполитом отправился в администрацию порта. Чиновникам не пришлось долго объяснять о своей

задумке. Тут же были вызваны портовые электротехники, согласованы с ними все технические детали. К обеду разгрузка судна возобновилась. Судовой энергии для крана вполне хватило. Докеры повеселели – не пришлось им таскать мешки лишние полтора десятка метров, а так было бы, если бы разгружали судовой стрелой.

Пока шла разгрузка, к капитану с необычной просьбой обратилась администрация порта: остро не хватало сварщиков на восстановлении разрушенного войной водопровода, и она просила выделить им хотя бы одного. Просьбу уважили. Вскоре подъехала автомашина и судовой моторист, он же по совместительству и сварщик, Валентин Кравец погрузил свое хозяйство в кузов.

В этот же день утром, еще до подключения судового кабеля к крану, капитан вызвал к себе кока Егора Манкина.

– Вот что, Егор Евсеич, – озабоченно начал Кремнев, – к обеду мы подключимся к портальному крану, дадим ему свой ток. А вдруг твоему хозяйству электричества не хватит? Так что давай с тобой подстрахуемся: немедленно начинай готовить обед с таким расчетом, чтобы варева хватило и на ужин. Тебе все ясно?

– Так точно, товарищ капитан! Наготовлю на Маланьину свадьбу. Только б мне помощника еще дать.

– Хорошо. Бери себе пекаря, дневальную. Если мало, возьми еще и практиканта у радистов, Коваленко. Хватит поварят?

– Вполне.

– Ну, давай, разводи свои пары.

Довольный кок вскоре командовал своими помощниками. Вся плита была заставлена кастрюлями, сковородами, которые булькали, шипели, шкварчали, распространяя вокруг вызывающие слюнки запахи.

Разгрузка теплохода шла полным ходом. Коку Манкину не пришлось в этот день готовить ужин – всем хватило еды, оставшейся с обеда.

Боцман Перегуд, за обе щеки уплетая макароны по-флотски, комментировал события, связанные с бомбардировкой города.

– Порушили заокеанские вояки подстанцию, думали: замрет порт. Ан нет, русская смекалка пришла на помощь портовикам. Как говаривали славяне еще до войны, это наш ответ Чемберлену. Вот так-то, братцы.

– Только во время налета почему-то зенитки редко стреляли, – заметил Кравец, весь день помогавший портовикам сваривать нарушенный агрессорами водопровод.

– Все правильно, – ответил боцман. – Ты, Валя, видно, от жизни отстал. У вьетнамцев сейчас наши ракеты, а они не шумят, как пушки, а делают свое дело тихо, но, как говорится, результативно.

Через два дня разгрузка «Новороссийска» закончилась. В обратный рейс предстояло взять партию фруктовых консервов и, чему несказанно обрадовались моряки, солидную партию ящиков с пивом, которое часть моряков уже успела попробовать, побывав в увольнении в городе.

После обеда капитан Кремнев находился в ходовой рубке. Здесь вместе со старпомом Виктором Ткачуком разбирали они свертки карт, необходимых на обратный рейс. В помещении было тихо, лишь хронометр с характерным звоном привычно отбивал полусекунды. Шум автомобильного мотора заставил капитана оторваться от карт, выглянуть в открытую створку окна.

На причале остановился советский «уазик». Из машины вылезли трое вьетнамцев и направились к судну. Спустившись на палубу, Кремнев ожидал гостей у трапа. Через пару минут с помощью переводчика выяснилась цель визита вьетнамских товарищей. Они пришли выразить благодарность морякам за организацию ими бесперебойной выгрузки с помощью судовой электроэнергии.

Учитывая важность момента, Кремнев провел гостей в уют-компанию и по судовой трансляции объявил экипажу срочный сбор в означенном месте.

Когда люди явились, капитан предоставил слово секретарю партийного комитета порта. Собравшиеся внимательно слушали переводчика.

– Партийная комитет, руководство порта Хайфон сердцем благодарим русский товарищ за понимание ими наша трудностей в результат идущей противу нас войны американским агрессор. С помощью наш русски друзей наш народ побьедит врага. Большой спасибо русски товарищ-интернационалист!

Секретарь парткома вынул из папки лист бумаги и вручил его капитану. Вверху листа был небольшой портрет Хо Ши Мина, текст на вьетнамском языке, в конце его печать и подписи столбиком. Бумага была упругой, лист напоминал наши почетные грамоты.

Собравшиеся аплодисментами выразили понимание столь торжественного момента. Кремнев поблагодарил гостей за добрые пожелания и высказал уверенность в конечной победе вьетнамского народа за свою независимость. Следом выступивший помполит Резаев отметил, что в характере советских людей не оставаться в стороне от попавших в беду друзей.

Когда экипаж разошелся, Кремнев пригласил гостей в капитанский салон, где на столе стояли уже пара бутылок «Столичной», бутылка «Ласточки» и большое блюдо бутербродов с красной икрой – традиционным атрибутом русского угощения на всех международных приемах.

Через пару дней «Новороссийск» покинул порт и под проводкой все того же военного катера с пушкой на носу взял курс к родным берегам. Боцман, провожая взглядом отдаляющийся порт с работающими после восстановления порушенной подстанции кранами и щурясь от яркого южного солнца, негромко произнес: «Да, это наш моряцкий ответ Чемберлену».

24 октября 2013 г.

ОХОТНИК С ПОЛУБАКА

Рассказ-быль

Суда, как люди, тоже имеют свою биографию. Одни из них, прошлепав по морям и океанам свой век, уходят в небытие, ржавеют где-нибудь на берегу, и помнят их лишь те, кто когда-то плывал на них, другие запоминаются не только морякам, но всей стране. Китобойная база «Алеут» – одно из таких. Его биография начинается в далеком 1929 году, когда акционерное камчатское общество (АКО) закупило в Америке большое транспортное судно «Глен-Ридж» водоизмещением 11 тысяч тонн. В России его назвали «Алеут».

В 1931 году в Ленинграде закончилось его переоборудование в китобойную базу-фабрику. Пять лет он выходил на промысел, имея лишь иностранных, в основном норвежских, гарпунеров. Отменные мастера своего дела, но иногда их поведение на промысле возмущало капитанов наших китобойных судов. К примеру, обнаружили китов, а гарпунер ни с того ни с сего отказывался занимать свое место у гарпунной пушки, говоря, что сегодня трех он уже убил, а четвертый может принести несчастье. И с этим поневоле приходилось мириться.

Чтобы не зависеть от их прихоти, было принято решение о создании курсов гарпунеров, а к преподаванию на них привлечь действующих гарпунеров. Обучать русских своему ремеслу иностранцы наотрез отказались. Пришлось самим осваивать тонкости профессии гарпунера – главного человека на китобойном судне.

Курсанты изучали гарпунную пушку, навыки работы с ней. Когда вышли на промысел, их прикрепили практикантами к штатным гарпунерам. Попал на эти курсы и Илья Шершнев, русский плечистый молодой человек, имевший навыки оружейной охоты на таежную дичь. Но на то и курсы, чтобы обучать азам охоты на морских млекопитающих.

На них деревенский парень узнавал не только о технике для охоты, но и историю зарождения китобойного промысла, которая насчитывала уже два с лишним века. В 1712 году в поисках новых районов китового промысла американские китобои проникли в Тихий океан, неожиданно обнаружив здесь громадные запасы зубатых китов-кашалотов, обладающих ценным сырьем для промышленности – спермацетом, из которого в те времена

вырабатывались самые высокосортные свечи. А первая попытка Российской империи организовать промышленную добычу китов в северной части Тихого океана и в дальневосточных водах относится к 1794 году. Ее инициатором явилась Российско-Американская компания.

Небезынтересной для Ильи и других курсантов была и история гарпунной пушки. До ее появления, до XIX века, китобойный промысел велся исключительно с применением ручных гарпунов, бросаемых со шлюпок-вельботов, которые спускались на воду с парусных китобойных шхун. Матрос-гарпунер бросал гарпун с расстояния в несколько метров. К гарпуну крепился длинный трос (линь). Охота была опасной, порой кит ударом мощного хвоста топил вельбот, калечил, а то и лишал жизни охотников.

В 1868 году норвежский китобой Свен Фойн разработал гарпунную пушку. Им же был изготовлен и гарпун, имевший в головной части пороховой заряд. В первом же плавании на шхуне с гарпунной пушкой изобретатель взял 30 китов-полосатиков. Небывалый по тем временам успех! А для удержания убитого кита на плаву его тушу насосом накачивали воздухом.

После первого промыслового рейса «Алеута» с практикантами гарпунеров и к следующему его рейсу российская сторона расторгла контракты с иностранными гарпунерами. Отныне успех полностью зависел от своих охотников на морских исполинов.

Капитаны судов-китобойцев, уходя в первый рейс с ними, думали лишь одну угнетавшую их думу: оправдает ли наш малоопытный гарпунер надежды на успешную охоту? Но альтернативы не было: на флотилии остался один гарпунер-иностранец инструктором на самой базе-фабрике.

При распределении курсантов попал Илья Шершнез на китобойное судно «Восход» и стал в судовой роли гарпунером. Судно было паровое, построенное в Норвегии. Таких у «Алеута» было три. Еще в предыдущем рейсе, когда Илья числился практикантом гарпунера, молодой парень приглянулся капитану «Восхода» Михаилу Дубовицкому. Ему нравились дотошность и расторопность парня, четкое выполнение им команд гарпунера.

Фигура Ильи во время охоты постоянно была в поле зрения Дубовицкого, он не только следил за гарпунером, сколько за его помощником Ильей. После каждого выстрела практикант и боцман Семен Бурый должны были перезарядить пушку к следующему

выстрелу. Приходилось прилагать немалые физические силы. Гарпун имел длину около двух метров, весил почти 50 килограммов, калибр пушки – 90 миллиметров, дальность стрельбы – 20-30 метров. Как только марсовый, находящийся на фок-мачте на специальной огороженной площадке, именуемой «бочкой», за что матроса-наблюдателя прозвали «бочкарем», замечал китов, в обиходе именуемых «блинами», тут же сообщал это гарпунеру. Как только китобоец «заохотился» – лег на «боевой» курс, на судне остро ощущалась атмосфера охотничьего азарта. С этой минуты управление судном целиком переходило в руки гарпунера, который, держа рукоять пушки обеими руками, начинал выбирать цель.

Ветер крепчает, набегающие волны глухо ухают о корпус китобойца. Он то взлетает на гребни волн, то проваливается в них. Выбранный Ильей кит заныривал, а оставляемое им облачко тумана от фонтана какое-то время держалось над водой, а затем рассеивалось ветром. Но вот преследуемый кит «дал хвоста» – вновь занырнул. Вскоре опять показался. «Так держать!» – дублировал старпом команду гарпунера рулевому.

У каждого гарпунера свой почерк. Один стреляет из положения «пушка на отлете», другой привык «навскидку», словно из ружья при утиной охоте. Илья пробовал и так, и эдак. Не все получалось. Поначалу что-то не клеилось у него со стрельбой на дальние дистанции – гарпун не имел достаточной силы. Наконец он выяснил: слабый откат. С помощью помощника он быстро разобрал амортизаторы, промыл цилиндры, заменил пружины, долил специальной жидкости. Пушка стала работать как часы.

Илья любил охоту с раннего утра: океан спокоен, тишина нарушается лишь выскакивающей из воды касаткой, которая, описав в воздухе дугу, уходила на глубину, оставляя за собой пенящийся след.

Обычно при охоте гарпун посылается прямо в спину кита. Начинается утомительная погоня, затем его добивание. Нередко животное обрывало линь и уходило от судна с гарпуном. В такие минуты Илья был мрачен, не хотелось показываться в столовой, выслушивать шутки товарищей. Лишь капитан пытался подбодрить Илью: «Ничего, бывает и с опытными гарпунерами, не унывай!»

Но не унывать в подобной ситуации было трудно. Мало того, что потерял гарпун, экипаж лишился очередной туши, следовательно, и какой-то части своего заработка. Это больше всего

и угнетало молодого гарпунера. Первый самостоятельно убитый Ильей кит, когда его подтянули к судну, чтобы закачать воздух и закрепить флажок, красиво лоснился, блестя под солнечными лучами, словно намазанный жиром. Илья радовался, но сквозь удовлетворение удачной охотой проскальзывала и жалость к лишенному им жизни животному. Ежедневно в среднем добывал Илья по два-три животных. Самым ценным считался зубатый кит-кашалот, вносящий ощутимый вклад в выполнение рейсового задания по общему тоннажу добычи китобойца. Илья учился вести стрельбу с полного хода и с предельной дистанции. При сильном волнении большие волны обрушивались на полубак, заливая гарпунера, который, ухватившись за рукоятку пушки, не отходил от нее. Порой мощная волна накрывала судно, а Илью швыряло на леера. К потоку холодных брызг, пронизывающему ветру добавлялись до рези в глазах блестящие на воде солнечные блики.

Однажды, придя в столовую на ужин, поразился Илья убранством стола. Посреди него лежал издающий аппетитный аромат большой пирог. Подойдя ближе, увидел во всю его длину искусно вылепленный гарпун с лоснящейся от жира корочкой. Пища в мисках не была тронута, все чего-то ждали. Появился капитан с бутылкой спирта в руках.

– Товарищи! – объявил Дубовицкий. – Сегодня у нас несколько необычный ужин, можно сказать, даже праздничный. А виновник этого нашего торжества перед вами – Илья Тимофеевич Шершнев. Ему сегодня исполнилось 26 лет. Поздравим его от всей души!

Капитан разлил содержимое бутылки по кружкам, чайным чашкам и произнес тост:

– Желаем тебе, Илья Тимофеевич, крепкого здоровья, меткого глаза и как можно скорее перекрыть цифру твоего дня рождения числом добытых тобою китов!

С дальних мест моряки подходили к Илье, чокались кружками, говорили ему от души идущие слова. А кок Виктор Веденко, указывая рукой на пирог, сказал:

– Прими от нас потерянный гарпун.

С этими словами Виктор взял с пирога рукотворный гарпун и вручил его Илье. Столовая грохнула от смеха. Илья принял «гарпун», выпил и, не зная, что с ним делать, хотел было положить его на стол. Но тут кок снова встрял:

– Закусывай им, там внутри закуска вместо пороха что надо!

Илья откусил кончик выпечки и почувствовал во рту вкус сухой колбасы.

– Спасибо вам, ребята, – смутился он. – Прямо не ожидал я такого подарка. Вкусно очень даже...

От имени машинной команды стармех Олег Титов преподнес имениннику искусно выточенный из меди макет гарпуна со всеми его мельчайшими деталями. Миниатюрная поделка была укреплена на специальной подставке из китового уса.

Весело было в этот вечер за ужином на «Восходе».

И было веселье это не от спиртного – что значит бутылка на нескольких здоровых мужиков. Просто люди давно уже были в море, отвыкли от общения с семьями, судно было для них домом на долгое время, а экипаж – одна семья. Радист поймал в эфире какой-то концерт, где исполнялись песни в исполнении Шаляпина. Могучий бас певца порой перекрывал удары волн в корпус судна.

Утро. Разгорается заря. От красноватого блеска волн рябит в глазах. Илья уже покуривает у пушки. У него все готово к охоте.

Экипаж включился в обычный трудовой ритм. Боцман навел порядок на палубе, «бочкарь» занял свое место на фок-мачте. Илья изредка посматривал на «бочкаря», ожидая от него долгожданных слов о появлении китов. Море было спокойным. Чаек на таком большом удалении от берега заметно не было. Влажный морской воздух бодрил.

«Восход» уже несколько часов бороздил просторы океана. Когда кит идет под водой, первым его обнаруживает «бочкарь»: в воде появляется светлеющее пятно, гарпунер немедленно об этом извещается.

Начинается преследование. Шершнев направляет свой бинокль в указанное марсовым место, и вскоре над поверхностью воды в стороне от курса судна начинает поблескивать на солнце бугристая спина кашалота. Судно быстро разворачивается на «пятке» и устремляется к животному. Приблизившись к нему на расстояние выстрела, Илья нажимает на спусковую планку. Раздается глухой звук выстрела, гарпун летит к цели и вонзается в левый бок финвала. Туша животного вздрагивает от глухого разрыва гранаты, лить туго натягивается. Через минуту кит, разбросав ласты, полностью всплывает на поверхность. Готов! Убитого кита оставляют «на флаге», а под конец охоты добытых животных собирают и берут курс на базу-фабрику.

В этот день одного кита с первого выстрела взять не удалось. Напуганное животное ушло на глубину и вновь появилось в поле зрения лишь спустя полчаса. Пришлось делать Илье добойный выстрел без линя и с уменьшенным зарядом. В конце концов его тоже взяли «на флаг».

Бывали дни, когда пушка молчала: для нее не было цели. Илья затягивался папиросой за папиросой, томился от безделья, с надеждой поглядывал на «бочкаря». Но тот, обшаривая биноклем горизонт, молчал. К вечеру возвращались к базе без остановок – не удалось выставить ни одного флажка. Бывало такое не только у Ильи и его коллег по флотилии. Охота, как говорится, что и рыбалка: раз на раз не приходится.

Немало бывало дней, когда океан показывал свой свирепый нрав. Небо внезапно чернело, тучи почти задевали за верхушки мачт, задувал холодный ветер, высокие гребни волн курились брызгами, словно их накрывало сизым дымком, ветер рвал пенные верхушки волн, их ключья стремительно рассеивались в воздухе. В такие моменты воздух становился густым от мириад мельчайших капель влаги. Дышалось тяжело. Об охоте в такой свистопляске нечего было и думать. Илья покидал полубак, поднимался в ходовую рубку. На фок-мачте пустело традиционное место «бочкаря». Люди пережидали буйство океана по каютам. Кто-то из них пытался читать заваливающуюся книгу, некоторые, усевшись в кружок, забивали козла.

Однажды в обычный промысловый день Илья, преследуя кита, повел судно не вслед за ним, как обычно делают гарпунеры, а параллельным курсом. Океан был спокоен, и ему хорошо был виден бок животного. Выбрав подходящий момент, Илья прицелился не в спину кита, как обычно, а ниже и немного позади грудного плавника. Нажал на спусковую планку. Глухой звук выстрела. Животное было убито наповал прямо в самое сердце.

Так Илья открыл для себя новый метод охоты на китов. Оказалось, и сам того не ведая, он возродил на Дальнем Востоке метод охоты старых русских китобоев – поморов, которые, подкрадываясь к животному, метали свои гарпуны как раз в то место, куда и целил Илья.

В последующие дни Шершневу повел охоту только таким способом, и в один из дней загарпунил сразу восемь животных. Это был рекорд для «Восхода» – притащить на базу сразу столько туш.

Капитан – управляющий «Алеута» выразил молодому гарпунеру благодарность. Ни одно китобойное судно флотилии еще не доставляло в один день охоты к базе сразу такую внушительную добычу.

Когда «Алеут» вернулся во Владивосток, на счету Ильи Шершнева было 57 добытых в океане морских исполинов. Получив отпуск, он предстал перед родителями в новеньком морском кителе, в фуражке с крабом, Почетной грамотой и солидной суммой заработка и премиальных.

И в отпуске охотник с полубака не порывал со своей профессией. Золотая приморская осень манила Илью в тайгу. Прихватив как-то старенькое отцовское ружьишко, он отправился поохотиться на боровую дичь. Встретив рябчика, который своими глазами-бусинками доверчиво смотрел на него, охотник опустил ружье. Вместо дичи он вернулся домой с букетом последних осенних цветов. На вопрошающий взгляд отца признался: «Вот от чего мы отвыкли, батя, в морях – от цветочков и зеленой травки...»

Отец понимающе улыбнулся.

27 июня 2013 г.

ОДИССЕЯ КАПИТАНА ПОМОРОВА

Рассказ-быль

После октября 17-го находившиеся в бухте Золотой Рог корабли Тихоокеанской эскадры снабжались всем необходимым все хуже и хуже. Постепенно стали пустеть причалы и рейд – корабли уходили на Черное море, на Балтику, туда, где находилась новая власть в России. Командиры кораблей жаждали определенности, ясности в своем положении: что и как им надлежит делать, на что настраивать свои экипажи?.. Такие же мысли довели и над капитанами военного транспорта.

В начале января 1918 года на рейде Владивостока бросил якорь японский крейсер «Ивами», через пару дней в бухту Золотой Рог без разрешения властей вошел английский крейсер «Суффолк», а буквально через три дня на рейде застыл еще один «японец» – крейсер «Асахи».

Визит непрошенных гостей удручающе действовал на экипажи еще остающихся во Владивостоке кораблей Тихоокеанской эскадры. Когда через пару месяцев в городе высадились японский и английский десанты, наших военных кораблей в городе уже не было – остатки восточной эскадры России ушли на запад. Но у причалов еще оставались несколько военных транспортов. Среди этих вспомогательных судов скрипел швартовыми у одного из причалов Золотого Рога и транспорт «Амур», которым командовал капитан второго ранга Александр Поморов. В свое время он закончил курсы гардемарин в Санкт-Петербурге. Это элитное учебное заведение императорского флота России находилось под патронажем самого Николая II. Царь присутствовал на каждом выпуске молодых офицеров, напутствуя новое пополнение императорского флота в новую для них жизнь.

С той незабываемой для молодого мичмана Александра Поморова поры была пройдена не одна тысяча миль почти по всем океанам и многим морям, время посеребрило виски, прибавило опыта, звездочек на погонах. Но по-прежнему Поморов сохранял подтянутую, жилистую фигуру, не заимел, не в пример многим коллегам, «морского мозоля» под кителем. Казалось, жизнь шла словно по хорошо накатанной дороге – без ям и колдобин. И вдруг... От этого «вдруг» нет никакой страховки. У жены обнаружилась

чахотка. Болезнь прогрессировала, да и местный климат был на руку этому недугу – холодные зимы, туманное, дождливое лето. Никакие медицинские светила с их лекарствами не улучшали состояние сравнительно молодой женщины. Супруга чахла на глазах, и вскоре «безносая» забрала его Наталью Акимовну в свои подземные апартаменты.

Остался у капитана Поморова сын Володя, Владимир Александрович, как величают его ныне. Высокий, с большими блестящими глазами, как у супруги, в 1916 году Володя закончил то же учебное заведение, что и отец. Сейчас служит на Балтийском флоте на эскадренном миноносце «Кронштадт». Как-то там ему в это смутное время?..

Уже который день по улицам Владивостока разгуливали иностранные военные моряки и пехотинцы. Появились и их патрули, но уже при оружии. Фактически город был оккупирован.

Дошли до Поморова слухи, что некоторые корабли Черноморского флота, командиры которых не приняли новую власть, покинули отечественные воды и ушли в зарубежные порты. Эта новость заставила его и офицеров крепко задуматься: как быть, что делать?

Перебрав все варианты выхода из создавшегося положения, Поморов наконец решился. Собрав у себя в каюте офицеров, Александр Мефодьевич объявил им свое решение: покинуть Россию и идти в Стамбул. Коли новая власть забыла о них, нужно самим решать свою судьбу. А там будет видно. От Стамбула до Севастополя, можно сказать, рукой подать. Все-таки будут ближе к событиям, всколыхнувшим ныне всю Россию.

Все офицеры, родственники которых проживали на западе, согласились с решением капитана. Кто из них имел в городе семью, в считанные дни отправили их поездом в европейскую часть страны. Матросы, имевшие семьи в городе, отказались покидать Владивосток. К тому же старая присяга уже не действовала, а новой не принимали. Поморов не стал задерживать нижних чинов. Выдал положенное им денежное довольствие и отпустил на все четыре стороны, предварительно предупредив: об уходе судна никому ни слова.

«Не сумлевайтесь, Ваше благородие! С сей минуты языки, как покойника, в чехлы зашьем!» – заверили они капитана. И когда матросы со своими сундучками покидали «Амур», у схода

низко кланялись остающимся товарищам: «Прощайте, братцы! С Богом!» Спустившись на причал, закурили, долго смотрели на судно, затем, подхватив свою ношу, отправились по домам к своим матроскам. Шли молча, не глядя друг на друга, словно каждый из них был в чем-то виноват.

Через час, подняв якоря, «Амур» покинул порт, миновал западный Босфор и, прибавив ходу, пошел в сторону Кореи. Встречный ветерок развеивал на корме Андреевский флаг. Когда проходили Цусиму, все свободные от вахт высыпали на палубу, молча взирая на перекатывающиеся серые волны, под которыми навечно упокоились русские моряки эскадры генерала Рождественского, пришедшие на помощь Тихоокеанской эскадре. Вечная им память!

Поморов со старшим офицером Вадимом Ротте обходил все службы судна. Последнему из-за своего роста при входе в помещение приходилось сгибаться чуть ли не вдвое. Вахты неслись без замечаний. Несмотря на часть списавшихся матросов хозяйство боцмана Матвея Сапожкова содержалось как положено при полном штате палубной команды. На полубаке, «у фитиля» – терминология времен парусного флота – сидела группа моряков, дымя сигарками и о чем-то тихо беседуя. «Пепельница», широкий бочонок из-под квашеной капусты, как и положено, была наполнена забортной водой. Остро пахло махоркой: папиросы курили господа офицеры.

У фитиля в этот час оживленного, как обычно, разговора не получалось. Каждый выход в море навевал грусть. Человек – существо сугубо сухопутное, хотя по большей части и состоит из воды.

И сейчас каждый из сидящих на полубаке думал об одном: как-то сложится этот поход в неизвестность? Как встретит их «турка»? Первым нарушил молчание матрос Гречко из-за фамилии, носивший кличку Каша.

– Не унывайте, братцы! – бодрился он. – Раньше часто мы с ними воевали. Сколь уж времени-то прошло, а? Тама сейчас выросли новые турки, не должны держать ныне злобы к нам. Старики ихние – те да, помнят наш штык. Думаю, до гроба зареклись идти опять на матушку Русь. Так-то вот...

Стоявшие невдалеке Поморов с Ротте при этих словах Каши молча переглянулись, усмехнулись про себя и продолжили обход судна.

На траверзе Сайгона судовой врач Вениамин Гривич предложил капитану сделать остановку в этом вьетнамском порту для

пополнения запасов свежих овощей и мяса. Поморов поначалу хотел было так и сделать, но, подумав, отказался от захода: судовую кассу решил не трогать. По опыту прежних заграничных важей капитан знал о предстоящих расходах в порту назначения. Придется потратиться на лоцмана, на стоянку у причала, оплачивать бункер угля и воды. Плюс плата за проход Суэцкого канала. Этими обстоятельствами Поморов и мотивировал свой отказ от захода в Сайгон.

Хотя была лишь середина мая, но жара в этих широтах уже давала о себе знать. Днем на палубе матросы обливались забортной водой и тут же устремлялись в куцые островки тени на палубе, а по ночам некоторые из них выносили свои матрацы на палубу, и ночная прохлада плюс встречный ветерок давали людям облегчение.

Форштень «Амура» уже разрезал воды Красного моря. Днем жара доходила до 40–43 градусов. Без обуви на палубу невозможно было ступить.

Прошли Суэцкий канал. У входа в пролив Босфор Поморов приказал поднять на рее красный флаг с белым полумесяцем и звездой – дань уважения Турецкой Республике. А вскоре над судном взметнулся еще один флаг из желтых и синих полос: требуем лоцмана. Дали два длинных гудка и один короткий. Показался катер. На борт поднялся лоцман. Осмотревшись в ходовой рубке, он устремил взгляд вдаль и изрек: «Так держат!»

Старые моряки помнят: узость Босфора раньше позволяла запираť его цепью. Сразу за скалистым мысом Бон начинался турецкий берег. Пролив Босфор сплошь застроен по обоим берегам. И вот уже вырисовывается символ турецкой столицы – Ля-София с четырьмя тончайшими, словно свечи, минаретами. Храм Святой Софии построен еще византийцами более полутора тысяч лет тому назад. Впечатляющее сооружение!

Вокруг «Амура» сновали фелюги с острыми парусами, ловко уворачивавшиеся от его форштенья. В ходовую рубку вошел радист. Он каждый день в полдень получал сигнал точного времени, и вахтенный штурман выверял по нему хронометр.

Указав «Амуру» место его стоянки, лоцман зашел к Ротте, выпил традиционную рюмку водки, закусил бутербродом с сыром и, кивнув старшему офицеру на прощанье, покинул каюту. Матросы только-только опустили трап, и лоцман был первым человеком, сошедшим с «Амура» на турецкий берег.

Уладив все формальности с пограничниками, таможенниками и портовыми властями, Поморов получил разрешение для схода команды на берег.

Первые дни экипаж бродил по городу – шумному и многоликому. Было такое впечатление, что здесь больше торговцев, чем покупателей. Главная улица Стамбула Перы начиналась от Золотого Рога и тянулась в гору. Многие дома стояли в окружении кипарисов. Все здания – в рекламе. Много было банков. Люди, их одежда очень напоминали русским Среднюю Азию. Мужчины ходили в шароварах, заправленных в грубые шерстяные носки, на ногах что-то вроде калош. Женщины, особенно пожилые, сплошь закутаны в шали.

Пока команда любовалась городом, Поморов с Ротте обходил портовые конторы в надежде заполучить хоть какой-то подряд на перевозку груза. Однако все их потуги были напрасны – всё здесь было схвачено местными судовладельцами.

Время шло, судовая касса таяла. Никакой работы не предвиделось. Подходила к концу провизия. И настал день, когда за неплату портовых сборов «Амур» отбуксировали на рейд.

А через неделю Поморов получил бумагу, в которой говорилось, что за долги судно запрещается покидать порт вплоть до полного расчета с задолженностью. На судно был выставлен полицейский наряд. Положение сложилось безвыходное. Кончились вода, уголь, вечерами судно стояло без огней. Полная катастрофа.

На следующий день после прибытия на судно полицейских Поморов собрал экипаж в столовой команды.

– Господа офицеры и нижние чины, – обратился он к ним. – Ввиду того, что у нас нечем платить за пребывание в порту, почти закончились продукты и нет никакой надежды на помощь из России, я принял решение всем покинуть судно и устраиваться кто как может. Альтернативы этому решению у нас просто нет. Судно фактически арестовано за долги, и завтра утром мы должны его покинуть.

Капитан помолчал, обвел всех взглядом и закончил:

– Спасибо вам всем за службу! Вы до конца выполнили свой долг перед Отечеством...

После этого под наблюдением старшего офицера Ротте в столовую команды из провизионки были снесены оставшиеся продукты и поделены поровну между всеми. Свою долю матросы

уложили в сундучки, повздохали, начали укладываться на последнюю ночевку на родном судне.

Утром Поморов вынул из сейфа оставшиеся деньги, поделил их между всеми. На первое время хватит на ночлежку, а там выкручивайся как сможешь. Вскоре подошел буксир, и команда «Амура» покинула его навсегда. На судне остался лишь полицейский пост.

Поморов и Ротте поселились в портовой гостинице; другие офицеры, имевшие при себе наличность еще из Владивостока, выбрали отель поближе к центру города.

С раннего утра капитан и Ротте в поисках места на каком-либо судне начали обходить морские конторы Стамбула. На третий день повезло Ротте. Молодой штурман, владеющий английским, – это то, что надо было судовладельцу-англичанину в данный момент. Он распрощался с капитаном и перебрался на стоявший в порту пароход.

Сложнее с работой оказалось Поморову – все-таки под 50 уже. В одном месте ему предложили матросом на греческий танкер. Он еле сдержался, чтобы не матюгнуться. Ушел. Через неделю деньги у капитана закончились. Скрепя сердце, вновь отправился в тот офис, где ему предлагали место матроса. Через пару дней танкер вышел за грузом в Саудовскую Аравию. Судно было недавно спущено на воду, и матросам не надо было уродоваться так, как на старых «калошах».

С полгода Поморов ходил на танкере в Персидский залив, и однажды, по приходу в Стамбул, его вызвал чиф и объявил, что судно идет на ремонт в Италию и часть матросов сокращают, в том числе и его, Поморова.

Александр Мефодьевич получил расчет и вновь поселился в той же припортовой гостинице, где койку с постояльцами на равных делили клопы. Деньги таяли, как мартовский снег, и Поморов опять начал обивать пороги судоходных компаний. Вскоре ему повезло, если только это можно назвать везением: предложили место кочегара на пароходе, идущем на Дальний Восток. Он уже не был так разборчив, смирился с действительностью, а желания матюгнуться при этом предложении у него уже не возникало. Он молча подписал подsunутую ему бумагу и через час с саквояжем в руках уже поднимался по трапу углевоза «Кинг стар».

Излишне говорить, что не с руки человеку в полста лет осваивать ремесло пароходного кочегара. Раньше самое тяжелое, что

доводилось поднимать капитану второго ранга, – брать в руки секстант; ныне же приходилось орудовать лопатой, наполненной высококалорийным английским кардифом и столь же высоким в цене.

Поначалу после вахты в адском пекле возле горячих котлов Поморов едва добирался до кубрика, жадно припадал к носику медного чайника с противной теплой водой и, не разбирая постели, падал на одеяло, не имея уже сил плестись в столовую ужинать.

Прошло полмесяца. «Кинг стар» уже рассекал воды Индийского океана. Поморов уже не так сильно изматывался у прожорливых топок. Как-то в свободное от вахт время он попросил у вахтенного штурмана разрешения подняться на мостик. Англичанин, как ни странно, позволил чумазому русскому в робе подняться к себе. В этот момент он как раз определял по солнцу местоположение судна. Делал он это долго. Поморов не выдержал и на чистейшем английском попросил штурмана разрешить ему попробовать взять точку. Вахтенный удивился, снисходительно улыбнулся, передал секстант Поморову. Александр Мефодьевич привычно взял в руки прибор и карандаш, быстро произвел необходимые вычисления и карандашом указал на карте место, где находился ныне «Кинг стар». Удивлению англичанина не было предела. Расчет был правильный. Штурман похлопал по плечу Поморова и удовлетворенно произнес: «О'кей, рашен, молодойдец!»

Это случай вышел Поморову боком. В ближайшем же порту капитан списал его с судна, заявив при этом: «Ваши знания, мистер кочегар, не идут на пользу пароходной топке».

Снова поиски работы. Устроился матросом на американский сухогруз. Три года минуло с тех пор, как он покинул Владивосток. На лице прибавилось морщин, руки огрубели, побелели виски: как-никак шестой десяток пошел.

В 1923 году пароход Поморова прибыл в Шанхай. Под вечер с матросами Александр Мефодьевич отправился в портовую таверну. Заказали пива, кое-чего покрепче. Сидели, неторопливо беседовали за кружкой золотистого напитка. Внезапно чья-то рука легла на плечо Поморова. Обернулся.

– Господи-и, Вадим Яковлевич! – не поверил Поморов своим глазам. – Откуда ты, как здесь очутился?

Да, это был Ротте, его бывший старший офицер. Прилично одетый, на пальце перстень. Нисколько не изменился за эти годы.

Такой же подтянутый, лишь время слегка побелело виски, что ему очень шло: прямо лондонский джентльмен.

В этот вечер Поморов ночевал в каюте Ротте. Пароход был российский, речь вокруг была родная, русская. Поморов просто не мог поверить этому. Столько лет слышать вокруг иноязычную речь, ни одного русского слова. И вдруг такое!..

В каюте Ротте в этот вечер долго не гас свет. Прошло столько времени после их разлуки в Стамбуле. Сколько унижений пришлось перенести как одному, так и другому, браться за любую работу, чтобы только выжить. Их положение усугубляли и вести с Родины: гражданская война, интервенция, разруха...

Пароход Ротте прибыл в Шанхай неделю назад, а событий за этот небольшой срок в жизни бывшего старшего офицера военного транспорта «Амур» случилось немало. Едва его судно пришвартовалось, как Вадим Яковлевич увидел стоявший по соседству буксир Тихоокеанской эскадры «Муромец». Как только матросы установили сходни, через пять минут Ротте поднимался уже по трапу «Муромца». Капитаном буксира оказался его хороший знакомый капитан-лейтенант Сигизмундов. Обнялись, едва не прослезившись. Тут же отправились в ближайшую таверну, где Сигизмундов поведал, что в Шанхае находилась группа судов «Доброфлота», ушедших несколько лет назад из Владивостока. Сейчас русские моряки готовили наши суда к перегону на родину. На следующий день Ротте познакомил Поморова с капитаном корабля «Адмирал Завойко» Клюссом. Военные моряки хорошо знали капитана второго ранга Поморова, и в ничьих рекомендациях Александр Мефодьевич не нуждался.

По рекомендации Клюсса Поморова тут же назначили капитаном парохода «Байкал».

В тот же день забрал он с американского судна свои нехитрые пожитки и бросил их в угол своей каюты на «Байкале». На деньги, полученные при расчете с «американца», Александр Мефодьевич купил на рынке подержанный, но еще добротный морской китель и форменную фуражку. В каюте долго крутился у зеркала, примеряя обновки. Конечно, это была не изящная форма морского офицера, но покупки плюс старые флотские брюки вполне придали Поморову вид моряка торгового флота.

Команда «Байкала» была набрана сплошь из русских моряков, которые все эти годы перебивались на чужбине кто как мог.

В середине 1923 года «Байкал» под командованием Поморова одним из первых русских судов из Шанхая прибыл во Владивосток, в бывший порт своей приписки. Когда он входил в Золотой Рог, Поморов до рези в глазах вглядывался в знакомые очертания просторной бухты. Капитан приказал дать длинный гудок – приветствие родной гавани, с которой была связана большая часть его жизни. «Здравствуй, Отечество! – мысленно шептали губы капитана. – Как мне тебя не хватало все эти годы...»

Все вернувшиеся с чужбины суда положили начало флоту Дальневосточного морского пароходства. Далее Поморов возглавлял экипажи краболовов, затем был направлен в Америку за новым судном и еще почти десять лет ходил на судах рыбацкого флота. Закончил свой жизненный путь Александр Мефодьевич в 1937 году в Ленинграде...

22 декабря 2012 г.

ВЫДВОРЕНИЕ «КОМАНДОРА»

Рассказ-быль

К концу 1922 года бухта Золотой Рог стала пустынной и уютной. Разбитые белые армии вкуче с различными атаманами и атаманишками, покидая Приморскую область, прихватили с собой почти весь торговый, а частью и военный флот. Сиротливо выглядели опустевшие причалы, облюбованные неутомными чайками, да рыбаками с удилищами. Лишь у отдельных причалов были ошвартованы рыбацкие шхуны и баркасы добытчиков морской капусты, выдавшие виды баржи, тоскливо поскрипывавшие во время покрывавшейся белыми барашками волн бухты, словно жалуясь на свою судьбу.

Среди этих неприглядных скитальцев моря резко выделялась своими классическими линиями шхуна «Дельфин», которая от топа до ватерлинии была выкрашена светлой шаровой краской. На её кормовой надстройке ярко блестел медный колокол, на баке-лебёдке вдоль каждого борта было подвешено по паре кранцев, палубу покрывали дубовые решётки.

«Дельфин» привлекал к себе внимание не только своей ухоженностью, но ещё и тем, что на баке был установлен пулемёт, с которого в солнечную погоду боцман постоянно снимал брезентовый чехол, тем самым предохраняя оружие от сырости.

История этой шхуны была хорошо известна городским властям. В годы Гражданской войны «Дельфин» входил в небольшую партизанскую флотилию Приморья, которая проводила дерзкие морские операции, нанося удары по белогвардейцам, а в период между боями суда этой флотилии доставляли партизанам оружие, боеприпасы, провиант, курсируя вдоль побережья области (так в то время именовалось Приморье). Одним словом, экипаж шхуны состоял из бывалых, обстрелянных моряков.

С окончанием Гражданской войны «Дельфин» возглавил отряд рыбоохранных судов. Её капитан Михаил Рогулин имел команду из 12 человек и командовал шхуной со дня ее постройки. В конце 1921 года своим судовладельцем Рогулин был послан в Японию для приемки шхуны. Прибыв с командой в порт Хакодате, где был построен «Дельфин», капитан подписал акт о приёмке судна, закупил про запас необходимый такелаж и повёл шхуну во Владивосток.

В родном порту работы почти не было, изредка подваливала фортуна: перевозили коммерческие грузы. Её судовладелец еле сводил концы с концами. Два трюма шхуны вмещали почти 80 тонн. Их забивали всякой ерундой и возили вдоль побережья. На зарплату команде едва хватало, а мизерную прибыль сжирал керосин для двигателя.

Однажды на шхуну прибыли два человека и попросили капитана доставить их груз из бухты Находка в Ольгу. Их просьба насторожила судовладельца, который знал, что в этой бухте находится база партизанского движения. Гости обещали щедро заплатить. Судовладелец поначалу мялся, зная, чем это может ему грозить от нынешней власти, но названная сумма за доставку заставила его сдаться. Мужчины тут же с ним рассчитались.

Когда Рогулин получил задание на рейс в партизанскую зону, он напомнил своему хозяину, куда им предстоит везти свой груз, притом непонятно какой. Судовладелец приказал Рогулину не распространяться о рейсе.

В одной из небольших бухт Находки «Дельфин» загрузился ящиками. Догадка Рогулина подтвердилась: в ящиках были винтовки, патроны, в мешках – разобранные пулемёты.

В Ольге доставленное быстро разгрузили в телеги. Прибывшие с этим грузом владивостокские гости предложили Рогулину сделать ещё один рейс. Он пообещал им поговорить об этом с хозяином.

Моряки прекрасно понимали: занимаясь такими перевозками, они рискуют жизнью, ведь белая контрразведка не дремлет. Во Владивостоке несколько членов команды списались с судна. Рогулин не осуждал их: у людей в городе были семьи, и капитан по-человечески понимал их.

Заработав хороший куш, судовладелец дал добро ещё на один рейс в Ольгу с аналогичным грузом. Так, можно сказать, помимо воли Михаил Нестерович Рогулин стал врагом существующего тогда в области режима.

После второго рейса в Ольгу возвращаться во Владивосток уже не пришлось – прибывшие из города люди сообщили капитану об аресте контрразведкой его судовладельца.

Каким-то образом её ищейки разнюхали о рейсах «Дельфина» в партизанскую зону. Возвращаться во Владивосток для Рогулина было смерти подобно. К тому времени партизаны обзавелись

несколькими старыми посудинами, вооружились пулемётами, и «Дельфин» возглавил флотилию народных мстителей.

В 1922 году новой властью Рогулин был утверждён капитаном «Дельфина», ставшего официальным рыбоохранным судном советской власти. Патрульные рейсы были длительными, охраняемая территория могла вместить в себя несколько европейских стран – от Владивостока до Камчатки.

Рогулину пошёл уже пятый десяток. Среднего роста, плотного сложения, с уже пробивающейся на висках седой, свою команду он держал в строгих рамках. Выпивох, недисциплинированных без сожаления списывал на берег. Заменить их было кем. В то время на городской бирже труда околичивалось достаточно моряков, чьи суда были угнаны за кордон.

С момента постройки шхуны прошло четыре года. Вот и весной 1925 года команда «Дельфина» готовилась к выходу на север Тихого океана. Приближались промысловые будни для китоловов (так тогда именовались китобои), далее наступала горячая пора для краболовов, а следом начиналась лососёвая горячка. За ходом всех этих промыслов ежегодно следила команда «Дельфина». Выполняли эту охранную функцию и другие суда, но они были небольших по сравнению с «Дельфином» размеров и далеко от берегов уходить не могли.

Почти через неделю после выхода из Владивостока «Дельфин» прибыл к берегам Камчатки. Здесь на концессионных началах вела промысел норвежская китоловная флотилия «Вега», представляемая в наших водах плавбазой «Командор» с пятью судами-охотниками за морскими исполинами.

В 1923 году норвежцы получили от нашего правительства концессию сроком на пятнадцать лет. Район их охоты на китов-полосатиков и кашалотов был установлен от мыса Сердце-Камень в Чукотском море до мыса Лопатка на Камчатке. Здесь нелишне будет напомнить о таком историческом факте. Началом промысла китов в Тихом океане принято считать 1712 год, когда в поисках новых районов китового промысла американские китоловы проникли в Тихий океан и обнаружили здесь громадные запасы зубатых китов-кашалотов. Они обладали таким ценным сырьём, как спермацет. Из него в то время выработывали самые высокосортные свечи.

Прибыв в район работы норвежцев, капитан бросил якорь неподалёку от берега. День выдался солнечным, тёплым. Всё здесь

было как и в прошлом году, только какой-то неприятный запах почувствовали моряки. Ветер набрасывал его с берега. Рогулин приказал спустить шлюпку и вместе с инспектором рыбоохраны Вадимом Широкиим направился к берегу.

– В прошлом году, – нарушил молчание Рогулин, – мы были здесь, но ничего подобного этому запаху не ощущали. Странно всё это.

По мере приближения шлюпки к полосе прибоя тошнотный запах всё более усиливался. А вскоре моряки обнаружили источник зловония. Прибоем на берег была выброшена туша кита. Поначалу капитан с инспектором решил, что туша кита могла быть сброшена штормом с разделочной палубы базы. Но вскоре обнаружили ещё одну тушу полосатика. Он выглядел так же, как и первый: с него снят лишь слой жира, спилены усы.

– Все ясно, – внимательно оглядывая берег, произнёс Рогулин. – В 24-м году ничего подобного не было, да и быть не могло. Ведь норвежцы охотились тогда севернее, в Чукотском море. Выходит, и там такая же картина?

Запах стоял невыносимый. Заметив третью тушу, разделанную так же, как и первые две, Широкий чертыхнулся:

– Что делают, а!? Забирают лишь жир, усы и, судя по животному, амбру.

– Да, губа у них не дура, – согласился капитан. – Жир берут на ворвань, ус – на различные поделки, ну а амбра идёт парфюмерии.

– Амбра у них очень ценится, – подтвердил инспектор. И рассказал капитану любопытный случай с одним французом, который настоял на амбре духи и смочил ими носовой платок, и целых одиннадцать лет платок сохранял первозданный запах духов.

Удручённые всем увиденным, моряки вскоре вернулись на судно. После ужина Рогулин в кают-компании собрал экипаж. Капитан поведал морякам об увиденном на берегу и подытожил свой рассказ:

– Ничем иным, как хищническим истреблением животных, деятельность норвежских китоловов назвать нельзя. Туши животных, разлагаясь, отравляют всё вокруг, птицы разносят эту заразу в береговые посёлки. Это может вызвать эпидемию. Вследствие этого я принимаю такое решение. Первое...

Первое состояло в том, что завтра с утра часть людей будет доставлена на берег, чтобы обследовать побережье на предмет

обнаружения новых туш китов. Второе состояло в том, чтобы обнаруженные туши сосчитать, а третье своё решение капитан брал на себя: вместе с инспектором Широкиим они заснимут фотоаппаратом безобразия, творимое норвежцами.

Утром группа моряков во главе с боцманом Афанасием Рябовым была высажена на берег и, разделившись, приступила к обследованию побережья. Следующим заходом шлюпка доставила на берег капитана с инспектором. Рогулин с Широкиим приступили к фотографированию следов хищнического промысла иностранных китоловов.

На тушах китов вовсю пировали чёрные жирные топорки, белокрылые чайки. Летящую братию вонь от разлагающихся морских исполинов нисколько не смущала.

Вечером капитан в присутствии всей команды подвёл итог проведённой работы. Он был удручающий и вызвал у моряков возмущение. Особенно эмоционально высказался по этому поводу механик Владимир Рассолов, ещё юнгой бороздивший эти воды и наблюдавший, как вели промысел китов коренные народы этих суровых мест – коряки, чукчи.

– Эти маленькие нации использовали в дело, понимаешь, всю тушу. Даже кости забирали, мастерили из них свои яранги, понимаешь! А что делает эта Европа культурная? Варвары просто!..

В этот вечер кок Рыбкин не знал, что делать с приготовленным ужином. Люди нанюхались на берегу «ароматов», и многих просто тошнило при виде пищи.

Ещё несколько дней «Дельфин» курсировал вдоль побережья, собирая факты хищнического ведения промысла норвежцами. Были сняты десятки разлагающихся туш животных, оформлен соответствующий протокол. Несколько раз моряки видели проплывающие мимо них суда-охотники с гарпунными пушками на баке. Вслед за ними тянулись на буксире туши убитых китов. Всё это направлялось к маячившей вдали плавбазе «Командор» на разделку.

Собрав достаточно фактов, обличающих китоловов, капитан Рогулин с инспектором Широкиим в один из дней направился к базе «Командор».

Когда Хенрику Хенриксену, художавому, словно Мефистофель, капитану плавбазы, доложили о прибытии русских на патрульном рыбоохранном судне, он привычно накинул на плечи китель с блестящими пуговицами, наглухо застегнул его и отправился

встречать гостей. Как только Хенриксен, подойдя к фальшборту, увидел «Дельфина» с внушительным пулемётом на баке, его благодушное настроение начало убывать. «Не без причины вооружённое судно русских подошло ко мне», – мелькнула у капитана тревожная мысль. Но вот уже по сходням на палубу «Командора» поднялись Рогулин и Широкий.

Глазам моряков предстали будни китоловов. На кормовой разделочной палубе всю кипела работа. Матросы-раздельщики с фланшерными ножами, тускло блестящими под слоем покрывавшего их жира, умело подрезали толстый слой сала, другая часть разделщиков, балансируя на скользкой палубе, длинными промысловыми крючками растаскивала сырец к горловинам жиротопных котлов. С китовой туши как раз снимался пласт сала от головы до хвоста, аккуратно, без обрыва. Выполнялось это при помощи лебёдки: закреплённый за начало пласта трос медленно наматывался на шпиль. Один резчик привычно отделял спермацетовые мешки с головы кашалота. И запахи, запахи... Вся палуба лоснилась от жира вперемешку с кровью. По такой палубе передвигаешься словно по льду, ноги разъезжаются. Кругом грохот шпелей и лебёдок, клубы пара вырываются из горловин, истерично визжат паровые пилы, кругом груды сырца.

В каюте капитана русским предложили сесть на диван, покрытый какой-то экзотической шкурой. Едва Рогулин с Широким присел, как в каюту вошёл стюард в белой куртке с подносом в руках. На подносе в окружении рюмок стояла бутылка. Судя по белой жидкости, в ней были виски или водка.

– Господа! – по-русски, но с заметным акцентом обратился к гостям хозяин каюты. – Предлагаю вам погреться, как говорится по-русски.

Хенриксен сам разлил содержимое бутылки по рюмкам.

– Спасибо! – ответил Рогулин. – Но сначала, господин капитан, поговорим о деле.

Михаил Рогулин вынул из кармана кителя протокол, разгладил его и зачитал. По мере чтения с лица норвежца исчезала улыбка, а к концу чтения бумаги оно и вовсе стало серьёзно-озабоченным. Рюмка, которую он всё время держал в руках, начала заметно вздрагивать. Капитан поставил её на стол.

– Господа! – начал он вынужденно-неприятный для него комментарий к протоколу. – Вы говорите, хищники мы работаем... Но я

не могу согласиться с вами на это обвиняйте нас. Мы работаем так. Это наш технологический, как говорится. Мясо, кость нам не надо. Мы не можем с ним ничто делать, используйте куда-то. Это, как по-русски, не мой прихоть. Наши предки так постоянно добывали кита, так используйте его.

– Господин капитан! – выслушав сбивчивую тираду норвежца, ответил Рогулин. – Мы охотно верим вам, что подобный метод разделки китов – не ваша личная прихоть. Но подобный метод промысла в наших территориальных водах недопустим. И я от имени советской власти уполномочен запретить вам промысел в наших водах. На днях вы получите из Владивостока все необходимые для подобной процедуры официальные документы. А пока подпишите наш протокол, выразив тем самым своё согласие со всем изложенным в нём.

Но подписывать протокол Хенриксен отказался, заявив, что подпишет, когда он будет представлен ему на языке его страны или, в крайнем случае, на английском. На том стороны и расстались. Рюмки остались наполненными.

Когда «Дельфин», тарахтя своей керосинкой, отходил от высокого, словно гора, корпуса «Командора», моряки видели, как команда базы сгрудилась у фальшборта, пяля глаза на русскую шхуну. Одни из них пересмеивались между собой, другие с мрачным видом плевались за борт, третьи спокойно дымили своими трубками.

К ночи «Дельфин» поднял якорь и взял курс в порт своей приписки. Михаил Рогулин всё ещё никак не мог войти в нормальную душевную колею. Нелицеприятный разговор с Хенриксеном, всё увиденное на берегу не способствовало спокойствию души. Он даже от ужина отказался, выпив лишь кружку крепкого чая.

Шхуна шла уже с час. Стемнело. С океана катила свежая волна, ощутимо покачивало. Порой волны заливали палубу, вода не успевала уходить через шпигаты. Нередко шхуна до самого полубака зарывалась носом. Внезапно высокая волна с грохотом ударила в рубку. Но шум этот показался капитану каким-то необычным, с примесью постороннего звука, напоминающего что-то вроде хлопка. Звук этот раздался с правого борта. Когда Рогулин с рулевым повернули головы в сторону этого непонятного звука, они увидели расплывчатый силуэт тёмной глыбы, напоминавшей корму судна. Никаких огней видно не было. Грохот волн и завывавший ветер глушили все посторонние звуки.

Внезапно зашипела разговорная трубка в машинное отделение. Рогулин склонился к ней.

– Товарищ капитан, – с ноткой испуга в голосе закричал механик Рассолов, – в мой борт врезалось что-то острое. Просачивается вода...

При тусклом освещении машинного отделения капитан увидел застрявший в дереве острый наконечник металла. Вызвав боцмана Рябова с матросами Росляковым и Дубенко, Рогулин приказал заделать пробоину. Не мешкая, наложили пластырь. Застрявший в борту предмет сдерживал поступление воды.

К рассвету волнение немного стихло, и моряки рассмотрели торчавший в борту предмет. Едва бросив на него взгляд, Рогулин заметил:

– Обыкновенный гарпун. Мы запретили господину Хенриксену охоту на китов, и он решил устроить охоту на нас. Гарпун без лinya, готовились к этому загодя.

Когда гарпун вытащили из борта, капитан начал искать клеймо фирмы, изготовившей его. Но его ждало разочарование: надпись была стерта напильником.

– Н-да-а, – вздохнул капитан, – улик на норвежцев, увы, нет. Готовились к охоте на нас умело, ничего не скажешь... Правда, тут неподалеку работают японские китоловы. Кого подозревать? Такая вот задачка...

В прошлом году Рогулин выдворял японцев из наших территориальных вод. Не исключено, что на подобное могли пойти и они. В тот же день с «Дельфина» во Владивосток ушло радиодонесение с изложением всего произошедшего за сутки, в том числе и с попыткой их потопления.

Пока «Дельфин» добирался до порта приписки, областные власти Приморья получили радиogramму с Камчатки от руководителя нашей экспедиции учёных и авиаторов, направлявшихся на самолёте на остров Врангеля для изучения движения льдов на северном побережье Ледовитого океана, а также для ведения гидрометеорологических наблюдений. Учёные сообщали о том, что береговая черта полуострова усеяна тушами неразделанных китов.

Данные Михаила Рогулина с его фотоснимками и пришедшая как нельзя кстати с Камчатки радиogramма от ученых были приложены к просьбе руководства Приморской области об изъятии у норвежских китоловов лицензии на промысел китов в

российских водах. Москва оперативно отреагировала на просьбу: у компании «Вега» была аннулирована лицензия на китовую охоту в наших водах. Вместо 15 лет, как было оговорено в лицензии, «Вега» промышляла китов у берегов Чукотки и Камчатки всего лишь два года. Итог её «хозяйствования» – 570 убитых животных. Смердящие туши китов ещё долго напоминали местным жителям о «цивилизованной технологии» обработки морских животных не менее «цивилизованными» европейцами.

ОТ АВТОРА: описанные события имели место с 1923 по 1925 год у берегов Чукотки и Камчатки.

20 апреля 2012 г.

ЧП НА КОРОЛЕВСКОЙ БАНКЕ

Рассказ-быль

Утром, просматривая сводку выпуска консервов за минувшие сутки, Николай Чугуевский чертыхнулся, бросил на стол ручку, подошёл к открытому иллюминатору. Взору капитан-управляющего (приставка «директор» ещё не существовало в то время) плавающего крабоконсервного завода «Уссури» предстала привычная картина промысловых буден: на акватории штилевого в этот час моря тут и там виднелись мотоботы с ловцами, один из которых направлялся к заводу. «Сырец идёт хорошо, – размышлял капитан, – а вот у обработчиков заминка». Раздражало его то, что и винить-то было некого. Разве что природные условия да скудость ассортимента продуктов в провизионке.

Они и ломали ритмичную работу «Уссури». От этого, объяснил Чугуевскому судовой врач Михаил Кторов, никуда не денешься. Всё до примитивного просто: холод, сырость, отсутствие в рационе питания свежего мяса и овощей дали «зелёную улицу» коварному недугу моряков – цинге.

Шёл 1932 год. В середине мая плавзавод вышел на промысел. В то время бытовые условия на краболовах были не ахти какие. Люди жили в кубриках по 60–70 человек, спали на деревянных нарах. Питание и спецодежда выдавались за наличный расчёт. На судне не было морозильной установки, поэтому мясо солили в бочках. И солонины хватало на месяц с небольшим. Об овощах лишь мечтали. И, как следствие, нередким гостем на флоте была цинга. Даже обычный картофель выдавали только больным. В те времена транспортные суда продуктов на путину не доставляли – перед многомесячным рейсом запасались всем сразу. Даже обычную питьевую воду выдавали по два ведра на человека: одно – для питья, другое – для стирки. Курящим отпускали по пачке махорки на неделю.

Контингент обработчиков – крабоваров, рубщиков мяса, укладчиков набирался из западных областей страны, много было и южан. Эти люди были непривычны к суровым условиям дальневосточных морей. Именно они и становились первыми жертвами цинги.

Ближе к обеду капитан-управляющий вызвал к себе старпома Семёна Вершинина, врача Михаила Кторова и заведующего

провизионкой Станислава Чупринина. Вопрос один: как пресечь распространение цинги? Чугуевский попросил Кторова коротко обрисовать положение с заболевшими людьми.

– В настоящий момент, – перелистывая лежавшие перед ним бумаги, начал врач, – от работы я освободил уже 18 человек. У многих из них опухли и побелели дёсны, расшатываются зубы. Людям трудно разжёвывать пищу. Пьют в основном чай, размачивая в нём хлеб. – Кторов помолчал и, бросив взгляд на Чугуевского, закончил: – Им нужна особая диета, что при наших возможностях нереально.

Наступила гнетущая тишина, нарушаемая лишь криками чаек, скопившихся у разгружаемого мотобота. Каждый из присутствующих прекрасно понимал: заболевших надо немедленно госпитализировать. Судовой лазарет не в счёт – в нём просто нечем лечить. Нужна помощь береговых медиков. Первым из затянувшегося раздумья вышел капитан.

– Семён Артемьевич, – обратился он к старпому, – что из наших продуктов может хоть как-то помочь больным?

Старпом, заскрипев креслом, повернулся к Чугуевскому:

– В провизионке имеются лишь лук, сухофрукты, лимонная кислота в порошке. Больным желательно давать чеснок, квашеную капусту, свежее мясо.

– Мы уже даём всё это цинготникам, – подал голос врач, – а из мяса лишь солонина.

– Товарищ капитан, – вступил в разговор заведующий провизионкой Чупринин, – чеснок весь вышел, капуста на исходе, лук остался лишь сухой. Такие вот, значит, дела.

– Час от часу не легче, – вздохнул Чугуевский. Помолчал и, как уже твёрдо решённое, сказал:

– Сейчас же даю радиogramму во Владивосток. Объясню ситуацию. Может, в тресте нам что-то посоветуют, чем-то помогут. – Помолчав и окинув каждого внимательным взглядом, добавил: – Подготовлен приказ: заболевших обработчиков заменять членами экипажа, в том числе и командирами. План сорвать не можем. Как только получу РД из Владивостока, доведу приказ до личного состава. Другого выхода в данной ситуации я не вижу.

Перед этим разговором он взвесил все за и против. Плавбаза стояла на якоре недалеко от уже позеленевших сопкок Сахалина. Банка, из которой черпали краба, была неистощима.

Промысловики «королевской» прозвали её – ловился камчатский или, как его ещё именовали, «королевский» краб. Вес его достигал семи с половиной килограммов. Ловился он от Чижигинской губы и Камчатского залива до берегов Южной Кореи. Попадается королевский краб и у побережья Британской Колумбии. Из беспозвоночных крабы Дальнего Востока самые ценные в нашей стране, и цены их на мировом рынке очень высоки.

Кроме «Уссури», лов на этой банке вёл ещё один краболов – японский. Чугуевский надеялся взять здесь план. Всё просчитал. Ходовые вахты на судне не неслись как на ходу, поэтому часть моряков можно было направить на замену заболевших обработчиков. Следовало лишь решить вопрос с дополнительной оплатой их труда. Но в этом он затруднений не видел.

Поздно вечером в каюту капитана постучали. Вошёл второй радист Виктор Глебов с радиограммой из Владивостока. Взяв вырванный из блокнота листок, Чугуевский отпустил его. Прочитав РД, капитан бросил листок на стол. «Советуют заменить заболевших членами экипажа... Дорогие начальнички, без вас до этого додумался». Закурил, задумчиво перебирая бумаги на столе. Это была уже пятая его крабовая путина в должности капитана, но подобного ЧП в его экипаже не бывало – столько заболевших!

Капитан расстегнул китель, прошёлся по каюте. За его плечами уж 50 годков, с 18 лет на море. Был матросом, боцманом, потом морской техникум во Владивостоке, диплом судоводителя. Случалось и рыбачить, и морского зверя бить. Последние 12 лет ходит на краболовах. На следующий день в столовой команды за ужином только и разговоров было о приказе капитана заменить заболевших обработчиков членами экипажа.

– А что, – хлебная гороховый суп с тушенкой, размышлял фельдшер Иван Зыбин. – Заработаем лишнюю денюгу, да и физически разовьёмся. Опять же польза.

– Тебе то что? – оторвался от своей тарелки моторист Семочкин. – Отбарабанил у разделочного стола – и набок завалился. А мне ещё в машине вахту тянуть...

Хлебная суп и слушая все эти разговоры, боцман Никита Лепко лишь спокойно орудовал ложкой, а когда раздавальщица Оксана Нетреба поставила перед ним и тарелку гречневой каши с солониной, подцепив вилкой луковый кружок и подняв его высоко над столом, Лепко произнёс:

– От это колесико помогает лечению от цинги. А ещё лучше – черемша. Это же дикий чеснок по-народному. У нас в Приморье его полно.

– Не только у вас, – подхватил разговор технолог Виктор Середа. – В 28-м году мы высаживались на берег Сахалина, отдыхали, так сказать. Так в здешней тайге черемши просто тьма. Тогда мы своему кондею целый мешок его насобирали. Кок пихал его во все блюда, только что в чай не клал. Цинготников на той путине у нас не было.

– Ребята! – загорелся боцман. – Это же мысль! Предложим капитану вылазку на берег за черемшой. Счас же топаю к нему.

Боцман доел второе, вытер ладонью свои пышные, давно уже не знавшие ножниц усы и, загремев сапожищами, покинул столовую.

Чугуевский с интересом выслушал предложение боцмана, обещал обдумать. А после его ухода встретился со старпомом, поведал ему о разговоре с боцманом, предложил высадить на берег группу людей за черемшой. Старпом решение капитана одобрил.

На следующий день с лова был снят один мотобот и группа моряков во главе с Вершининым отправилась на нём к берегу. Был в группе и боцман. На всякий случай капитан вручил старпому свой карабин: «Возьми, говорят, медведи тут шастают, будьте осторожны».

Вскоре мотобот ткнулся носом в зашуршавшую гальку. Моряки подтянули его повыше на берег, канатом закрепили за каменную глыбу и направились к темневшему невдалеке лесу. Впереди с карабином на плече уверенно шагал старпом, вслед за ним боцман, и замыкал цепочку фельдшер Зыбин.

Вскоре достигли кромки леса. Ярко светило солнце, высвечивая у подножия сосен и кедров обильную растительность. На полянах, поросших ирисом, шиповником, красивыми цветами, гудели шмели, из кустов подавали голос овсянки.

– Красотища, – озираясь вокруг, порадовался старпом.

– Это точно, – согласился боцман. – Я уже лет десять не вижу лета, всё в море да в море...

– У тебя, Никита Евсеич, и усы уж насквозь просолились, вон какие белые, – засмеялся фельдшер.

Путь морякам преградил шумливо бежавший по замшелым камням ручей. По его берегам в обилии и росла черемша. Срывая

и укладывая её в мешки, люди разбрелись и вышли вскоре в зажатую сопками падь. Лепко, раздвинув палкой траву, пригнулся и любовался какой-то травкой. Хотел уже сорвать её, но подошедший фельдшер схватил его за руку.

– Не тронь! – Боцман удивлённо глядел на него.

– Это прострел-траву, её корешок смертелен. Борцом называется.

Лепко с опаской посторонился. Люди уже прилично набили свои мешки черемшой, пора было возвращаться к мотоботу, когда старпом внезапно шагнул в гущу леса и застыл на месте. Подозвав к себе спутников, Вершинин указал им в глубь леса. Сквозь часток кол елей они увидели дом. Дом как дом, но крыша его обращала на себя внимание. Была она вроде китайской пагоды. Когда моряки подошли ближе, увидели над входной дверью прикрепленный пучок высохшей травы, туго переплетённый. А к нему было подвязано что-то вроде яблока или мандарина.

– Дом построили японцы, – нарушил молчание Лепко. – Такие крыши они делают над своими жилищами. В 28-м году мы уже встречали такие на Сахалине. Тута япошки по концессии, значит, лес заготавливают, а эти причиндалы над дверью предназначены у ихней нации для отгона злых духов.

Внутри дома вдоль стен тянулись нары с перегородками на рост человека. На стенах висели пожелтевшие бумажные полосы с рисунками и иероглифами. На полу валялись рваные, грязной обувью затоптанные циновки-тапи. Посередине избы печь из камня, труба которой упиралась в закопченный потолок. Судя по всему, люди покинули жилище года два-три назад, предварительно подперев двери толстой лесиной. По соседству с домом протекала небольшая речка с кристально чистой водой.

Вечером за ужином в столовой команды и в кают-компани люди хрустели черемшой, макая ее в соль.

Чугуевскому рассказали об обнаруженном доме, о живописной местности вокруг него, о речке рядом. Капитан решил лично осмотреть то место.

На следующий день Чугуевский побывал в пади, а вернувшись на судно, собрал командный состав плавзавода.

– Товарищи, – обратился он к собравшимся, – предлагаю привести этот дом в порядок, завезти туда продукты и устроить в нём что-то вроде профилактория для наших больных. Первыми тех

вывезем, кто наиболее подвержен цинге. Черемша, свежий воздух, природа должны благотворно сказаться на больных. Как вы думаете?

Через пару дней дом привели в порядок, завезли продукты, посуду, матрасовки набили хвойными ветвями, привели в порядок и протопили печь, которая поначалу дымила, но загудела что турбина.

На исходе второго дня мотоботы доставили на берег первую партию больных – 18 человек. Их уже ждал горячий ужин и блестящие своей зеленью пучки черемши. Ночь в импровизированном профилактории провёл с ними и врач Михаил Кторов.

Перед отправкой больных Чугуевский предупредил их об опасности в одиночку удаляться в лес. Были для этого основания: по соседству на берегу речки заметили следы. Боцман, выросший в деревне, уверенно определил – медвежьи. Капитан оставил фельдшеру карабин с запасной обоймой.

Больные понемногу оживали, с лиц их исчезли бледность и подавленность, многие без боли уже прожёвывали пищу, а Григорий Чуб, рубщик мяса, нашедший в лесу несколько кедровых шишек, даже пытался щёлкать орешки. Глядя на парня, фельдшер Иван Зыбин улыбался и, подсев к нему, помогал ему шелушить шишки. Больные оживали на глазах, у людей появился аппетит, после обедов и ужинов редко в какой тарелке оставались остатки пищи.

Как-то вечером, когда люди, покуривая, сидели возле дома, в лесу раздался треск сучьев. Больные насторожились. Фельдшер приготовил карабин. Но вместо ожидаемого зверя из чащи леса вышел человек. Был он небольшого роста, лицо смуглое, плоское, нос приплюснут. Одет в куртку и штаны непонятно из какой ткани. Лишь когда он подошёл ближе, люди увидели, что одеяние его из звериной шкуры. На голове у человека была серая матерчатая повязка, обут в унты. Лицо незнакомца украшали усы и борода, у пояса нож в ножнах из звериной шкуры. Подойдя ближе, заулыбался.

– Здрате!

– Здорово, здорово, – заулыбались в ответ и краболовы. – Кто будешь?

– Моя гиляк, – с готовностью ответил пришелец. – Охота ходи, медведя вали.

– Где же твой медведь? – спросил Чуб.

– Тамма, с наши люди, – указал он в сторону ближайшей сопки.

– С чего пошита твоя одёжка? – не отставал Григорий.

– Изюбря, – с готовностью ответил гиляк. Улыбка не сходила с его лица. Из разговора с ним постояльцы профилактория выяснили, что неподалёку в тайге находится их стойбище. Фельдшер поинтересовался, нельзя ли приобрести у них немного мяса, и пояснил, что краболовы с парохода, ведущего лов краба неподалёку, лечатся здесь от цинги. За мясо они могли бы дать муки, крупы, чая. Гиляк с готовностью согласился. Зыбин, Чуб и ещё один обработчик отправились с ним в его стойбище.

Ужин в этот вечер повар приготовил на славу. Ещё варилась медвежатина, обжаривался на сковороде лук, а люди в предвкушении его глотали слюнки. А проходил он оживлённо. Когда подали второе из медвежатины, присыпанной луком и мелко покрошенной черемшой, Григорий Чуб аж зажмурился, наклонился к тарелке, засопел, вдыхая аромат мяса, и выдохнул из себя:

– Даже у нас в Одессе не вдыхал я такого убийственного запаха в забегаловке на Дерибасовской, когда официант ставил передо мной блюдо из кефали, приготовленной по-турецки с соусом «Босфор» и поджаренной на оливковом масле. Это надо понимать!

И, прожевав первый пластик мяса, закатил глаза:

– Вкус убийственный! Как говорят в Одессе, после вкусной еды хочется женской среды. Хоть к гилячкам иди.

Смех покрыл последнюю его тираду. Впервые за эти дни на лицах больных появились улыбки. Лишь помощница повара Клава, едва сдерживая улыбку, пожурила: «Ну и охульник ты, Чуб...»

Медвежатины хватило надолго. Гиляки, узнав о беде, постигшей краболовов, отдали им всю тушу медведя, вместе с мясом вручив краболовам и шкуру зверя. Больные, благо времени свободно у них было вдосталь, сообщая её выделали и подарили капитану. Обещанные продукты получили гиляки сполна: стороны остались довольны друг другом.

Через пару недель все больные были доставлены на судно вполне здоровыми и приступили к своим обязанностям. Несколько человек-цинготников с не очень запущенной ещё болезнью были отправлены в лесной профилакторий подлечиться. Медвежатина с черемшой быстро ставила на ноги заболевших краболовов.

Подаренную гиляками шкуру хозяина тайги капитан распорядился повесить в кают-компании «Уссури». И каждый раз, уже в последующие рейсы, глядя на таёжный сувенир, моряки вспоминали ту злополучную путину ушедшего в историю 1932 года. Путину нелёгкую, но оставшуюся в памяти у каждого, особенно же у тех, кто трудился тогда за себя и за того парня, скрученного внезапным недугом.

28 апреля 2012 г.

ЭКИПАЖ УХОДИТ В ЗЕМЛЮ

Рассказ-быль

Зимой 1933 года все суда «Крабтреста» остались без топлива – угля.

Этого чёрного камня не хватало даже для промышленных предприятий Приморской области – так тогда именовался Приморский край. И если население Владивостока могло топить печки дровами, то краболовы на такой вид топлива рассчитаны не были. Создалась катастрофическая ситуация. Через два месяца предстояло выходить на путину, а поступления угля не предвиделось. Областной комитет партии предложил руководству треста организовать добычу угля своими силами. Была названа и шахта на юге области, где ощущалась острая нехватка рабочих. Обком предложил капитан-директору самого крупного краболова – плавзавода «Дальневосточник» – направить свой экипаж на рубку угля.

Вернувшись на судно с совещания в обкоме, капитан «Дальневосточника» Федор Краев, сорокалетний, в строгой морской форме мужчина, собрал у себя в каюте командный состав крабokonсервного плавзавода и поведал ему о предложении высшего партийного руководства области. «Стать на время шахтёрами? – зачесали свои затылки ошарашенные командиры. – Н-да-а, – изрекали многие из них, – как это будет выглядеть на практике?» Но другого выхода не было. Стоявший в бухте Новик на Русском острове плавзавод дожигал последние тонны угля. Времени на раздумье не было – на носу крабовая путина. В тот же день в столовой команды было созвано общее собрание экипажа – моряков и обработчиков. Коротко обрисовав собравшимся суть проблемы, капитан Краев предложил людям высказаться. Первым поднял руку боцман Тимофей Дубок.

– Я, значит, так мыслю: раз надо – значит, надо. Тут я так понимаю: есть даже что-то общее в нашем труде. Ведь краба мы добываем с глубин моря, и уголёк, то ж самое, на глубине, только, значит, земной. Попробуем и его, так сказать, добыть. Таково будет моё единоличное мнение...

Дубок уселся на своё место и, чувствуя на себе взгляды товарищей, начал в смущении покручивать кончики усов. Наступившую томительную паузу прервал старпом Николай Стародубцев,

выполняющий обязанности секретаря судовой парторганизации (в то время на флоте ещё не было помполитов).

– Товарищи, давайте поактивнее будем, ведь решается судьба путины, нашего с вами заработка. От моряков Тимофей уже выступил, а теперь надо бы послушать и обработчиков. Как они мыслят? Ну, посмелее, кто желает?

Встал Виталий Неелов, рубщик мяса, комсорг.

– Мы, комсомольцы, полностью за слова боцмана, всех обработчиков призываем поддержать нас в этом.

– Мы, женщины, – словно подброшенная невидимой пружиной, вскочила со своего места повар Оксана Петренко, – обязуемся трудиться наравне с мужчинами, не поддаваться трудностям подземной жизни и кормить наших будущих шахтёров вкусными обедами!

В столовой раздался дружный смех: «Молодец, Оксана, держи марку кондея!»

Взял слово и начальник радиостанции Виктор Минин, выразивший опасение по поводу участи своих радистов в рубке угля.

– Людям нашей профессии, – начал он, заметно волнуясь, – противопоказано поднимать большие тяжести, но мы готовы к любой работе, где не надо брать на руки больше, чем 14 килограммов, – свыше будет отражаться на наших пальцах, а значит, и на качестве нашей работы.

– Ну, коли так, – крикнул кто-то из собравшихся, – будете таскать нашим поварам воду, рубить дрова, завязывать мешки с углём. Устраивает вас это, морская интеллигенция?

Столовая вновь взорвалась смехом, здоровым, не злорадным.

На следующий день Фёдор Краев, его помощник по производству Семён Штырь и старший повар Семён Решетняк поездом выехали в посёлок, где была расположена шахта.

За окном вагона мелькал унылый зимний пейзаж: голые деревья, телеграфные столбы с сидящими на проводах воронами, величаво посматривающими вокруг. Иногда на просёлочных дорогах ползли санные возки, гружённые ворохом сена или сушняком. Унылая зимняя картина. Тревожные мысли, под стать ей, не покидали Краева всю поездку. Вспоминалось прошедшее собрание, где было решено, что каждый член команды, добывающий уголь, сохранит за собой три четверти гарантированной зарплаты да плюс ещё деньги, заработанные на рубке угля. Как всё сложится, выйдут

ли вовремя на промысел? От всех этих невесёлых мыслей раскалывалась у капитана голова.

Наконец прибыли на нужную станцию. Отсюда до шахты предстояло добираться по узкоколейке, которая была протянута до шахтерского посёлка четыре года назад. К грузовому составу была подцеплена пара миниатюрных пассажирских вагончиков. Вскоре поезд во главе с паровозиком-«кукушкой» отправился по назначению. Вагоны безбожно трясло, было в них холодно, так как они не отапливались. Да и кто будет этим заниматься, если ветка предназначена лишь для вывозки местных углей?

Два дня пробыли краболовы в посёлке. Решили необходимые вопросы с руководством шахты, с поселковой администрацией, подобрали помещения для проживания людей. Приехавшие были представлены специалистам, которые будут приставлены к краболовам на период их работы под землёй.

Вернувшись на судно, Краев окончательно утвердил список отъезжающих на шахту, затем послал туда поваров, уборщиц, были завезены необходимые продукты, посуда, постельные принадлежности. А через день-два на шахту прибыли и люди. Так начал работать «угольный отряд», в котором насчитывалось 105 человек. Руководителем отряда был назначен старпом Стародубцев. Прибыв на шахту, первым делом он посетил шахтную библиотеку, где взял несколько специальных книг по горному делу, и вечерами внимательно вникал в них, чтобы иметь хотя бы элементарное представление о технологии добычи чёрного камня, знать хотя бы азбучные истины шахтёрского труда.

Из них узнал Стародубцев, что первый пуд каменного угля был добыт в Приморской области в апреле 1860 года русскими военными моряками на берегу залива Посъет, основавшими там военный пост. В области уголь добывался как каменного, так и бурого типа. А 28 лет спустя из шахты, где он сейчас находился, первая партия угля была отправлена во Владивосток для нужд паровой шхуны «Алеут», а также для портовых мастерских. Вскоре кайло шахтёру заменил пневматический отбойный молоток, изобретённый в Германии в 1865 году, а с 1928 года на шахтах нашей страны начали применять эту немецкую новинку, очень облегчившую труд забойщиков.

Как-то после ужина поделился Стародубцев этими знаниями со своими людьми в столовой, слушали его люди с интересом, даже

повара высыпали в обеденный зал. Старпому посыпались вопросы, и он, как мог, отвечал им – рубщикам мяса, срывщикам панциря, сигнальщикам, фельдшерам, слесарям, механикам, штурманам. Из всех здесь собравшихся самой тяжёлой считалась работа срывщиков панциря. На этом технологическом цикле на крабоконсервном заводе были задействованы наиболее крепкие, физически выносливые люди. Естественно, это было делом мужчин.

Первые дни за новичками в забоях постоянно присматривал, где нужно, подсказывал штейгер – специалист по угледобыче, пожилой мужчина из обрусевших немцев. Кряжистый, широкоплечий, всегда в чистенькой спецовке. У многих новичков поначалу не получалось приноровиться к трясущемуся отбойному молотку. Он часто соскальзывал с угольного пласта под ноги, порой ощутимо ударяя по ним. Люди чертыхались, вновь с ожесточением врубались в пласт. Макс Пфейфер, штейгер, заметив подобное, подходил, брал молоток, высматривал в пласте еле заметную прожилку, упирался в неё наконечником молотка и, ловко орудуя по извилистой прожилке, аккуратно выкраивал из блестящего пласта приличные куски черного камня, которые ложились к его ногам.

Крепёжные работы в забоях вели шахтёры-профессионалы. Штреки постепенно день за днём удлинялись, уголь без задержки поступал «на гора», где его ссыпали в мешки, грузили на машины и гужевой транспорт, отвозили к вагонам узкоколейки. На железнодорожной станции их перегружали уже в обычные вагоны. На этой операции было задействовано несколько бригад краболовов. Перегруз из вагона в вагон изрядно выматывал людей, но альтернативы ему не было.

В один из вечеров в поселковом клубе состоялся вечер встречи тружеников моря с шахтёрами. Первые рассказали о своём труде, об особенностях добычи краба, ответили на вопросы жителей, вторые – поведали краболовам об истории закладки их шахты, о Гражданской войне, полыхавшей в здешних местах, в которой многие ветераны посёлка сражались в составе партизанских отрядов. Поведали гостям и о годах восстановления шахты после военной разрухи. С каждым годом их шахта наращивает добычу, но с прошлой осени забрали в армию много молодёжи, и потому сейчас не хватает на шахте рабочих рук. Вернутся парни после службы, шахта опять заработает стабильно.

Для бункеровки угля пришвартовался «Дальневосточник» к одному из причалов бухты Золотой Рог, к которому была подведена железнодорожная ветка. Судовой стрелой мешки поднимали на палубу, затем топливо ссыпалось в угольные ямы, а тара возвращалась на шахту.

Так шла неделя за неделей, объём добычи рос на глазах. Краев ежедневно осматривал угольные ямы, и тревога о предстоящей путине уже не так беспокоила капитана – на промысел вовремя должны выйти.

Забойщики с плавзавода работали уверенно, без срывов. Особенно выделялся Виталий Неелов, комсорг. На путине он рубил краба, а здесь, в забое, – уголь. Следом за комсоргом вплотную шёл боцман Тимофей Дубок. Бригада грузчиков едва успевала нагружать вагонетки чёрным камнем, добываемым этими двумя забойщиками.

Макс Пфейфер, остановившись как-то возле Неелова и любясь его работой, изрёк: «Рубишь уголёк хорошо, профессионально, может, бросишь своих крабов и останешься у нас, а?» На что Виталий, улыбаясь и блестя ослепительно белыми зубами, задорно ответил: «Можно, ежели и невеста у вас найдётся!» Пфейфер улыбнулся и дружески похлопал парня по плечу: «И невеста, и жильё будет!» «Надо подумать!» – выдохнул Неелов, с ожесточением вгрызаясь в пласт.

Как-то, выходя из лавки, где он отоварился папиросами, увидел Виталий у крыльца небольшого роста молодого парня с раскосыми глазами, приплюснутым носом, в самодельной обуви из каких-то звериных шкур.

- Ты кто? – обратился он к парню.
- Моя – малый народ, – с гордостью ответил незнакомец.
- Вижу, что небольшой, – улыбнулся Виталий. – Китаец?
- Моя удэге.
- Значит, малая народность твоя, так?
- Вот-вот, она.
- Но вы же в тайге живёте, в глухомани.
- Моя пришла в лавку за соль, спички, чай.
- Понятно, ну, бывай, друг.
- Давай, давай, – заулыбался в ответ сын тайги.

Вечером, за ужином, краболовы уплетали за обе щёки мясо дикого кабана. На вопрос, откуда оно, главный на кухне Анисим

Решетняк ответил: «Удэгейцы нам принесли, а взамен мы дали им ящик горбуши». Виталию поневоле вспомнилась утренняя встреча у лавки с молодым удэгейцем, его врезавшиеся в память слова: «Моя – малый народ».

В начале апреля, когда уже повсюду высыпала зелёная трава, на шахту приехал капитан Фёдор Краев. «Баста! – сказал он Стародубцеву, – сворачивай добычу, угля уже достаточно, потрудились вы отлично. Молодцы!»

На следующий день в столовой состоялся прощальный ужин. Были приглашены руководство шахты, представители поселковой администрации. Первый тост произнесли за хозяев – шахтёров, за их заботу о быте краболовов, второй – за успешное окончание заготовки топлива. На столах дымилась уха из рыбы, привезённой капитаном, прибывшим в посёлок на трестовской машине. Он попросил слово и, окинув взглядом накрытые столы, сказал:

– Товарищи! У вас на столе уха из рыбы, для вас пока новой. Называется она угольной, а выловлена в далёком Беринговом море. И впредь, когда мы будем варить из неё уху, мы поневоле будем вспоминать вас, дорогие товарищи, вашу заботу о наших людях, о том, как терпеливо помогали нам освоить вашу нелёгкую профессию. Я предлагаю этот тост за дружбу шахтёров с тружениками моря. За дружбу, друзья!

Долго в этот вечер светились окна столовой. Весь вечер играла гармонь, народ танцевал, пел песни, обменивался адресами. Люди по-настоящему потрудились, с удовольствием отдыхали теперь, и многим грустно было покидать этот уголок приморской земли. Впереди их ждало море, суровые будни. Но им было не привыкать к этому!

*P.S. А было это в Тавричанке.
29 декабря 2011 г.*

СТРЕЛОК ИВАН ЕЖОВ

Рассказ-быль

В один из ярко солнечных апрельских дней 1906 года комендант Владивостокской крепости генерал-майор Артамонов, проезжая в служебной коляске по Светланской, поневоле обратил внимание на вопиющий факт: несколько флотских нижних чинов брели, пошатываясь, по главной улице города. Завидев высокое начальство и опасаясь попасть за неприличествующий вид на гауптвахту, матросы мигом скрылись в ближайшей подворотне.

Приехав в свою канцелярию, Артамонов вызвал адъютанта и продиктовал ему приказ следующего содержания: «Видел сегодня днем на Светланской улице нижних чинов флота с коренными отступлениями от установленной формы одежды, а некоторые и просто бредут пьяными во всём безобразии такого состояния. Приказываю начальникам пояснить нижним чинам, что благопристойное поведение на улице и в общественных местах по отношению к прочему населению города и особенно к женщинам, служит лучшей рекомендацией нижнего чина».

В этот же день грозный приказ коменданта крепости был доставлен посыльными на корабли и в береговые части Владивостока. Господа начальники на построении подчинённых им нижних чинов зачитали данное послание, а когда велели разойтись, боцманы подходили к любителям Бахуса и, поднеся к их физиономиям внушительный кулак, злорадно произносили: «Ну, мудрёна мать, будя с тебя, ей-бо, увижу в непотребном виде – вся харя суриком покроется, чтобы у меня ни-ни. Понял?» А в береговых частях в этой роли выступали старшие унтер-офицеры, многие из которых сами были не прочь приложиться к бутылке.

В линейном батальоне Восточно-Сибирского полка нижних чинов также ознакомили с приказом генерал-майора. Среди выстроившихся стрелков был и рядовой Иван Ежов, среднего роста крепыш, которого данный приказ никак не касался. Стрелок был равнодушен к чарке. Иван был призван на службу из Курской губернии, где его родители крестьянствовали, ревностно почитали Бога и тягой к спиртному не страдали.

Иван впервые увидел железную дорогу, когда новобранцев привезли на станцию, погрузили в эшелон и поезд повёз его на далёкий Дальний Восток.

В вагоне распространялись разные страшилки о тех диких местах: и тигры-людоеды там, и какие-то хунхузы в лесах, и в море лучше не купаться – утащат на дно осьминоги, и так далее, и тому подобное. Многих это пугало: как-то сложится служба там?

Через полмесяца эшелон подошёл к Байкалу, на пароме переправились через озеро. По пути к Владивостоку количество новобранцев заметно редело: ими пополнялись расквартированные воинские поселения, состоявшие в основном из линейных батальонов Восточной Сибири. Нёс службу подобный батальон и во Владивостоке. Первые деревянные казармы из массивных лиственниц, заложенные ещё на заре становления города-крепости, постепенно сменили добротные одноэтажные здания из кирпича. В них и поселились новобранцы. Начались обычные гарнизонные будни: муштровка на плацу, походы на стрельбище.

Пока тигров и хунхузов никто из новичков не видел. А вот земляков последних – китайцев – встречали на каждом шагу. Солдаты обратили внимание на примечательный факт: в отличие от местного населения пьяных китайцев почти не встречали. «Глянь-ка ты, – обсуждали между собой этот факт стрелки, – ить вроде мужики, как мы вот, а почто чаркой брезгуют?» А один старослужащий стрелок ещё больше удивил молодых, сказав, что китайцы имеют ещё одну странность: у них нет обычая доить коров. Молоко они не употребляют. По учению это у них, какой-то их Конфуций сиё так повелел исполнять.

Вскоре молодёжь, наряду со старослужащими, стали назначать на охрану объектов батальонного хозяйства, разбросанного вдоль Золотого Рога. Кроме того, прибывающие морем грузы также охраняли стрелки. Часовых на посты назначал начальник караула старший унтер-офицер Семён Охлопкин, разводящим был унтер-офицер Тимофей Харьков.

Надо сказать, Семён Охлопкин был из категории «нерукопожатных» людей – у батальонных офицеров он не пользовался уважением, при встрече с ним ни один офицер не подавал ему руки. И было за что. До сих пор, хотя прошло уже с пяток лет, командование части не забыло случая, запятнавшего честь батальона.

Однажды, во время инвентаризации войскового имущества, обнаружилась пропажа трёхлинейной винтовки и нескольких сот патронов к ней. О ЧП доложили коменданту крепости Артамонову. Военный следователь быстро нашёл конец ниточки и распутал

данное ЧП. Однозначно следы привели к Семёну Охлопкину. Как последний ни изворачивался, его разжаловали до старшего унтер-офицера, высчитали стоимость боевого оружия. Деньгами виновника выручили родители. У Семёна Охлопкина отобрали ключи от оружейного помещения, а командиру батальона объявили выговор. Офицеры стали избегать общения со старшим унтер-офицером. Единственным, с кем он корешевал, был унтер-офицер Тимофей Харьков, с которым его сблизила страсть к выпивке.

Между тем жизнь Ивана Ежова постепенно вошла в обычную воинскую колею. Когда в бухте ошвартовался у причала транспорт «Уссури», стрелков стали посылать на судно в караул. Пока к разгрузке транспорта не приступали, за его грузом следовало присматривать круглосуточно, так как часть груза была особенной – спирт. На палубе, укрытой брезентом, стояли 40-ведёрные бочки, в каждом ведре по 100 чарок, а всего бочка вмещала 492 литра.

Слух о таком добре быстро распространился среди грузчиков и рабочих портовых мастерских. Командир батальона приказал Охлопкину выделять для охраны «Уссури» самых надёжных стрелков, в первую очередь тех, кто не питал чрезмерной страсти к выпивке. В число таких, естественно, попал и Иван Ежов. Заступив после ужина на пост, Ежов обошёл вокруг бочек, поправил скинутый местами ветром брезент.

Стемнело. Над головой высыпали яркие звёзды, стих ветер, не слышно обычного жужжания комаров. Тепло. В такой вечер думается о хорошем, о вечном. Временами тучи закрывали звёзды, и тогда Иван окидывал взглядом небесную высь, выискивая и пересчитывая звёздочки. Он с детства имел одну странность: когда ночью тучи заволакивали небо, Иван отыскивал семь звёзд – по числу жильцов в родительском доме. И пока не находил нужное число небесных светил, не успокаивался.

Вот и сегодня сквозь тучи проглядывали лишь пять звездочек. Иван упорно искал недостающие две. В такие моменты у него на душе кошки скребли: «Как там дома, все ли живы, не страшно ли какой беды с родными?» Но вот Иван отыскал недостающие две звездочки и перевёл дух: «Слава те Господи, все семь светят, стало быть, дома порядок, зряшно сумлеваюсь».

Ближе к полуночи на берегу раздался характерный говор подвыпивших людей. Иван чётко услышал: «Не-е у-унывай, брат,

счас того... д-добавим с-спир-т-тику». По трапу начали взбираться двое людей. Вглядевшись, Иван узнал своё непосредственное начальство: унтеров Охлопкина и Харькова. Вот они ступили на палубу, направляясь к часовому.

– Ну-у, Ежов, – начал начальник караула, – сыми ка нам э-эту тряпку во-он с твоей посудыны.

Охлопкин подошёл к указанной бочке и протянул руки, чтобы приподнять брезент. Но в темноте у пьяного сия операция никак не удавалась. Не удержав равновесия, старший унтер-офицер завалился на брезент.

– Ну, караульный, помочь н-надо. У нас горит усё у-унитри, п-поправиться ж-желаем...

– Отойдите, господа хорошие, не позволю. Казённое это, не ваше, – сурово выговорил Ежов.

– Ты чё, деревня? Нешто э-это т-твоё-то д-добро? – озлился Охлопкин.

– Знамо нет, – отвечивал Иван.

Охлопкин всё-таки отвернул край брезента, взялся было за пробку. Его напарник достал из кармана длинную и узенькую склянку, наподобие аптечных для разлива лекарств. К её горлышку была привязана тонкая бечева.

– Мы уж с эн-т-той бочки вчерась б-брали. Хошь, т-тебя угос-стим, – дыша в лицо Ивану перегаром, откровенничал старший унтер-офицер.

Тогда Ежов сделал шаг назад, направил винтовку на начальника караула. Тот не поверил в угрозу часового, взялся вытаскивать пробку. В следующую секунду Иван передёрнул затвор. Его кляцанье отрезвляюще подействовало на Охлопкина.

– Противу нас, т-твоих к-ко-мандиров, идёшь? Ну-у, Ежов, ты м-меня по-помнишь...

– С-семён, – встрял в разговор молчавший до сих пор Харьков. – Н-ну его к ляху. Он же чарки в свое м-мурло п-поганое не берет. Какой из е-ево с-солдат? К-курва он к-курская.

– Грех смеяться над служивым при исполнении, – не вытерпел Иван, услышав в свой адрес такое оскорбление.

– Эх, з-зряшно п-пришли. Семён, пошли отседова. Одна живём, а то э-этот т-трезвяк ещё п-пальнёт.

Матерясь, два унтера покинули судно. Утром они опять вернулись, чтобы сменить Ивана, но его насторожило то, что с ними

не было его сменщика. Ежов сразу понял их замысел: набрать без свидетелей спирту, а часовой подойдёт попозже.

– Ну, едрёна вошь, – начал Охлопкин осипшим от вчерашнего голосом, – топай в казарму, я тебя меняю.

– А чтой-то я не вижу сменщика, кому сдавать пост?

– Сдашь нам, – выходя из себя, прохрипел начальник караула.

Иван не двигался с места, размышляя, как ему быть. Наконец, как о твёрдо решённом, сказал:

– Покамест не будет сменщика, с парохода не уйду!

Как ему ни угрожал Охлопкин, Иван стоял на своём: без сменщика не уйду.

Ежов прямо заявил двум унтерам: ваше приказание не выполняю, так как считаю вас преступниками.

Уже вторую смену стоял на посту Ежов. Без еды и питья, под палящими лучами солнца. Стрелки, прослышав о таком происшествии, гурьбой повалили к причалу, где стоял «Уссури». Они пытались уговорить Ивана смениться, плюнуть на этого Охлопкина. Но стрелок Ежов был непреклонен: нет и нет, уйду, если только меня сменит высокое начальство, а не эти двое пьяниц.

Это нелицеприятное происшествие достигло ушей исполняющего дела коменданта крепости Владивосток генерал-майора Ирмана. Он был вынужден составить текст телеграммы с кратким изложением случившегося на имя Императорского Величества государя императора Николая Второго, испрашивая Высочайшего повеления стрелку Ежову смениться.

Когда вышеназванную телеграмму доставили на телеграф, его начальник не рискнул взять на себя ответственность посылать её в Санкт-Петербург, а позвонил военному цензору посоветоваться, как быть. Цензор, взяв в руки телеграмму и увидев реквизиты царя, невольно встал из-за стола и, стоя чуть ли не на вытяжку, пробежал её глазами. По мере её чтения его лоб покрывался словно дождевыми каплями, хотя в кабинете было прохладно. Прочитав, цензор вынул из кармана галифе платок величиной чуть ли не с полотенце и слегка дрожащей рукой вытер им лоб. «А не нагорит ли нам за это-с? Всё-таки, знаете, как говорится, сор из избы выносим-с. Да-с»...

Но генерал-майор Ирман рассудил вполне здраво: так как государь Верховный главнокомандующий, то ему и решать сей воинский конфликт. Одним словом, решили телеграмму послать.

Государь император, получив сию депешу, вызвал к себе своего генерал-адъютанта и показал ему телеграмму из Владивостока. Николай Второй тем временем уселся за письменный стол, быстро набросал текст ответной телеграммы и со словами «Алексей Мефодьевич, отправить это во Владивосток немедленно, этот стрелок уже почти сутки не выпускает из рук винтовки» передал написанное генерал-адъютанту.

Буквально на следующее утро, когда Ежов все ещё стоял на палубе транспорта «Уссури», из Санкт-Петербурга пришла телеграмма следующего содержания: «Стрелку Ежову смениться. Произвожу этого молодца в старшие унтер-офицеры. Николай». А командующий войсками на Дальнем Востоке его высокопревосходительство генерал от инфантерии Гродеков «жаловал Ивана Ежова серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди и 50 рублями». Все эти почести стоили Ежову непрерывного 28-часового стояния на посту на палубе «Уссури».

Через неделю, получив увольнительную, стрелок Иван Ежов при погонах старшего унтер-офицера и с медалью «За усердие» на груди шел по Светланской, ища глазами вывеску «Фотография». «Пошлю домой карточку, то-то мои обрадуются», – мечтал Иван, гордо поглядывая вокруг.

25 августа 2010 г.

БЕЗ СЛЕДА ЗА КОРМОЙ

Рассказ-быль

В открытый иллюминатор с палубы и причала в каюту доносились звуки предтоходной суеты. Обычная ситуация, привычная для слуха второго радиста Андрея Перова перед каждым выходом в рейс. Наконец с мостика прозвучала команда:

– Отдать шпринг!

– Отдать продольный!

Неутомимый буксирный катер метр за метром оттаскивал судно от причальной стенки.

Прошло несколько минут, и с мостика в мегафон раздалось привычное:

– Эй, на буксире! Спасибо за работу!

Судно медленно выходит из бухты, но прежде чем увеличить ход, борт покидает лоцман, ловко спрыгнув на свой юркий катерок. Транспорт «Бикин» покинул Золотой Рог и взял привычный курс в Охотское море за рыбопродукцией.

Погода отличная, после ужина многие моряки выбрались на палубу – в каютах душно, вентиляторы гоняют теплый влажный воздух, а здесь ход судна дает людям облегчение – встречный поток воздуха приятно освежает лицо и грудь.

...Андрей, выполняя задание начальника радиостанции Семисохова, поднялся на самый верх ходовой рубки устранить провисание антенного провода. Засунул в карманы ковбойки изоленту, пассатижи, отвёртку и, подойдя к ограждению самой верхней на судне площадки, подставил лицо встречному ветерку. Здесь, на высоте, он был особенно прохладен. Андрей расстегнул рубашку, от блаженства хлопнул себя по груди и, вскрикнув от резкой боли, боком упал на ограждение трапа, а в следующее мгновение – в воду.

Тёмная громада «Бикина» проплыла мимо него, и лишь светильники на его мачте ярко выделялись в ночи. Попытался закричать, но вместо слов из горла вперемешку с горьковатой водой вырвались нечленораздельные звуки...

Вода была тёплой. Немного придя в себя, Андрей не без труда сбросил с ног полуботинки, носки стягивать не стал – какая в них тяжесть... Выбросив пассатижи и изоленту, потянулся в карман рубашки за отвёрткой. Отвёртка... Вот отчего была резкая боль

в груди, когда ударил по ней ладонью. Надо же такому случиться, что в момент удара она вывернулась и своим остриём воткнулась в тело. Хоть в книгу Гиннеса вноси!

Хотел её выбросить, но передумал: всё-таки что-то вроде оружия, авось пригодится. Успокоившись, хотя какой уж тут покой, Андрей потихоньку поплыл по-морскому. Так меньше расходуются силы. «Несомненно, – думал радист, – на судне хватятся, когда подойдёт время моей вахты, облазив его, дадут РД во Владивосток».

Небесный свод был усеян звёздами. Андрей лёг на спину, раскинул руки. С детства плавал он хорошо, а в мореходке не пропускал ни одной спартакиады, имеет дюжину грамот за призовые места по прыжкам в воду, плаванье брассом и на спине.

Огни «Бикина» растаяли в ночи. И ни звука. В крошечной темноте лишь потревоженная человеком вода светилась фосфорическим блеском.

Иногда ног Андрея касалось что-то мягкое. «Водоросли», – думал он. Науке известны донные растения, имеющие более 500 метров в длину. Но, чувствуя их прикосновения, вспоминал и про разных морских тварей, которых своими глазами видел в тропиках.

Когда ходили в Новую Зеландию, довелось увидеть на одной из стоянок двухцветную пелагиду – разновидность морской змеи. А в Малайзии местные рыбаки у самого берега выловили плоского ската весом не менее 15 килограммов, с белым брюхом, бурой спиной, усеянной большими мраморными пятнами, с гладкой кожей и двумя плавниками. По словам малазийцев, он убивает рыб на расстоянии в несколько метров.

Андрей плыл, стараясь не думать обо всём этом. Устав, ложился на спину и так, чередуя движение и отдых, находился в море уже около шести часов. Во рту ощущался привкус мазута. Этот район Японского моря находился в зоне интенсивного судоходства, и рыбаки вели здесь промысел.

Очередной раз отдохнув на спине, Андрей собрался было плыть дальше, как внезапно заметил далёкие мерцающие огни судна. Устремился было к нему, но, поняв, что в такой темноте его не увидят, не решился быстро плыть к спасительным огням, расходуя силы.

А носителем мерцающих вдалеке огней был родной его «Бикин». Когда подошло время вахты второго радиста, его начальник Семисохов позвонил в каюту Перову. Трубку никто не брал.

Семисохов направился к Андрею. На стук в дверь никто не отозвался. Оказалась она незакрытой. В каюте никого, койка заправлена, подушка не примята.

Семисохов вернулся в радиорубку, вызвал Андрея по трансляции. Прошло 5, 10 минут, но Петров не появлялся. Что не на шутку уже начальника радиостанции встревожило. Вахта – дело святое!

Семисохов набрал номер капитана.

– Слушаю вас, – голос капитана был приглушённый, видимо, звонок застал его уже в постели. Семисохов доложил. Капитан тут же потребовал его к себе, вызвал первого помощника. Все трое направились в каюту второго радиста. Ничего необычного не обнаружили, хозяин даже не закрыл её на ключ, значит, вышел куда-то ненадолго.

Вскоре в каюте капитана собрался весь командный состав «Бикина».

Стали выяснять, кто последним видел Перова. Им оказался старший рефмеханик, пояснивший, что вечером второй радист попросил у него пассатижи и сказал, что пойдёт устранять провисание антенного провода. Осмотрев место, где работал Андрей, решили: скорее всего, радист каким-то образом свалился за борт.

Реакция капитана была мгновенной: разворот на 180 градусов, идти обратным курсом, строго его придерживаясь. Приказав включить все прожектора, он согласовал с первым помощником текст радиограммы в управление: «Примерно два часа назад по владивостокскому времени на судне пропал второй радист Перов. Предположение: упал за борт во время ремонтных работ на антенном хозяйстве. Начали поиски. Дали РД всем судам в данном районе. Капитан Комов, первый помощник Силин».

Для командного состава «Бикина» наступила бессонная ночь. Чайник с кипятком в капитанской каюте весь ушёл на кофе. Весть о ЧП быстро распространилась по всем каютам. Моряки запрудили палубу, словно предстояла авральная работа.

Между тем начало светать. Поискам благоприятствовало штилевое море. Вся боцманская команда стояла по периметру фальшборта, все бинокли розданы людям. Первые солнечные лучи, отражаясь в воде, слепили людей, но они упорно вглядывались в водную гладь, не обращая внимание на резь в глазах. Вышедший на палубу кондей позвал моряков на завтрак, но люди лишь досадливо отмахивались.

...Наглотавшись за ночь воды вперемешку с мазутом, Андрей желал сейчас одного: хотя бы пару глотков воды, настоящей воды, а не этого «коктейля» из соли и нефти. В горле першило, глаза тоже не миновала плавающая нефтяная плёнка. Их приходилось часто протирать вспухшими от воды ладонями.

Сейчас он опасался одного: большой волны, тогда на спине долго не отдохнёшь, придётся постоянно грести, расходовать на пределе уже находящиеся силы. В очередной раз поневоле глотнув воды, не столько солёной, сколько горькой, Андрей вспомнил попробованный на Фиджи напиток с мудрёным названием янгтона, такой же горьковатый на вкус. Как им потом объяснили, напиток делается из корней одного вида тихоокеанского перца, размолотого в порошок. Янгтона хорошо утоляет жажду, хотя по запаху напоминает мыло.

Небольшой набежавшей волной в лицо Андрею чуть не метнуло какой-то шарообразный предмет зеленовато-жёлтого цвета. Думал, кокосовый орех, но нет, не кокос. Сплюснутой формы шар напомнил Андрею другой экзотический плод джунглей Южной Америки – слоновый орех, также растущий на пальмах. Его он видел на одном из базарчиков на Соломоновых островах, куда заходили за зеленью и водой. Было это ещё во времена его курсантской практики. Чего только не доводится повидать морякам в своей скитальческой жизни!

А небольшая та волна была вызвана японской промысловой шхуной «Кобе-Мару». Её шкипер Икеда Исии, худощавый сорокалетний мужчина, был зол сегодня как никогда. И было отчего. Советские пограничники вынудили его спешно покинуть район отечественного промысла. Исии едва убрался, благо его шхуна имела два мотора. Тягаться с ним пограничники не могли.

Он спустился к себе в каюту, плеснул в кружку абсента – пыльной водки, выпил, закурил, включил приёмник. Из динамика полились плавные, мелодичные, успокаивающие звуки самисэна – национального японского трёхструнного инструмента, напоминающего русскую домру.

Внезапно в дверь постучали. Вошел помощник, сообщив неожиданную новость: в море человек, плывёт прямо к шхуне. Не выключая приёмника, шкипер с помощником поднялись на палубу. Представшее их взору ошаршило обоих. У пловца блестяли

только глаза, весь он был покрыт мазутом. Было видно, на воде человек держится из последних сил.

Японцы спустили лодку, помогли пловцу перевалиться в неё. Человек был в брюках, на ногах носки непонятного цвета, обуви не было. На черной от мазута руке блеснул браслет с часами.

Когда Андрея подняли на палубу, – а это был он – Исии автоматически произнёс:

– Конничива! (Здравствуйте, добрый день!)

И невольно смутился, сообразив, что в данной ситуации его слова, мягко говоря, не к месту. Судя по виду, спасённый был европейцем. Шкипер вопросительно уставился на Андрея.

– Дарэ дэс-ка? (Кто это?) – Затем, сомневаясь, спросил: – Росскэ? (Русский?)

– Да, русский я, – выдавил из себя Андрей, сплёвывая за борт. – За борт случайно упал. Несчастный случай, понимаешь? Меня ищут... – Андрей перевёл дух, и, держась обеими руками за борт, попросил: – Пить... дайте попить...

– Аната, но фуне-ва доко-кара? (Ваш корабль откуда?) – спросил шкипер.

– Не понимаю по-вашему. Я русский моряк, судно из Владивостока шло. Вот такое приключилось... Пить...

Исии что-то быстро сказал своим матросам. Они живехонько вынесли на палубу чайник с водой, кружку, затем принесли и поставили деревянный чан с тёплой водой, дали мыло. Помогли стянуть с Андрея скользкую от мазута одежду и, показывая на чан, затараторили:

– Мойсь... хоросо... мойсь.

Когда Андрей, кое-как смыв с себя всю эту гадость, присел возле чана, ему подали рубаху из хаки, чистые парусиновые штаны. Обрядившись во всё, так сказать, импортное, поблагодарил своих спасителей и попросил закурить. Тут же ему услужливо поднесли чуть ли не дюжину сигарет и столько же зажжённых зажигалок.

Выпитый абсент подействовал на шкипера успокаивающе, он расслабился, злость на русских пограничников почти прошла, и он повёл Андрея вниз, что-то вроде кают-компания, на ходу приговаривая: «Кусать... кусать... хочь?»

Андрей, с трудом отходя от пережитого, молча кивнул: можно и покушать, хотя ему не столько хотелось есть, сколько спать. Спать. Хоть пару часов.

Шкипер угостил Андрея полынной водкой, выпил, чокнувшись с ним, и сам. Расплываясь в улыбке, Икеда пригласил гостя к столу. Перед Андреем поставили миску собы – лапши из гречневой муки, бутылочку соевого соуса «кикомэн», банку пива, тарелку с жареной рыбой. «Кусай, кусай», – заботливо суетился вокруг шкипер. Из приёмника неслись успокаивающие звуки самисэна. Музыка была немного грустной, где-то даже печальной, словно ностальгия по чему-то хорошему, что не так часто сопутствует человеку в его нелёгкой жизни, а в жизни островных рыбаков – тем более.

После трапезы Андрея уложили на диванчик в каюте шкипера, и он тут же забылся тревожным сном, иногда что-то бормоча.

Пока гость спал, шкипер врубил оба двигателя и взял курс в район работы русской промысловой экспедиции. Ему следовало передать Ивана – так японцы, живущие на побережье, именуют русских – на первое же русское промысловое судно. А чтобы это выполнить, предстояло войти в наши территориальные воды.

Не прошла в них «Кобе-Мару» и пару миль, как повстречалась с тем же пограничным сторожевиком, который накануне испортил шкиперу настроение, выдворив его из наших вод. Но теперь встреча с ним не пугала шкипера.

Когда с пограничного корабля заметили нарушителя, старого своего знакомого, командир приказал идти на сближение со шхунной. И, о чудо! Она остановилась и поджидала корабль. Это было столь необычно в практике его командира, что в задумчивости поскрёб он в затылке, сдвинул пилотку на лоб и буркнул стоявшему рядом рулевому: «Что-то задумали рисоеды, с повинной, что ли, решили явиться?»

Приказав осмотровой группе быть наготове, командир вплотную подошёл к шхуне, застопорил машину.

Икеда Исии стоял на палубе с вежливой улыбкой на лице. Вины за собой он не чувствовал, поступил по закону морского братства – спас соотечественника стражей морской границы.

Когда его передачу оформили нашей стороне, Андрей глянул на свои часы. Их стрелки застыли в тот момент, когда он очутился в воде. Спросив, который час сейчас, радист не поверил услышанному: в воде он пробыл девять с лишним часов борьбы с морем за свою жизнь!

9 июля 2011 г.

КАПИТАН ГЛАЗКОВ ЗА ДЕРЖАВУ ПОСТОЯЛ

Былое

За два дня до отхода на промысел капитана китобойца «Звёздный» Антона Глазкова вызвал к себе начальник политотдела Дальневосточной китобойной флотилии «Алеут» Михаил Винник.

– Ты что надумал? Списал, понимаешь, Рансена... Что сам за пушку станешь?

Капитан объяснил. Пока стояли в ремонте, подготовили своего гарпунёра, Романа Зайцева, бывшего профессионального охотника, не один год промышлявшего в тайге зверя, а последние два года работавшего в зверобойной флотилии. Имеет положительные отзывы, навыки охоты на морского зверя. И вообще, начал было кипятиваться Глазков, сколько можно приглашать иностранцев, платить им такие деньги, да ещё в валюте. Вот они и решили этот промысел провести полностью своими силами. В виде эксперимента.

– Рассуждаешь ты, Глазков, логично, – признал Винник, – я бы сказал даже, патриотично, как настоящий коммунист.

Повертел в руках карандаш, бросил его на стол и, смотря в глаза Глазкову, предупредил:

– Если эксперимент твой не оправдается, отдашь партбилет со всеми вытекающими последствиями.

Так «подняла» настроение капитану Глазкову перед его выходом в море родная партия. Но делать нечего, решение принято, «добро» от начальства, хотя и со скрипом, получено. Глазков прекрасно понимал, на какой риск идет, отказавшись от услуг Рансена, у которого за плечами была служба в английской и норвежской китобойных компаниях.

Но сколько можно зависеть от чужеземцев, которые при найме диктуют свои условия, главное из которых – платить им по мировой шкале оплаты подобных специалистов.

В назначенный день «Звёздный» с группой китобойцев вышел в море. Флагман «Алеут» несколько ранее отправился на северо-восток Тихого океана, где китобоям предстояло добывать китов, постепенно смещаясь на юг, до побережья Мексики.

Шёл 1938 год. Дальневосточная китобойная флотилия вышла на промысел в седьмой раз. В конце октября 1932-го началась её трудовая биография. Первый морской исполин был

добыт ею у берегов Мексики. Тогда Антон Глазков был старпомом на другом судне, ныне уже списанном по своей дряхлости.

К концу недели китобойцы уже резали воды Тихого океана. «Звёздный» шёл в кильватер подобному себе «Авангарду». Судя по наползавшим с севера тёмным, тяжелым тучам, усиливавшемуся ветру и поднимаемой им волне, следовало ждать шторма. Глазков защелкнул под креслом цепь, убрал со стола графин с крепким чаем, поставив его в специальное деревянное гнездо возле иллюминатора. Волны нарастали, через открытый иллюминатор в каюту влетали брызги. Капитан закрыл его. Пора на обед – запахи из камбуза щекотали ноздри.

В столовой команды несмотря на качку собрались все свободные от вахт. Судя по тому, как люди орудовали ложками, вилками, отсутствием аппетита никто не страдал. Роман Зайцев за обе щеки уплетал рассольник, левой рукой от качки придерживая тарелку. На мокрых посудных полотенцах стояли чайники, рядом – кружки, стаканы – так они меньше катались по столу. Суп наливали в два приёма, многие держали тарелки на весу – так меньше выливалось их содержимое.

А некоторые, отложив ложку, пили первое, словно чай с блюдечка, а затем, поставив тарелку, доедали гущу ложками. Со вторым было легче – привычно пользовались вилками. Естественно, подобный приём пищи вызывал среди команды, особенно новичков, комментарии:

– Чёртов Нептун, и поесть толком не дает, – возмущался матрос-рулевой Андрей Грушев, недавно пришедший на китобоец после демобилизации из флота, и, посмотрев на гарпунёра Зайцева, добавил:

– Роман, было бы здорово, ежели бы ты загарпунил этого Нептуна да сдал бы его на разделку на флагман. Посмотреть бы: что у него там внутри, что он так долго живёт и портит морякам аппетит?

– Я завсегда готов, – ответил Зайцев, жуя котлету, – только есть у него свита – черти, их тоже побить, что ли? А что на флагман сдавать на разделку? Чертей? Какой с них навар? Ни мяса, ни жира... И плакал наш план...

– Если, братцы, Роман загарпунит Нептуна, я тут же эту сенсацию сообщу на весь мир: типа – всем... всем... всем... – подал свой голос радист Сергей Ерёменко и мечтательно добавил: – Эх,

и попадём мы тогда с вами в историю, станем знаменитыми, а Нептуна заспиртуем, будем разъезжать по всем странам, за деньги показывать его.

Смех покрыл последние слова радиста. Кто-то с иронией произнёс: «Эк, губу раскатал, фантазёр».

Ночью попали в циклон. Океан бурлил, временами шёл ливень. Вся эта устрашающая картина ночного океана ярко высвечивалась луной. Подобная ситуация была необычной. Как заметил капитан, в такую погоду полную луну можно увидеть очень редко.

Два с лишним десятка мужиков на китобойце месяцами находятся в океане. В часы отдыха – когда шторм, о нём и речи нет – команде предоставлен ограниченный выбор проведения досуга: домино, шашки, кто поинтеллектуальнее – шахматы, прихватившим с собой книги – чтение. Кинопредвижки тогда еще только-только входили в быт моряков. Иногда радист включал судовую трансляцию, ловил московское радио. Но в этих отдалённых широтах голос столицы услышать можно было редко и с таким качеством, что толком что-либо разобрать было проблемой.

Между тем «Звёздный», разрезая острой скулой водяные валы, упорно шёл в заданный для охоты район. Освещенный лунной выделялся белый куб ходового мостика с чёрной цифрой 48. Из высокой трубы не видно было дыма, как обычно бывает на «угольщиках». Китобой в высоких сапогах и непромокаемых робах с капюшонами сновали по своим делам по палубе, постоянно хватаясь руками за что-либо, прочно принайтованное к палубе. Она постоянно уходила из-под ног. Вода просачивалась сквозь плотно завинченные иллюминаторы. Порой ветер достигал 11 баллов по шкале Бофорта.

Ближе к утру радист получил РД: «Капитанам всех судов. Циклоны ураганной силы охватили значительную часть Мирового океана. На данный момент погиб ряд иностранных судов. Капитанам надлежит...» Антон Глазков пробежал глазами полосу бумаги с только что принятым радистом предупреждением, положил её на стол, взял из гнезда графин с чаем, налил больше полстакана. Ему предстояло быть на мостике до рассвета, разделяя с вахтенным помощником нелёгкие штормовые часы его вахты.

Истинный капитан в подобной ситуации своей кровати предпочитает мостик, деля ходовую вахту со своим помощником.

Порой такие ситуации могут длиться сутками. Капитан не то что не доверяет помощникам, просто такова их профессия: нависшую над судном угрозу контролировать, лицезреть своими глазами, пока она не отступит. Вахтенный же, видя рядом капитана, как говорится, из кожи лезет, чтобы доказать ему свою профессиональную подготовленность к действиям в экстремальной ситуации.

Но всему напряжённому, изматывающему людей, когда-то да приходит конец. Утром ветер стал стихать, тучи – рассеиваться. Из океана выплыл красный шар дневного светила, водяные валы стали меньше, интервалы между ними – длиннее. Глазков покинул мостик. Вместе с ним спустился в жилую палубу и вахтенный – его сменил очередной штурман.

Капитан зашёл в свою каюту, снял непромокаемую куртку, присел на кровать, сколоченную в виде глубокого ящика с высокими бортиками, – чтобы во время шторма не вывалиться. Глазков по привычке глянул на показатели приборов, висящих над койкой: компаса, барометра, креномера. Их показатели не вызывали тревоги. Глазков прилёг на койку: надо хотя бы пару часов вздремнуть. Сегодня должны войти в сектор, где его экипажу и предстоит вести охоту. Почти восемь месяцев вокруг будет только безбрежный океан. Это двести с лишним дней без твёрдой земли под ногами, без общения с семьёй. Нелегко, одолевают думы: как там, дома, здоровы ли, не стряслось ли чего? А тут ещё слова начальника политотдела: «Завалишь задание – отдашь партбилет...» С этой мыслью Глазков и заснул.

Капитан после бессонной ночи заснул, а команда в это время только просыпалась. Кок Илья Сенькин с помощником сервировал стол для завтрака, который протекал быстро – со сна люди мало были расположены к разговорам. На судне начинались обычные рабочие будни. Вахтенный и марсовый вглядывались в водную ширь, ища фонтаны, Зайцев занял свой пост у пушки.

В полдень увидели первого кита. Вёл он себя беспечно: то поворачивался на спину, блестя белым брюхом, то заныривал и выпускал гейзеры воды. Приблизились к нему на выстрел. Роман навёл пушку, затаив дыхание, убедился в возможности выстрела. Выстрел. Натянулся гарпунный канат, задымился, его бухта стремительно таяла. Попал! Но кит вывернулся, гарпун упал в воду, натяжение линия ослабло, он провис и погрузился в воду. «Ушёл!» – чертыхнулся Роман. «Ничего, – успокоил его капитан, – первый

блин комом, не горюй! И у опытного Рансена бывало такое, и не единожды».

Через некоторое время сбоку судна зафонтанировала ещё одна струя. Повернули к ней, подошли на выстрел. Чёрная спина кита рассекала волны. Выстрел. Визжат блоки, лить уходит на глубину за раненым животным. Вот оно снова на поверхности, пускает фонтаны. Постепенно кит слабеет. Наконец он подтянут к судну. Морской исполин дышит со свистящим хрипом. Вокруг окровавленная вода. Животное в смертельной агонии. Вахтенный делает в журнале запись «12 часов 15 мин. Смерть кита номер один».

Встречная зыбь обдавала Романа с ног до головы, при очередной набегавшей волне он отворачивал лицо. К флагману «Звёздный» подходил уже под вечер. Доставленное им животное на цепях подняли на палубу, и тут же тушу окружили матросы-раздельщики с длинными ножами. В процессе разделки они время от времени точили их брусками. Всё это Роман видел впервые. Их китобоец стоял, пришвартованный к «Алеуту». Кранцем служила туша мёртвого кита. В сильное волнение пришвартованные таким способом суда то ныряют, то вздымаются на гребне волны, делая из туши кашалота чуть ли не отбивную. Порой китов отрывало, и тогда, не мешкая, суда быстро разбегались.

Вечером, во время ужина, Глазков зашёл в столовую команды, поздравил экипаж с первой добычей. Пока люди опустошали свои тарелки, капитан налил себе чаю, сел в сторонке и поведал команде о специфике охоты в данном районе. По его словам, сюда заходят в основном хищные кашалоты. Они приплывают в мае из района Алеутских островов, чтобы в тёплых водах произвести на свет своё потомство. У кашалотов всего один детёныш. По рассказам старых, ещё с парусного флота, китобоев, кашалоты не раз падали на суда.

В конце этой своего рода справки Глазков сообщил ещё один интересный факт. До революции за каждого убитого кита гарпунёр получал по 600 целковых. Это были немалые деньги. С особым вниманием слушал капитана Зайцев. Он понимал, что в успешной охоте на китов многое, если не главное, зависит от него, а в итоге – заработок людей.

Гарпунная пушка – не ружьё, в руки при прицеливании не возьмешь, привычно мушку не наведешь. При подобной охоте в первую очередь следует полагаться на свою интуицию, зоркий

глаз, учитывать качку судна, делать соответствующую сноску при стрельбе. А для этого нужны опыт, практика, а она для Романа только-только начиналась. При росте выше среднего Роману приходилось приноравливаться к пушке, во время охоты долгое время находиться в положении вопросительного знака, что утомляло, и после охоты ещё какое-то время ныла спина.

Утром, когда «Звёздный» отходил от флагмана, Роман видел, как разделанные куски мяса и жира, распиленные кости животного на тросах подтягивались к горловинам, из которых, не переставая, поднимался пар. Работа на разделке не прекращалась и ночью.

С каждым днём океан менялся на глазах. Чем южнее опускался китобоец, тем неуклоннее приближалось солнце к зениту, усиливалась жара, дышать приходилось влажным воздухом, пот даже в тени стекал с людей струйками, все носили, кто на шее, кто на плечах, полотенце, постоянно им утираясь. Всё время хотелось пить. Кок стал готовить квас, предварительно высушивая хлеб. Команда оценила этот напиток – Илья Сенькин делал его профессионально, хоть разливай в бутылки и продавай.

Когда Зайцев «взял» первого кашалота, взглянуть на добычу из камбуза вылез и Сенькин. Это был его первый рейс на китобойце, и увиденное им животное так изумило его, что он какое-то время стоял с открытым ртом, словно собираясь что-то сказать, но никак не мог найти подходящих слов. Его круглое, словно арбуз, лицо выражало такое изумление, что боцман Гудков не выдержал и изрёк, поглаживая свои желтоватые от табака усы:

– Что, Илья, такую «рыбку» тебе ещё не доводилось разделять?

– Да, одному человеку придётся, пожалуй, до самой пенсии его потрошить. Столько мяса... Эхма, чего только не водится в море-окияне, надо же... – отвечал боцману Илья.

– Вот тебе и «эхма», – продолжал боцман, – когда притащим эту тушу к флагману, попросим у раздельщиков отрезать от неё шмат мяса для отбивных. Попробуешь. Мы-то каждый год китятину лопаем, прямо говядина, да и только. Никакого рыбьего запаха.

Неделя шла за неделей, месяц за месяцем. Рос счёт добытых животных, росло мастерство Зайцева, а вместе с тем – и уважение капитана и команды к своему гарпунеру. Часто, перед наступлением темноты, «Звёздный» начинал собирать «оборвышей» – убитых китов. Загарпунив животное, его цепляют тросами за хвост, но во

время сильного волнения хвосты порой отрываются, китов уносит. Их приходится искать уже в темноте, зацеплять аварийным стропом. Архисложная это операция!

Работавшие по соседству иностранные китобойи в шторм охоту прекращали, но «Звёздный» продолжал поиски. Естественно, в высокобалльный шторм Глазков также прекращал работу. Порой волны швыряли на палубу рыбу. Вода, шипя, скатывалась обратно в океан. Навстречу ей шёл другой вал, два потока сталкивались, образуя влажную пыль. Кок в такие моменты метался по палубе, собирая бьющуюся рыбу, в основном летучую. Затем жарил её и торжественно водружал на стол. На вкус она была суховатой, хотя масла на неё кок не жалел. Команда пробовала её, говоря при этом: «Есть можно, но только не каждый день, всё-таки наша селедочка куда вкусней...»

Наконец настал день, когда вахтенный записал в журнал: «17 часов 10 мин. Смерть кита номер 43». Стоявший рядом Глазков из-за своего небольшого роста вынужден был поневоле приподниматься на носки, чтобы через плечо сделавшего запись вахтенного с удовольствием прочесть написанное. Капитан был удовлетворён: принятое им решение о замене гарпунёра-чужеземца на своего оправдалось полностью: у Дальневосточной китобойной флотилии появился свой, можно смело сказать, профессиональный гарпунёр, мало в чем уступающий иностранному специалисту. Из 43 добытых китов десять составляли кашалоты.

Когда солнце уже спускалось в океан, «Звёздный» подходил к флагману, буксируя десятого. Остро пахло кипящим жиром, вытаскиваемым из морских животных. Но сегодня этот запах не так уж и раздражал ноздри капитана. Сознание своей правоты преобладало над всем остальным.

...Когда флотилия вернулась во Владивосток, на «Звёздный» прибыл Михаил Винник. Перед выстроившейся на палубе командой китобойца он зачитал правительственную телеграмму: «Поздравляю экипаж китобойного судна «Звёздный» с успешным завершением рейса. Впервые в истории советского китобойного промысла вся работа велась силами только наших специалистов, без какого-либо участия иностранных. Особую благодарность объявляю капитану Глазкову Антону и гарпунёру Зайцеву Роману. Нарком пищевой промышленности СССР Микоян».

25 ноября 2010 г.

ФАНЕРИСТ

Рассказ-быль

1945 год. Июнь. Из Германии на восток один за другим идут воинские эшелоны. Победители возвращаются домой. На узловых станциях, где поезда тормозили, служивые выпрыгивали из теплушек и бросались на штурм стихийных базарчиков у путей. Улыбающиеся старушки, поздравляя их с Победой, привечали: «Берите, соколики, кушайте, пробуйте домашенького».

Но шли и другие эшелоны. На станциях из них выглядывали хмурые, измождённые лица. На одних солдатах были гимнастёрки без погон, другие одеты во что попало. Этих пассажиров из теплушек не выпускали. Солдаты с автоматами подносили к вагонам бачки с едой, затем задвигали двери, рядом вставал часовой. Это везли тех, кто был освобождён нашими или союзными войсками из немецких концлагерей.

Среди этого контингента был и Алексей Мажаров, лётчик-испытатель, сбитый в Восточной Пруссии год назад. Выбросился из своего Ла-5 на парашюте и, приземляясь, подвернул ногу, не успев добраться до леса недалеко, как его окружили. Так он оказался в концлагере «Оствальд».

На следующий день пленных построили на плацу. Переводчик, выслушав офицера, объяснил:

– Вы будете устранять последствия вашего Второго фронта. Чем больше ваши союзники будут бомбить территорию рейха, тем больше у вас будет работы.

Пленных стали гонять на засыпку воронок на дорогах. Тачками они возили землю с близлежащих полей, засыпали и утрамбовывали ямы. После очередной бомбёжки всё повторялось.

За короткое время Мажаров сбросил в весе настолько, что брючный ремень опоясывал его чуть ли не вдвое. Вскоре их лагерь эвакуировали в глубь Германии – приближалась линия фронта. Не раз возникала мысль о побеге, но во время работы на дорогах Алексей видел разъезжающие на мотоциклах патрули, пеших ополченцев, проверяющих у прохожих документы. Побег бессмыслен, тем более что концлагерь в глубине рейха. Так прошли эти мучительные месяцы неволи.

Однажды на рассвете в лагере началась суета, заурчали моторы грузовиков, солдаты начали загружать их металлическими ящиками. В считанные минуты колонна во главе с легковушкой начальника лагеря выехала через настежь распахнутые ворота, а вскоре возле них остановился американский танк.

Через несколько дней в лагере начала работать советская комиссия, пропускавшая всех узников через своё «сито».

Только с приходом американцев пленные узнали о конце войны. Радости не было предела! Но была она преждевременной, у ворот выставили советскую охрану, никого не выпускали, а вскоре объявили об отправке их на родину. В считанные часы узников погрузили в эшелон, прицепили к нему пару пассажирских вагонов с охраной, и паровоз потянул состав на восток.

Вместо Москвы, как предполагали бывшие уже военнопленные, эшелон прибыл во Владимир. Поселили их в бараках бывшего лагеря заключённых, за ворота никого не выпускали. Охрана была усиленная, люди недоумевали: почему их держат как заключённых? В один из дней исчез сосед Мажарова по нарам, на следующий день опустел сразу десяток нар. Пошли слухи, что все, кто длительное время находился в плену, получают сроки по статье, предусматривающей наказание за измену родине.

Алексей получил червонец и был этапирован на южный Урал. Зона была большой, работали заключённые на возведении промышленных объектов и жилья. Его определили в бригаду плотников, на «студебекерах» каждый день возили на строительство высотного дома. Коробка его уже была возведена, начинались работы плотников и отделочников.

Бригада Алексея приступила к установке чердачных стропил, а следом наступали на пятки кровельщики. Работали днём и ночью. Поговаривали, что дом этот восьмизэтажный для семей сотрудников МВД, – стало ясно, почему такая спешка.

Соседом Алексея по нарам был Степан Мороз, бывший старшина-танкист, тоже получивший 10 лет.

Какое-то время Алексей присматривался к нему, хотел убедиться, стоит ли с ним откровенничать. Вскоре убедился: мужик – что надо, можно ему довериться.

Как-то в зоне к Алексею подошёл опер старший лейтенант Шлихт. Оценивающе окинул взглядом фигуру Мажарова и сказал с усмешкой:

– Да, не очень-то вас кормили фрицы. Или вы такой худой от усердной работы на них?

Алексей стоял перед офицером опустив глаза, не найдясь сразу, что ему ответить. «Н-да», – проворчал опер и пошёл дальше. В другом месте Алексей звезданул бы его по физиономии, но пришлось стерпеть. Каждый день ему резало слух «Да, гражданин начальник», «Слушаюсь, гражданин начальник», «Будет сделано, гражданин начальник». Такого раболепства не видел он даже в немецком концлагере.

К бригадиру Глебу Соркину Алексей относился настороженно. Бугор сидел по уголовной статье, изъяснялся с бригадниками на уголовном жаргоне, через слово сыпал матом. Это был натуральный урка. С таким никакой откровенности быть не может. Под стать Соркину был и дневальный их барака Семён Рахлин, которого неоднократно замечали беседующим со Шлихтом. «Ясно, – решил Алексей, – ещё одна уголовная гнида».

Как-то после работы обратил он внимание на свои нары и понял, что кто-то в его отсутствие наводил шмон: большая часть содержимого мешка, набитого сухими листьями и травой и заменившего ему подушку, сбилась в одну сторону. Подозрение пало на Рахлина: днём в бараке находился только он.

Возведение стропил подходило к концу. Крыша уже наполовину блестела на солнце новенькими кровельными листами. Как-то, поднимаясь к себе наверх, Мажаров обратил внимание на большие листы фанеры, шедшей на отделку ниш в квартирах. Приподнял один, взвесил. Лёгкая. Перед сном Алексей попросил у Степана огрызок химического карандаша и на обрывке газеты стал что-то чертить, чуть слышно бормоча. «Что ты там бормочешь? – поинтересовался Степан, – письмо, что ль, домой?» «Да так, – ответил Алексей, – прикидываю кое-что на будущее». «Какое там будущее...» – вздохнул Степан, и, повернувшись к стене, затих, погружаясь в сон.

Днём, во время перекура, Алексей неторопливо прошёлся по крыше, остановился у карниза. Внимательно осмотрел территорию внизу за колючкой. Сразу за оградой начинался пустырь, куда бульдозеры сгребали землю. Стоя на крыше, невольно вспомнил эпизод из учебных будней летнего училища.

Как-то во время полета У-2, когда сзади сидел инструктор, Алексей чем-то отвлёкся и слишком низко вывел самолёт из угла

планирования. Инструктор моментально отобрал у него управление. На земле он отчитал курсанта: мол, такие ошибки недопустимы, будете определять высоту на крыше ангара в полной полетной амуниции. И Алексей, обливаясь потом – был жаркий день, – больше часа простоял на крыше, с семиметровой высоты глядя на круг, начерченный известью на летном поле.

В этот день, спускаясь после работы вниз, опять бросил взгляд на фанеру. Её стопка заметно уменьшилась. После ужина Алексей придвинулся поближе к нарам Степана и чуть слышно прошептал:

– Слушай, Стёпа, – Мажаров приблизил лицо вплотную к соседу и, покосившись по сторонам, продолжил: – Надумал слинять отсюда. Всё обмозговал. Как ты смотришь на это?

И коротко, едва слышно, посвятил соседа в свой план. Степан послушал, покачал головой:

– На фанере улететь? Ты соображаешь, что несёшь? Рассчитал он. Где это видано – таким макарком ударяться в бега! А если повиснешь на заборе? Да тебя тут же пристрелят...

Алексей помолчал и сказал как отрезал:

– Не отговаривай, Стёпа. На днях нас переводят на другой объект. Как будет там, не ведаю, а сейчас есть хоть какой-то шанс. Год провалялся на нарах у немцев, а теперь десять у своих?

Матюгнулся и откинулся на лежанку. Сейчас у него было состояние, которое он испытал, когда в их полк поступили с завода новенькие самолёты. Всем достались машины трехбачные, маневренные, а ему – пятибачный Ла-5, потяжелее, но с большим запасом горючего. Видя недовольное лицо Мажарова, комэска успокоил его: «Ничего, Лёха, не переживай, дольше всех будешь в воздухе».

С новой недели Алексей с бригадой начал работать в ночную смену. Вечером, собираясь на построение перед отправкой на объект, Алексей шепнул Степану:

– Нынче ухожу. Если есть у тебя деньги, дай хоть сколько...

Кто имел какие-то деньги, носил их с собой. Дневальный Рахлин постоянно шарил по нарам. У людей пропадали то лезвия, то жалкие суммы наличности. Степан отдал Алексею всё, что имел. В знак благодарности Алексей молча сжал его локоть.

Глубокой ночью, когда устроили очередной перекур и люди разбрелись кто куда, Алексей с помощью Степана вытащил на крышу пару листов фанеры, которую с трудом, согнув, удалось

протолкнуть в слуховое окно, попросил напарника под любым предлогом задержать бригадников у чердачного люка хоть на несколько минут. Скрепив два листа фанеры заранее подготовленной рейкой и вдев в подготовленные отверстия верёвку, он накрепко связал её концы. Туго натянул её, просунул ладони в получившиеся петельки. Слабины нет, вес тела не должен её вытянуть.

Мысленно Алексей десятки раз – на практике проверить нечего было и думать – репетировал свою задумку. Пару десятков метров до колючки должен преодолеть его допотопный летательный аппарат. Главной помехой может быть ветер, но сегодня тишь. «Да, не благодать», – усмехнулся Алексей про себя. Мажаров не был наивным. Охранники на вышке не зря ели свой хлеб, их автоматы всегда готовы выплюнуть смертельным свинцом. Риск? Да, его Алексей не исключал. Но другого пути разом оборвать такое существование он не видел. Из зоны не уйдёшь, даже в самых фантастических мечтаниях никто из сидельцев не мог такого представить.

Чтобы не греметь башмаками по железу, Алексей снял их, затолкал за пазуху. Пора! Крыша была не слишком покатой. Приподнял фанеру, крепко зажал ладонями верёвочные петли, разбежался и что есть силы оттолкнулся от края карниза. Как только ноги лишились опоры, как можно плотнее прижал колени к груди, весь подался вперёд. Сверху Алексей видел огни у проходной. Из ворот выезжала грузовая машина с прицепом, дребезжавшим на неровностях дороги. Всё внимание охраны было грузовику.

Всё это Мажаров видел мельком, главное для него было впереди – забор, высокий, с колючкой поверху. Но вот и он позади, и через какие-то пару секунд Алексей ударился коленями о землю, лицо коснулось росистой травы. Освободив руки от петель, достал башмаки, лихорадочно натянул их и, не мешкая, бросился к лесу. Незавязанные шнурки хлестали по ногам, наступал на них, падал, но остановиться не мог. Главным для Алексея было время, которое сейчас пока работало на него. Чем дальше уйдёт – тем спасительнее.

Вот он раздвигает бьющие по лицу и в грудь кусты. Темень непроглядная, небо звёздное, но луны нет. Да сегодня она и не нужна ему. Шёл торопливо, падал в овраги, больно ударялся, но упорно стремился в глубь леса. Понимал: как только его хватят, подымут на ноги всё, а главное – пустят собаку. Сейчас этот друг человека был для Мажарова самым главным врагом. От этих

откормленных ищек уйти нелегко, зачастую невозможно. Надо скорее найти хотя бы ручей, пройти по нему сколько можно.

Уже с час Мажаров был в бегах. Выйдя на полянку, где было сравнительно светло, он скинул куртку с пришитым к ней номером, остался в рубашке. Достал из кармана припасённую кепку, завязал, наконец, проклятые шнурки. Идти стало легче. Вскоре матово заблестела неширокая речка. Пошёл по воде.

Начало светать. Алексей вышел на трассу. Заметив автобусную остановку, направился было к ней, но передумал: не стоит рисковать, слишком недалеко ушёл. Скорее всего, уже оповестили милицию. Свернул на лесную дорогу, решил добираться до железнодорожной станции.

Когда из-за облаков брызнули солнечные лучи, Алексей сидел в вагоне пригородного поезда и под стук колёс прокручивал перед мысленным взором все эпизоды минувшей ночи. Лётчик-истребитель, путь в авиацию начинавший с аэроклубовских планеров, добился он свободы при помощи своей профессии. Только как ему назвать свой летательный аппарат? Нет ему аналогов в технике. Разве что фанеролёт? «Фанерист!» – усмехнулся про себя Алексей.

Он старался не думать о дальнейшей судьбе. Что его ожидает при поимке, он знал: добавят срок, запрут куда-нибудь на Колыму. Как особо опасного. Сейчас важнее повидать мать с отцом, пусть убедятся старики, что война его пощадила, даровав ему жизнь. А что дальше? Будь что будет!

И под занавес этой неординарной истории. В те годы на масштабных совещаниях сотрудников пенитенциарной системы в качестве примера нередко приводили этот уникальный побег из мест заключения. Чины с большими звёздами на погонах покачивали седыми головами: выдумку бы и энергию таких сидельцев – да на приближение нашего светлого будущего...

Увы, оно так и не засветлело.

5 мая 2011 г.

ЩЕДРЫЙ ОСТРОВ

Рассказ-быль

Этот остров у западного побережья Камчатки по конфигурации напоминал собой казацкую папаху с традиционной кисточкой на макушке. Из разбросанных вдоль побережья полуострова островов Тюлений – так он именовался на морских картах – был необычным клочком суши в море. В тридцатые годы прошлого столетия он служил всеобщим материальным складом для наших краболовов. Промысловики этого деликатеса оставляли на острове до надобности лишний керосин, машинное масло, уголь и всякий другой судовой запас, который по приходу судна на промысел мешал краболовам, так как хранился в основном на палубе. А так как промысел краба велся в районе острова Тюлений, то экипажи краболовов очищали палубы от запасов, отвозя все это на остров при помощи мотоботов, в том числе и уголь, хранившийся в мешках.

В начале тридцатых годов на Тюленьем там и сям возле складированного судового имущества были вбиты в землю столбики с надписями, типа «Уголь краболова «Уссурийский», 20 тонн». Когда же приходили забирать свое добро, нашли записку: «Взял 5 тонн, пароход «Забайкалье», стармех такой-то». После окончания путины суда встречались во Владивостоке, и экипажи рассчитывались. И, надо сказать, не было случая, чтобы кто-то отказался от возвращения долга. Таков был непреложный закон острова Тюленьего.

Берега острова были завалены плавником, там и сям он покрыт хоть и небогатой, но радующей глаз растительностью. Здесь росли алые, фиолетовые и голубые цветы. Правда, если иной раз краболовы собирали на острове букеты и приносили их в свои каюты, цветы моментально портились и увядали. Зато на острове росла брусника, ничем не уступающая по качеству материковой, радовала глаз растущая повсюду черемша, очень помогавшая при цинге.

Изредка к Тюленьему подходили мотоботы, матросы загружали их необходимым снабжением, и плавсредства отчаливали к своим судам, маячившим неподалеку.

Но однажды к острову причалила неуклюжая низкобортная посудина – байдарка. Ее остов был обтянут кожей моржа. Нос байдарки ткнулся в гальку, гребец бросил в нее похожее на лопату весло, легко выпрыгнул на берег. Это был человек среднего роста. Его лицо с почти орлиным профилем было бронзового цвета, глаза –

слегка узкие, присущие северным народностям. Одет мужчина был в парку – что-то вроде удлиненной куртки – из тюленьей кожи мехом внутрь, на ногах – что-то наподобие меховых сапог.

Человек осмотрелся. Судя по всему, он был на этом острове впервые. Внимание незнакомца привлекли груды грузов, складированных на берегу. Человек направился к ним. Из всего, что лежало на берегу, его внимание привлекли бидоны с керосином. Незнакомец привычно отвинтил крышку одного из них. Острый знакомый запах горючего ударил ему в ноздри. Видно было, что керосин аборигену был хорошо знаком. Что-то вроде улыбки возникло на его лице. Человек водрузил крышку на место. Затем он не торопясь обошел соседние штабеля. По его равнодушному лицу было видно, что они его, в отличие от керосина, нисколько не заинтересовали. Человек некоторое время постоял в раздумье, затем решительно направился к байдарке.

Путь на материк занял у байдарочника менее получаса. Всю дорогу его сопровождали крикливые до неприличия отъевшиеся чайки, благо рыбы вокруг было несметно.

Вытащив байдарку на берег, набросив на сук массивного плавникового дерева тонкий ремешок из твердой кожи тюленья-лахтака с петлей на конце, человек направился к стоявшей в окружении деревьев юрте.

Заслышав шаги по галечной отмели, из жилища выглянула женщина.

– Ваттувий! – обратилась она к подходившему мужчине. – Нету сала ни моржа, ни тюленя, жирник (заменяет свечу) наполнить нечем. Думай.

Ваттувий, муж недовольной женщины, промолчал. Он знал об этом еще утром: собираясь посетить остров Тюлений, заметил пустой туесок из липы, в котором хранился жир для жирника. «Однако, надо тюленя бить», – решил он. Но тут взгляд его упал на полку, на которой, блестя пузатым стеклянным колпаком, стояла керосиновая лампа «летучая мышь». Когда-то, еще живя в верховьях реки Кончана (ныне река Камчатка), Ваттувий выменял ее в американской фактории на две шкурки песца, а за медвежью ему дали жестяную емкость с керосином и целую упаковку американского волокнистого табака. Ительмены (коренные камчадалы) предпочитали его обычному листовому табаку.

Но наступило время, когда табачный мешочек Ваттувия опустел, а шкурок песца не было и в факторию ехать было не с чем. Тогда Ваттувий ковырял трубочную накипь, мешал ее с мелко нарезанным деревом и курил эту горькую тошнотную начинку своей трубки. Но вскоре наступили еще более тяжелые времена. В 1932 году советская власть выдворила со своей территории все иностранные фактории. Ительменам, чукчам, корякам негде стало выменивать свой меховой товар. Русские фактории еще только начали создаваться. Правда, иногда их посещали странствующие по побережью торговцы-кавралины, но вскоре и их шхунам пограничники перекрыли доступ к российским берегам. Пришлось многим семьям малых народностей откочевывать поближе к местам, где можно было менять свой охотничий товар на необходимые им вещи: чай, табак, соль, муку, а у кого были ружья – на боеприпасы.

Ваттувий с женой – детей им бог не дал – по главной артерии полуострова, реке Камчатке, сплавился к ее устью и осели на западном побережье материка. В лесу было много зверья, в море – рыбы, берег сплошь завален плавником – топливом для очага.

Так, год за годом протекала их бездетная жизнь. Но сегодня день выдался несколько необычным: Ваттувий намеревался сплавить на остров и налить в жестяную емкость из-под американских галет обнаруженный на острове керосин. Это было гораздо проще для него, чем идти искать тюленей. Конечно, на них он пойдет, но позже.

А сегодня вечером они с Тэнгэт будут ужинать при ярком свете «летучей мыши», заправленной керосином, которого он не видел уже несколько лет.

Вскоре Ваттувий был на Тюленьем. Консервная банка, заменяющая черпак, свободно проходила в горловину бидона. Довольно быстро Ваттувий наполнил свою объемистую жестяную тару остро пахнущей жидкостью. Закрыв приспособленную для нее плотную крышку, Ваттувий вернулся к байдарке.

Вечером, ужиная при ярком свете лампы, Ваттувий озабоченно сказал Тэнгэт:

– Однако, надо чего-то отнести хозяину керосина, иначе это нехорошо, воровство. Хозяин озлится.

Жена согласно кивнула мужу: да, однако, чего-то дать ему нужно.

В конце зимы они при помощи чэруна – небольшого железного крюка на ротовище (шесте) – наловили много корюшки-зубатки, ловко выхватывая ее из воды. Всю рыбу засушили. Часть ее и решили отвезти на остров хозяину керосина. На следующий день Ваттувий, уложив приличное количество корюшки в мешок из тюленьей шкуры и прихватив топор, вновь отплыл на остров. Вскоре Ваттувий уже обтесывал выброшенное штормом на берег деревцо. Затем обухом топора он туго вбил оструганный кол в землю, привязал мешок с сушеной рыбой повыше от земли: так надежней, никакие зверьки не доберутся до поклажи. Рыбу он оставил рядом с бидонами.

Обходя остров, Ваттувий обратил внимание на его растительность. Кроме брусники, здесь на низкорослых кустах росла желтая водянистая рябина, горный шиповник с розовыми лепестками, источавшими приятный запах, и в некотором отдалении друг от друга красовались лиственницы в окружении жирного мясистого кипрея. Это дерево достигает своей зрелости в 300 лет. Все деревья были низкорослыми, с искривленными стволами – из-за постоянно дующих здесь свирепых ветров.

В последующие дни Ваттувий ежедневно посещал Тюлений. Он насобирал полный туесок брусники, поставил его рядом с шестом с рыбой, обложил сверху плавником, чтобы уберечь ягоду от птиц. В последующие дни Ваттувий нарубил из плавника дров, сложил их рядом с рыбой и ягодой в поленницу. Все это, считал он, будет его платой за взятый без спроса керосин.

В конце недели на остров прибыли два мотобота одного из краболовов, чтобы взять кое-что из своего добра. Когда матросы приблизились к своему грузу, они увидели шест с висящим на нем мешком, поленницу дров, обложенный плавником туесок. В мешке лежала сушеная корюшка, в туеске сверкала на солнце брусника в собственном соку. Люди удивленно переглянулись друг с другом: кто для них приготовил все это, ведь остров необитаем?

Загрузившись необходимым снабжением, матросы прихватили с собой и рыбу с ягодой. Кто-то из них предложил взять и

дрова для растопки плиты на камбузе, которая топилась углем, но большинство были против: мол, мотоботы и так перегружены, заберем в следующий раз.

Прибыв на судно, матросы поведали капитану о предназначенной для них рыбе, ягоде, заготовленных дровах. Капитан-управляющий (приставка директор появилась позже) был заинтригован этим сообщением и приказал вахтенным почаще направлять свой бинокль на загадочный остров.

Когда в следующий раз вновь посетили остров, на прежнем месте вновь обнаружили подвешенный мешок с рыбой. В нем вместе с корюшкой лежала и вяленая кета, рядом снова стоял обложенный плавником туесок с брусникой, а поленница дров увеличилась. Чудеса да и только.

Как-то днем старпом обшаривал биноклем ведущие лов мотоботы, и в поле его зрения попал остров Тюлений. На нем находился какой-то человек. Увеличив резкость, старпом увидел, как человек приблизился к их грузу. В это время у борта краболова готовился отчалить на лов очередной мотобот. Старпом высунулся из ходовой рубки и крикнул старшине, чтобы они подождали его. Он быстро спустился по трапу, и мотобот отвалил от судна, держа курс на остров.

Ваттувий – а это был он – заметил подходящую к острову большую лодку с мотором. Поначалу он хотел было убежать, но, здраво рассудив, понял, что не успеет. Тогда он присел на лежавшее на берегу дерево и стал дожидаться идущих к нему людей.

Первым подошел старпом.

– Кто такой? – запыхавшись от быстрой ходьбы, обратился он к Ваттувию.

– Моя ительмен. Живу тама, – показывая рукой на берег материка, ответил сидящий на дереве человек.

– Это вы доставили нам сюда рыбу, ягоду, наготовили дров?

– Моя, однако.

– Что вас заставило это делать?

– Моя бери сколько-сколько кьеросин ваша, а вам мой плата за то...

– Зачем вам керосин, ведь вы освещаете свои жилища жиром морских зверей?

– Моя есть лампа, ей нада кьеросин.
 – Понятно. Много вас тут живет?
 – Моя один, женка один. Все.
 – Ну, спасибо вам за вашу рыбу, ягоду, дрова. Рыба вкусная, к ней бы еще, понимаешь, пивка бы... А с брусникой чай пьем. Ну а дровишки ваши пойдут на растопку камбузной плиты. Так что все нам пришлось к месту.

Старпом замолчал. Он и матросы с интересом разглядывали этого аборигена, его одежду из звериных шкур. Последний с улыбкой посматривал на столпившихся вокруг краболовов.

– Курите? – достав из кармана портсигар, поинтересовался старпом.

– Однако, куру, – с готовностью подтвердил Ваттувий, беря из рук моряка папиросу. Оба закурили. Ваттувий закашлялся, он курил трубку и к папиросам был непривычен.

– За вашу заботу о нас, – нарушил молчание старпом, – мы завтра в это же время привезем вам в благодарность кое-чего из необходимого вам. Ждите нас завтра здесь же. Хорошо?

– Понимай, да, хорош.

– Кстати, как вас зовут?

– Ваттувий моя звать.

– Ну, хорошо, Ваттувий, до завтра!

Погрузив в мотобот заготовленные дрова, краболовы отчалили. Ваттувий долго провожал взглядом суденышко тружеников моря, этих бородатых людей с загорелыми лицами, оставивших добрые чувства у аборигена. «Хороший люди, добрый, как и ительмен», – с теплотой думал Ваттувий, докуривая до мундштука папироску, данную ему старпомом.

Ваттувий возвращался к своей лодке, находясь под впечатлением от встречи с русскими. Невольно всплыло посещение им американской фактории. Там его тоже встречали улыбками, похлопывали по плечу. Но улыбки эти были какие-то дежурные, неискренние, как ему казалось. При расчете с ним за шкурки хозяин фактории не жалел виски, подливая ему в стакан все новые и новые порции. Ваттувий быстро хмелел и соглашался на все условия заокеанских благодетелей, каковыми те себя считали, уверенные в том, что эти «северные папуасы» должны быть благодарны им за предоставляемые товары. Где они еще могут приобрести все необходимое для жизни в этих богом забытых местах?

Наутро, прежде чем отправиться на остров, Ваттувий сделал ревизию своему добру. Самое лучшее и объемное, что у них с Тэнгэт было, – это шкура убитой им медведицы. Черный блестящий мех искорками сверкал на солнце. Ваттувий свернул шкуру с оскаленной мордой и широко открытыми блестящими черными пуговками глазами. Завтра он подарит русским свой трофей, добытый им острогой, с которой охотился на морского зверя. Русским он должен понравиться: бледнолицые любят украшать свои жилища шкурами убитых зверей. Он видел это однажды в доме хозяина американской фактории.

К назначенному времени Ваттувий уже вышагивал по острову, направляясь к месту встречи с краболовами. На спине он нес туго свернутую шкуру медведя.

Вскоре к острову пришел мотобот. Люди достали из него мешок, какую-то картонную коробку и направились к поджидавшему их Ваттувию. Старпом развязал мешок, раскрыл коробку. Ваттувий увидел муку, несколько пачек махорки, брикеты фруктового чая, куски рафинада, небольшой мешочек с пшеникой, пару буханок хлеба. Все это старпом вручил Ваттувию. Взамен же последний развернул звериную шкуру, искорками переливающуюся под солнечными лучами.

– Вам, – сказал Ваттувий, – моя убил два зима назад. Жирная был, мясо хорош. Однако, бери!

Люди любовались шкурой, шупали ее руками, гладили.

– Повесим ее в красном уголке судна, – сказал старпом. – Она будет напоминать нам о Камчатке, ее коренных жителях, людях добрых и щедрых. Спасибо вам, Ваттувий!

Все прибывшие расселись вокруг шкуры, закурили, молча любуясь оскаленной пастью медведицы.

Когда-то она была грозой тайги, теперь уже никого не пугала. Человек усмирил ее и ныне любит дивной красотой фауны.

В заключение остается лишь добавить, что через некоторое время акционерное камчатское общество (АКО) построило на острове Тюлений крабконсервный завод, который успешно работал вплоть до начала 90-х годов прошлого столетия.

3 марта 2013 г.

ПОЛЕТ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ

Рассказ-быль

Знаменитый ленд-лиз!.. Сегодня на Западе о нем говорят, с нашей стороны комментируют сдержанно, но отдают должное помощи союзников в годы Отечественной войны. Как известно, после ее начала многие предприятия нашей страны, в первую очередь оборонные, были передислоцированы в Сибирь, но требовалось время, чтобы наладить их работу. И тут ленд-лиз очень помог Красной Армии в деле снабжения ее некоторыми видами вооружений, техники, горючего, продовольствия.

Конгрессом США был принят закон о ленд-лизе, и в Советский Союз пошли морем грузы. Учитывая все возрастающий их объем, советское правительство приняло решение об организации авиалинии от Красноярска до Чукотки: из Номы на Аляске перегонять в СССР самолеты-истребители, бомбардировщики, транспортные борты. Трасса – почти 5 тысяч километров – должна была протянуться от Красноярска до поселка Уэль-каль. Ее обустройство было осуществлено менее чем за год.

Строились аэродромы, создавались радио- и метеостанции. На трассу были посланы целые авиаполки под командованием известного полярного летчика Ильи Мазурука для приемки американских самолетов. Для перегонявших их американских летчиков вдоль всей трассы были построены гостиницы. Учитывая отсутствие почти на всем пути дорог, землеройную технику доставляли по воздуху.

Легко сказать, по воздуху... Ведь в те годы не было «Русланов» или «Антеев». Разобранную технику с грехом пополам втискивали в существующие транспортные самолеты типа «ТБ», которые прославились в 30-х годах тем, что доставляли на первую дрейфующую станцию «Северный полюс» все необходимое для папанинцев.

Лишне говорить, какие невероятные трудности приходилось преодолевать строителям авиатрассы. 80 процентов территории Чукотки занимали горы, почти на 400 километров в глубь материка расстилалась заболоченная тундра. Болота, канавы и бугры засыпали, выравнивали. Территория Чукотки – 750 тысяч квадратных километров, население – чукчи, эскимосы. На каждого приходилось по 35 квадратных километров. Самое крупное государство Европы на 200 тысяч квадратных километров меньше Чукотки.

Город Ном был в несколько более выгодном положении, располагался в травяной зеленой тундре, на заднем плане тянулись горы, покрытые сочной растительностью. В 1900 году здесь нашли золото, и вскоре на этом месте и вырос Ном. Ныне он является столицей всей северо-западной Аляски.

В ноябре 1942 года по оборудованной трассе началась перегонка самолетов. Условия для американских летчиков легкими не назовешь. Если в июне скудную землю Чукотки украшали полярные маки, незабудки, заполняли все вокруг мириады комаров, насекомых-однодневок, вокруг порхали и перекликались пуночки и кулички, то ежегодно с октября по северу Тихого океана чередой шли циклоны, и пробиться летчикам между ними под чистым небом было удачей.

Начальник одного из аэродромов, где американские пилоты приземлялись, отдыхали и заправляли свои «кобры» (на одной из них и прославился трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин) и бомбардировщики горючим, 50-летний майор Владимир Кныш был вечно озабочен. И было от чего. Прибывающие экипажи американцев следовало накормить, дать культурно отдохнуть перед дальнейшим полетом до Красноярска – конечного пункта командировок заокеанских пилотов. Поэтому в холле гостиницы, если можно так назвать этот «отель», по вечерам устраивали просмотры советских фильмов. В основном это были комедии «Богатая невеста», «Трактористы», «Волга-Волга». И хотя американские пилоты по-русски не говорили, сюжеты фильмов были им понятны и без перевода.

Каждый такой сеанс сопровождался взрывами смеха. А на следующий день, если, конечно, позволяла погода, американские самолеты взмывали в небо курсом на Красноярск. В этом сибирском городе американские пилоты уже выступали в роли инструкторов, на скорую руку знакомя наших летчиков с секретами управления «аэрокобрами», бомбардировщиками, транспортными самолетами.

Когда на конечной базе перегона скапливались экипажи перегонщиков, советскими самолетами «Ли-2», вмещавшими 25 человек, наши экипажи доставляли американцев в поселок Марково. Это поселение, в отличие от других чукотских аэродромов, имело одну особенность – оно было защищено горами на случай непогоды. В Марково американцы пересаживались в свои «Дугласы»

и благополучно возвращались домой, преодолевая 90-километровую ширину Берингова пролива.

Может показаться, что вдали от театра военных действий работа у американских пилотов была неопасной: перегнал самолет и вернулся в свой Ном. Если бы только так!

Это случилось в начале декабря 1942 года. Как обычно, «Ли-2» с пилотами-перегонщиками взял курс на Марково. На борту было 15 пилотов, молодых, пышущих здоровьем парней. Борт приближался к Анадырю, до конечного пункта авиатрассы Уэлькаля оставалось не так уж долго лететь, как погода резко изменилась. Пошел снег, переходящий в пургу. Сильный боковой ветер затруднял управление машиной. Командир экипажа капитан Виктор Скрябин принял решение: садиться на русло реки. Делать это надо было немедленно, пока еще была видна земля, а прямое русло реки годилось для посадки, к тому же самолет терял скорость, переставал слушаться руль направления.

Шасси касаются льда, машина подпрыгивает, затем вновь прижимается к ледяной поверхности. Пилот до отказа убирает газ, моторы стреляют перебоями, из патрубков вырываются клубы белого выхлопа. На морозе след их хорошо виден. Самолет уже заканчивал пробег, когда внезапно раздался треск и машина накренилась – левое колесо задело заструги, и стойка шасси прогнулась. Самолет занесло влево, крыло слегка задело лед (к счастью, покрытый толстым слоем снега). Тишина до звона в ушах. Лишь сквозь иллюминаторы слух улавливает завывание пурги.

Скрябин приказывает радисту связаться с аэродромом майора Кныша – он ближайший от вынужденной посадки.

Американцы высыпали из самолета, рассматривают стойки левого колеса, что-то бормочут между собой, чертыхаются, с опаской поглядывают на небо, с которого не перестает сыпать снежная крупа. Кое-кто из них закуривает, но резкий ветер, колющий снег вскоре заставляют всех вернуться в салон самолета.

Между тем радист связался с майором Кнышем, сообщил, что они совершили вынужденную посадку по маршруту авиатрассы, у них деформировано шасси и началась пурга. Экипаж нуждается в помощи ремонтников. Ответ майора Кныша не обрадовал. По его словам, в такую погоду о посылке к ним самолета не может быть и речи, автотранспорт по бездорожью и глубоко-му снегу не пройдет.

После небольшой паузы Кныш сообщил, что сейчас по радиации он свяжется с оленесовхозом и попросит выслать для вывозки людей оленьи упряжки. И попросил капитана Скрябина, чтобы все находились возле самолета, не предпринимали пешего похода к совхозному поселку. Одним словом, ждите помощи.

У полярных летчиков существует непреложный закон: пилот, покинувший место аварии, скорее всего погибнет в ледяных просторах тундры. И второе: на Севере ни в коем случае нельзя летать в одном комбинезоне и без оружия для добычи пропитания.

Время шло. В салоне самолета становилось все холоднее. Пассажиры были одеты в кожаные куртки на меху, ноги защищали от холода теплые унты, летные шлемы не давали мерзнуть ушам. Пока обстановка была терпимая.

Как только руководство оленесовхоза «Новь Севера» было извещено о происшествии с самолетом, в контору совхоза были вызваны бригадир оленеводов Рультувий, 45-летний среднего роста мужчина, его помощник Лылен и оленевод Каулькай. Самым молодым из них был последний, которому этой осенью исполнилось 20. Все трое были одеты в обычные чукотские одежды: на каждом куклянка, на ногах – торбаса. Их головные уборы пошиты из белого пыжика, отороченного мехом молодого волка, и плотно обнимают шею и нижнюю часть лица, а сзади скрепляются костяной застежкой. Открытыми остаются лишь глаза. Для длительного нахождения на морозе лучшего головного убора и не придумаешь.

Директор приказал бригадиру немедленно приготовить три упряжки из самых сильных оленей и оказать помощь пассажирам и экипажу потерпевшего бедствие самолета. Всех их необходимо было доставить в поселок совхоза.

Вскоре все три оленьи упряжки покинули поселок и скрылись в снежной мути. В тундре чукчи ориентируются безошибочно. Не имея в руках карты и компаса, они никогда не сбьются с пути. При поездках их всегда сопровождают собаки.

Пурга между тем не ослабевала. Циклон с юга накрыл весь Чукотский полуостров. Сталкиваясь с холодными потоками воздуха с севера, он буйствовал шквалистыми ветрами, снегопадом, туманом.

Через час пути упряжки достигли реки, выехали на лед, и вскоре сквозь снежную круговерть погонщики увидели темневший вдали силуэт самолета. Когда подъехали поближе к «Ли-2»,

Каулькай, увидев накренившийся на левую сторону самолет, невольно воскликнул:

– Коккой (ой, страшно)!

Затем, потрогав уже покрытое льдом крыло, произнес:

– Тен-койгин (лед).

Когда американцы вылезли из самолета, Каулькай спросил бригадира, как они за один раз увезут столько людей.

– Однако, ко (не знаю), – протирая глаза от налипшего снега, ответил Рультувий.

Увидев упряжки и прикинув, сколько они могут забрать людей, капитан Скрябин на пальцах показал американцам, сколько человек могут взять с собой спасатели. Пассажиры без лишних слов поняли его жесты и, посоветовавшись между собой, указали капитану людей, отправляющихся в первую очередь.

Караван упряжек тут же отправился в путь. Чтобы взять побольше пассажиров, сами погонщики пошли рядом с нартами. Колочий снег сек глаза, ноги проваливались в непрочный снежный покров, собаки путались под ногами. Такое движение продолжалось около двух часов. Сильный ветер с морозом заставил некоторых пассажиров обвязать свои лица шарфами, оставив лишь узкие щелки для глаз. Кто из пилотов не сделал этого, бравирова своей закаленностью к морозам, поморозил щеки, носы, благо уши их были прикрыты летными шлемами. Пришлось поселковому фельдшеру принести баночку с мазью от обморожения и обработать ею лица пилотов.

В поселке пассажиров разместили в самой большой избе, служившей чем-то вроде клуба. Жарко пылала печь. Фельдшер принес бутылки спирта, на столе появились мороженая брусника, хлеб. На печи шипел чуть ли не ведерный чайник. Один из гостей, коверкая русские и английские слова, восхищенно воскликнул:

– О, рашен столь, всего два блюд, а очень кусно, пальчики оближай.

Рультувий с товарищами, принимавший участие в трапезе, заулыбался. Это «блюдо» – оленина – было приготовлено из быка из его табуна, так распорядился директор совхоза. Все-таки гости – их союзники, помогают нашей армии своей техникой и всем, чем могут. Нельзя ударить перед заокеанским соседом в грязь лицом. Директор к спиртовым запасам фельдшера выделил и

часть, так сказать, своего НЗ – пусть иностранцы помнят русское гостеприимство.

Пока они обедали, Рультувий с напарниками, подзакусив, отправился за следующей партией пассажиров. Вернулись они, когда уже стемнело. Вместе с американцами прибыл и экипаж «Ли-2». Всем прибывшим выдали по паре чарок, накормили сытным ужином.

Рультувий, сидя у печи и покуривая свою трубочку, наблюдал, как гости, морщась, выпивают разбавленный спирт. Запах спиртного, веселый говор чужестранцев напомнили ему об отце, родственниках, когда они вот так, собравшись все вместе, выпивали эту «огненную воду», доставляемую в те времена торговцами. Старики называли водку «сердитая вода в бочках». Давно это было, еще до советской власти. Приезжие русские купцы, наряду с американскими торговцами с Аляски, делали большие деньги и имели много пушнины за бесценок за эту «огненную воду». Сколько сородичей тогда поспивались и преждевременно ушли на тот свет! Страшно подумать...

Перед тем, как укладываться спать, один из пилотов достал автотручку и попросил Скрябина назвать ему фамилию старшего погонщика упряжек. Американец записал названную ему фамилию.

Американские пилоты переночевали в избе, а утром, когда прекратилась пурга, за ними прилетел второй «Ли-2», у которого вместо шасси под брюхом торчали специальные авиалыжи. Самолет без проблем приземлился в поселке оленеводов, забрал американцев, и в полдень они уже находились в Марково, где их дожидался «Дуглас». В этот же день Рультувий с напарниками доставил экипаж капитана Виктора Скрябина к своему «Ли-2». Здесь уже стоял прилетевший однотипный самолет на лыжах, и авиамеханики приводили в порядок стойку шасси на аварийном самолете.

Ничто не напоминало о прошедшей накануне пурге. Ярко светило солнце, что довольно редко в этих суровых, вечно обложженных тучами краях. Лишь идеальная белизна снега напоминала о бушевавшей накануне метели.

Через пару недель в поселке оленеводов приземлился «У-2». Его пилот с двумя армейскими рюкзаками в руках направился в контору совхоза. В кабинете директора он достал из рюкзаков две картонные коробки. Одна из них была с виски, другая – с блоками

сигарет. В одной из коробок лежал конверт, из которого вынули лист плотной бумаги. На нем было напечатано на машинке по-русски: «Уважаемый господин Рультувий! Командование военно-воздушной базы в Номе сердечно благодарит вас и ваших товарищей за помощь в вызволении из беды наших летчиков. В знак нашей признательности высылаем вам наш скромный подарок. В данной ситуации вы с честью выполнили свой долг как союзник. Командир базы ВВС США полковник Бил Макуэл».

И в заключение такая информация. Только одних самолетов – истребителей, бомбардировщиков, транспортных – за годы Великой Отечественной войны было поставлено в нашу страну через Атлантику и Тихий океан, который чукчи называли Моржовым, а Охотское море – Бобровым, в общей сложности 18 700. Часть из них шла в разобранном виде на судах союзных конвоев через Атлантику, многие из них были торпедированы немецкими субмаринами и оказались на дне океана, а оставшийся авиапарк сражался в небе Европы до последнего дня Великой Отечественной войны.

Октябрь 2015 г.

ТАЙНА ЭКИПАЖА В-29

Рассказ-быль

После разгрома Советской Армией Квантунской группировки японских войск и подписания Японией капитуляции на борту американского линкора «Миссури» наконец-то была поставлена точка во Второй мировой войне.

Части нашей армии еще какое-то время находились на территории Маньчжурии и Кореи. Была среди них и крупная военно-воздушная база, парк самолетов которой состоял из машин, перебазируемых из Приморья. Располагалась она у провинциального города Канко (ныне Хамхын).

Местные жители часто приносили для продажи летчикам хуангуаны (огурцы), байцай (капусту), а те вместо рублей отоваривали крестьян хлебом, крупой, банками с консервированным мясом. Аэродром наш располагался на маршруте американских самолетов, летавших в Мукден. Здесь был большой лагерь американских военнопленных, захваченных японцами в ходе тихоокеанской войны, среди которых находилось и значительное число летчиков со сбитых бомбардировщиков.

В августе 1945-го лагерь этот молниеносным ударом советского десанта был освобожден. Но прежде вывоза военнопленных в Штаты в лагере ввели карантин, на время которого для их снабжения всем необходимым американское командование организовало «воздушный мост», превратив в самолеты-снабженцы несколько бомбардировщиков В-29 и В-24. Четырехмоторные гиганты часто пролетали над нашей базой, сотрясая округу могучим гулом своих двигателей. Вылетали эти махины с баз в Корею и даже Японию. Местному населению они уже примелькались, на нашей базе к ним тоже начали привыкать: союзники же, ничего необычного в этом нет, летают без оружия на борту, гружены продуктами, лекарствами, одеждой. Одним словом, самолеты мирные.

В один из дней на базу с инспекцией прибыл офицер штаба армии, освобождавшей Маньчжурию. Как раз в этот день над нашим аэродромом вновь раздался мощный гул американских бомбардировщиков. Полковник удивленно посмотрел на командира базы Бессарабова.

– Иван Тимофеевич, что это за воздушный парад? Почему он нарушает воздушное пространство вверенной вам базы?

Тот коротко объяснил ситуацию.

– Да все это понятно, – недовольно чертыхнулся полковник-контролер, – но почему курсируют именно над нашей базой? Им что, места мало в небесах?

И, как назло, вслед за пролетевшим на горизонте появился второй самолет, что и вовсе вывело штабиста из себя.

– Иван Тимофеевич, сейчас же поднимите в воздух истребитель, пусть заставит американца сесть. Проведем с ним профилактическую беседу.

Через минуту-другую дежурный ЛА-5 стремительно пошел на взлет. Наш летчик знаками показал В-29 – садиться. Поначалу американец симитировал посадку, но, внезапно взревев четырьмя двигателями, бомбардировщик повернул в сторону моря. Наш летчик дал предупредительную пулеметную очередь. Американцы никак не отреагировали и продолжали лететь к морю. Тогда пилот ЛА-5 старший лейтенант Семен Дятлов, поймав В-29 в паутинный крестик прицела, утопил кнопки гашеток. Чтобы не было в экипаже жертв, летчик целился в моторы. Один из левых двигателей задымил уже над акваторией залива. ЛА-5 догнал бомбардировщик и опять велел садиться.

При попадании в двигатель В-29 слегка встряхнуло. Бортмеханик доложил командиру: в первом левом моторе упало давление масла. Тот приказал отключить двигатель, затем накренил самолет на левое крыло и, совершив разворот, бомбардировщик лег на обратный курс к берегу.

Вот и аэродром. Взлетно-посадочная полоса грунтовая (как и у большинства аэродромов того времени), местами поросла увядшей травой. Самолет заканчивает долгую пробежку, раздаётся скрип тормозов, и В-29 замирает перед стеной лесополосы. Это действительно суперсамолет. В то время ни одна страна в мире не имела такой воздушной машины. Длина – свыше тридцати метров, размах крыльев – свыше сорока трех, масса полностью снаряженного самолета составляла 36 тонн с лишним, ее потолок при полном вооружении – более двенадцати тысяч метров, экипаж – 11 человек.

Как только самолет заглушил двигатели, под ним открылся люк, из него опустили на землю стремянку. Первым спустился командир. На шее у него висела планшетка, на поясе – кобура с пистолетом. Был он высокого роста, в кожаной куртке с меховым воротником, вместо пуговиц – застежка-молния. Не успел летчик

толком осмотреться, как по дороге, невероятно пыля, к взлетке приблизилась японская трофейная легковушка. Из нее вылезли Бессарабов, штабист Суэтин и капитан – переводчик из особого отдела базы.

– Капитан, – обратился к нему Суэтин, – спросите командира бомбовоза, почему он проигнорировал просьбу нашего истребителя совершить посадку?

Поговорив с американцем, капитан доложил Суэтину.

– Товарищ полковник, как объяснил мне майор Фрэнк Маклен, они решили свернуть в сторону, изменить слегка маршрут, чтобы не лететь над советской базой. Как он объясняет, ничего дурного в мыслях у них не было. Только сетует он, что мы повредили ему первый левый двигатель.

– Повредили двигатель... Могли вообще угробить их. Пусть спасибо скажет, что еще цел остался, – проворчал Суэтин. Помолчал, хмуро разглядывая майора. – Скажите ему, – наши механики помогут ему в ремонте мотора.

Экипаж суперкрепости, одиннадцать человек, пригласили в офицерскую столовую, накормили обедом с «наркомовскими» стаграммами (правда, на каждого члена экипажа пришлось гораздо больше). Заместитель заведующего столовой старшина Люлька, заметив, что американцы не притрагиваются ко второй стопке, широко улыбнулся:

– Пейте, хлопцы, пейте. Покуда вашу крепость починят, вся хмель из вас выйдет, будете свежие, как огурчики...

Некоторые члены экипажа немного понимали по-русски. Они что-то сказали своим коллегам. Те заулыбались. «О кей! О кей!» – зазвучало за столами, и стопки мигом опустели.

Пока наши авиамеханики совместно с американцами копались в поврежденном моторе, на аэродром прибыл «студебекер». В его кузове находилась группа солдат из батальона аэродромного обслуживания, у их ног лежала мокрая свернутая сеть с запутавшейся в ней морской травой и куча еще бьющейся живой рыбы – выловленный в устье реки кижуч. В этом районе он до конца ноября – начала декабря идет в реки на нерест, иные особи – в феврале или даже в апреле.

Старшина этой стихийной рыбацкой артели в погонах Николай Лосев сразу отправился к командиру батальона – непосредственному своему начальнику.

То, что рассказал ему старшина, заставило последнего тут же отправиться к командиру базы Бессарабову. Выслушав рапорт батальонного, полковник немедля вызвал к себе начальника особого отдела.

В его присутствии старшина Лосев повторил то, что только что рассказывал Бессарабову.

Когда они уже сматывали сети, в небе появился самолет. Все бы ничего, они тут часто летают, к ним привыкли. Но когда наш красноразведный истребитель открыл по нему огонь, все тревожно стали переглядываться, по-быстрому загрузили рыбу в машину и тронулись в обратный путь. Но не отъехали от берега и ста метров, как летевший над заливом американский бомбардировщик выбросил за борт какой-то предмет. Затем самолет в сопровождении нашего ЛА-5 повернул к берегу. Один из двигателей бомбардировщика задымился.

Что могли выбросить в море американцы? Этим озабочены были ныне все на базе. Бессарабов с помощью переводчика обратился к Фрэнку Маклену. Тот категорически заявил: «В море мы ничего не выбрасывали!»

Особист снова встретился со старшиной Лосевым, дотошно порасспрашивал последнего о форме предмета, выброшенного с бомбардировщика. Его интересовали детали: как выглядел предмет, упав в воду, затонул или какое-то время был на плаву? Лосев припомнил лишь, что, судя по блеску на солнце, предмет был наполовину металлический, другая его половина солнечных лучей не отражала.

Мотор американцам починили, но вылет пока не разрешили. Командование базы связалось с отрядом кораблей Тихоокеанского флота, дислоцировавшихся в бухте неподалеку, и попросило моряков прислать на базу водолазов для срочного обследования небольшого участка залива.

На следующий день прямо с утра на базу прибыла трехтонка с группой моряков, а к берегу залива вскоре приткнулся военный катер. Через полчаса к нему подъехал грузовик с моряками. Они выгрузили из грузовика баллоны с кислородом, компрессорную камеру. Но из-за малых глубин залива она и не потребовалась. Вскоре катер отошел от берега. Рядом с командиром находились старшина Лосев и начальник особого отдела базы. Из рубки они наблюдали, как моряки снаряжали водолаза Николая Гулько к погружению.

Через полчаса после погружения он несколько раз дернул за веревку – вытягивайте. Вскоре из воды показался какой-то предмет, отдаленно напоминавший обычный микроскоп, но только в несколько раз крупнее. Сверху был небольшой резиновый круг со стеклом, схожий с окуляром морского бинокля.

По словам водолаза, больше на дне ничего стоящего внимания он не обнаружил.

Когда найденный предмет доставили на аэродром, наши летчики-бомбардировщики уверенно заявили: скорее всего, это прицел для бомбометания, только гораздо совершеннее, чем на наших самолетах.

Когда находку показали американцам, а затем спросили их о ее назначении, те сначала ступевались, искоса поглядывая на своего командира, как поведет себя он. Тот молча обвел взглядом свой экипаж и что-то тихо сказал нашему переводчику. Затем помолчал и начал что-то быстро говорить капитану. Выслушав американца, переводчик молча кивнул ему и, чуть слышно произнося «йес, йес», начал переводить.

– Он говорит, что это прицел для бомбометания. Секретный. У него инструкция: в случае вынужденной посадки у русских прибор подлежит уничтожению. Если командование Маклена узнает, что он ее нарушил и прицел попал к русским, его ждет военный суд. Он просит наше командование не афишировать этот инцидент. У него в Штатах двое детей, которых он не видел уже целый год.

Наступило молчание. Полковник Суэтин посмотрел на Бессарабова, перевел взгляд на особиста, затем на переводчика, внимательно смотревшего на полковника, подошел поближе к нему, положил ладонь на плечо и потеплевшим голосом сказал:

– Передайте командиру, в войну мы были союзниками, как могли, помогали друг другу. Фронтное братство мы никогда не забудем. Чтобы не подвести командира В-29, избавить его от военного трибунала, мы этот инцидент огласке не предадим. Пусть он не волнуется. Мы и до сих пор являемся союзниками.

Когда переводчик перевел Суэтина, командир просветлел лицом, порывисто подошел к полковнику и крепко пожал ему руку. Затем так же энергично обменялся рукопожатием с Бессарабовым, переводчиком и особистом. Экипаж суперкрепости с облегчением вздохнул, на лицах людей появились улыбки.

Во время этого разговора Суэтин приглядывался к молча стоящим членам экипажа В-29. Четыре долгих года войны американцы были нашими союзниками. Полковник вспомнил один фронтовой эпизод. Как-то в перерыве между боями наши солдаты, устроившись кто где, открывали банки с американской консервированной колбасой. Один из них в изрядно выцветшей гимнастерке, штык-ножом открывая банку, весело возвестил: «Открываем второй фронт!» Реплика бойца вызвала веселое оживление, смех. И всем это было понятно: прошло уже несколько назначенных союзниками дат открытия второго фронта.

Вспомнив этот случай, полковник улыбнулся: русский человек при любой ситуации за словом в карман не лезет.

Через час В-29 взял курс на Мукден.

Прошла неделя, вторая. Над нашей базой больше не ревели моторы американских бомбардировщиков.

Фрэнк Маклен выполнил просьбу полковника Суэтина – передал американскому командованию пожелание советской стороны летать в лагерь военнопленных, минуя советскую военно-воздушную базу.

28 февраля 2015 г.

ПРОКОЛ ЛЕЙТЕНАНТА ЗЯТЬКИНА

Рассказ-быль

На войне, во время боевых действий, редко случаются забавные эпизоды, но все же бывают. Один из них произошел при освобождении нашими войсками южной части острова Сахалин, где в это время всю хозяйничали сыны Страны восходящего солнца.

Был август 1945 года. Все началось на рассвете, когда к южной оконечности Острова Слез, как до революции называли заселенный каторжанами Сахалин, стали подходить с десантом на борту корабли Тихоокеанского флота.

Когда рассеялся туман и первые лучи солнца осветили приближающуюся землю, неприятель открыл по нашим кораблям огонь из береговых орудий. Вокруг кораблей стали вырастать фонтаны воды. Пока с судов спускали средства для высадки десанта, корабли открыли ответный огонь. На помощь морякам прилетели бомбардировщики. Разрывы бомб, свист снарядов, захлебывающаяся трескотня пулеметов десантников – вся эта какофония была привычна для солдат, части которых после разгрома Германии были переброшены на Дальний Восток.

Знакома была картина боя и Николаю Зятыкину, командиру взвода, невысокого роста, курносому, с вечной добродушной улыбкой на веснушчатом лице, который после учебы в пехотном училище в 1943 году попал в действующую армию.

Первое боевое крещение Николай получил под Курском. А первую боевую награду – медаль «За отвагу» – Зятыкин заслужил, когда его взвод молниеносным броском перебил охрану лагеря военнопленных. Немцы не успели опомниться, как пришлось всей их охране, как говорится, «сделать хенде хох».

Тогда Зятыкина и группу его солдат заснял своей «лейкой» корреспондент газеты. Когда в часть пришел свежий номер многотиражки с его фотографией, Николай написал домой письмо, вложив в солдатский треугольник вырезанный из газеты снимок.

Та война на полях Европы закончилась, нынешняя проходила в сопках Маньчжурии, в ее труднопроходимых болотах. И вот теперь – самая окраина России, Сахалин. Опять сопки, тайга, хлюпающие под сапогами болота.

В полдень рота, куда входил взвод Николая, подошла к городку, впоследствии получившему русское название Корсаков.

Японское население заблаговременно покинуло его, остались лишь части императорской армии, оказавшие стойкое сопротивление. Но под вечер оно было подавлено. Так закончила свое существование японская провинция Карафуту.

Когда заглохли орудия, автоматная и винтовочная трескотня, взвод Зяткина приблизился к одноэтажным строениям, наминавшим бараки. Какие-то странные звуки донеслись из этих бревенчатых нештукатуренных построек. Слух солдат резали какие-то визги, пiski, злобное рычание. Когда Зяткин с автоматом наизготовку с опаской вошел в открытую дверь одного из строений, его глазам предстала следующая картина.

Во всю длину барака выстроились десятки клеток с черно-бурыми лисицами. Стоял запах протухшей рыбы. В других строениях была такая же картина.

В стороне от зверофермы виднелся небольшой домик, возле которого стояли два пожилых японца. Солдаты подошли ближе. Бедная одежда: у одного на ногах сандалии на деревянной подошве, у другого – что-то вроде кожаных чулок из сыромятной кожи. Оба старика с напряженным любопытством смотрели на русских.

– Эй, аната, это ваше хозяйство? – весело спросил Зяткин.

– Скоси мо вакаримаси (ничего не понимаю), – ответил один из стариков.

– Да, очень понятно ты мне объяснил, – ответил лейтенант и, видя, что от стариков толку не дождешься, Зяткин подзвал старшину Федора Бугрова и распорядился: – Федор, откройте все клетки. Пусть зверьки в родную стихию уходят, благо лес рядом. Помнишь, как мы лагерь военнопленных тогда лихо освободили? Избавим-ка наших лисят от самурайского плена. Давай, действуй!

Старики, видя, как солдаты открывают вольеры и лисы с визгом покидают их, заволновались, замахали руками, а старший из них с горечью произнес:

– Ано нэ (послушайте)! Тайхен вару дес (плохо, очень плохо).

За полчаса старшина Бугров с солдатами освободили все вольеры от их обитателей. Лисицы выскакивали и стремительно неслись в сторону городка, иначе в родную стихию – лес, зеленая стена которого вплотную подступала к городской окраине, было не попасть.

Когда военному коменданту городка доложили о нашествии на подведомственную ему территорию множества лесных

обитателей, он приказал своим помощникам разобраться с данной ситуацией. Вскоре в комендатуру были доставлены оба старика – служителя зверофермы.

С помощью переводчика комендант выяснил картину происходящего. Как пояснили доставленные японцы, по национальности айны с острова Хоккайдо, русские солдаты во главе с офицером выпустили из клеток всех лисиц. Они просили не делать этого, но русские не послушались их. Со слов служителей, их хозяином был богатый человек с Хоккайдо. Его люди регулярно привозили на ферму корма для лисиц – рыбу. В вольерах их содержалось две тысячи. В определенное время зверьков забивали, и хозяин имел хороший доход от пушнины. Вольеры постоянно пополнялись новыми зверьками, часть которых рождалась здесь, а часть доставлялась хозяином с Хоккайдо.

В те же дни поездку по Дальнему Востоку совершал Анастас Иванович Микоян. Перед полетом на Камчатку он вместе со своими людьми посетил только что освобожденный южный Сахалин. В освобожденном городке Микоян обратил внимание на спящих по дороге черно-бурых лисиц. Член правительства удивился такому количеству зверьков и поинтересовался у коменданта, с чем связано такое нашествие лисиц. Когда ему объяснили суть дела, Анастас Иванович в крепких выражениях помянул «освободителя» и распорядился отловить и возвратитъ разбежавшихся лисиц в клетки. И сделать это должны были те, кто выпустил зверьков на волю. «Пушнина – валюта для страны, – пояснил Микоян, – а какой-то оболтус, понимаешь, так безалаберно поступил».

Комендатура без особого труда установила виновника произошедшего. Зяткину пришлось выслушать строгое внушение за проявленное своеволие. Лейтенанту было приказано вместе со своими людьми отловить всех зверьков и водворить их на прежнее место.

Узнав о распоряжении коменданта от командира своего полка, Николай тайком чертыхнулся: «Банзай, мать твою! Выловить две тысячи этих тварей лишь взводом. Да они смеются, что ли?»

Но делать нечего – против приказа не попрешь. Тем более, командир полка дал понять: не выполнишь приказ – разжалую до рядового.

И стали солдаты Зяткина звероловами. Лиса – зверек хитрый. От природы она одарена самым тонким чутьем, не боится

конского следа и не бросит своей норы, даже когда возле нее побывает человек верхом на лошади. Она делает нору неподалеку от полей, лугов, в глубину леса заходит крайне редко. Зимой передвигается по руслам замерзших рек.

Встречается и на морском побережье, где подбирает «дары» моря, а для убежища использует пустоты в нагромождениях валунов. В лесу же часто занимает норы барсуков.

Лисьи шкурки в разных местах России имеют разные цены. До революции они продавались по цене от 6 до 10 рублей ассигнациями. Охота на лису была прибыльной.

Выпущенные взводом Зятыкина лисы сначала разбежались вокруг городка, но, не найдя привычного корма, вернулись обратно.

Начались нелегкие для Зятыкина и его солдат дни. Лисиц ловили по-разному. Загнав зверька в какой-нибудь сарай, набрасывали на него мешок из-под муки или крупы, арендованный Зятыкиным у начпрода батальона. Спеленав таким образом зверька, уносили его на звероферму.

Брать живьем загнанную лису следовало осторожно: кусается она гораздо чаще, чем волк. Вечером, возвратившись к месту дислокации, некоторые солдаты обращались за помощью к фельдшеру.

От лисьих укусов мало кто уберется. Ротный фельдшер, обрабатывая место укуса, язвительно изрекал: «Да, братцы, за подобные «раны» нашивку за ранение на гимнастерку не пришьешь».

Полк Зятыкина, продолжая наступление, продвигался в глубь острова, а его взвод, исполняя приказ, отлавливал лис. Продвигалось дело медленно. Пока лисицы не покинули городок и не ушли в глубь леса, комендатура издала приказ по гарнизону: всем военнослужащим, желающим отлавливать зверьков, решено за каждую пойманную лису выплачивать по 100 рублей. Дело поставили на широкую ногу: по городку разъезжали «студебекеры» с солдатами-ловцами и клетками в кузове.

Как-то старшина Бугров, родом с Украины, вернулся в расположение взвода раньше остальных ловцов. Нужно было съездить в батальон за продуктами: мясными консервами, хлебом, крупой. Доставив все это на попутной трехтонке к себе, Бугров пооткрывал банки с тушенкой, нарезал ломтями хлеб, выложил на стол сахар-рафинад и пошел в лесок насобирать дровишек для костра – вскипятить воды для чая.

Отсутствовал старшина минут двадцать. Но, вернувшись с дровами и увидев, в каком состоянии приготовленный к ужину стол, Федор опешил. Многие открытые банки были перевернуты, сахар перемешан с мясом, ломти хлеба разбросаны на земле. Глядя на непригодные к употреблению продукты, старшина понял, чьих рук – вернее, лап – дело.

– От бисовы души! – только и выдохнул старшина. – Чтоб вам, проклятым, все лапы поотрывало! Чем же я буду ребят кормить? Эх, достанется мне теперь от лейтенанта...

А увидев на своей пилотке, лежавшей на скамье, опрокинутую банку консервов, старшина аж позеленел и дал волю нецензурным выражениям, благо, никто не мог слышать его непотребный лексикон. Разве только притаившиеся в кустах лисицы...

Старшина выбрал не поврежденные лисами банки, хлеб, сахар, остальное месиво убрал со стола. Пришлось открыть новые банки, дорезать хлеб, принести из палатки сахар. «Воистину, черно-бурые твари! – в сердцах бормотал он. – По-черному сработали».

Помогал отлавливать зверьков и флот. Сходившие на берег со стоявших у причалов судов загоняли лисиц на пирс и набрасывали на них свои бушлаты. Пойманных отдавали на подъезжавшую машину с ловцами.

За полмесяца было отловлено около тысячи лис. Работы военному фельдшеру прибавилось: в конце каждого дня на прием выстраивалась очередь покусанных солдат. Запасы бинтов и спирта для обработки укусов убывали.

У коменданта городка прибавилось забот. Лисиц надо было чем-то кормить. Корм мог быть только один – рыба. Комендатура организовала рыболовецкую бригаду из военнослужащих. Для этих целей использовали и сабуны (рыбачьи лодки), опрокинутыми лежавшие на берегу. Там же, на жердях, были растянуты для просушки добротные японские сети – эта нация в основном живет рыбой и морепродуктами, и орудия лова у нее одни из лучших в мире.

Когда для поиска лисиц углублялись в лес, брали с собой автоматы. По словам служителей зверофермы, в лесу шастали медведи. В один из таких поисковых дней лейтенант с солдатами лоб в лоб и столкнулся с хозяином леса – белорудым мишкой. Очередь из автомата решила исход встречи с опасным зверем. С трудом дотащили его до «студебекера».

Вечером зверя освеживали, развели костер, приготовили шашлык. Ужинали под высокими кедррами, за наспех сколоченными из жердей столами, накрыв их дощечками от ящиков из-под тушенки и махры. За едой обсуждали прошедший день. Зятькин, уплетая мясо, рассуждал, подводя итоги поимки лисиц:

– Глядя, братцы, на вас, перебинтованных, можно подумать, что вышли вы из жаркого боя.

Солдаты, улыбаясь, с аппетитом уплетали шашлык, а Семен Саженко изрек:

– Меня эта зверюга кусанула между ног, чуть не добралась. Не дай бог, конечно. Мог и без наследников остаться...

Грянул взрыв хохота, от которого сидевшая на ветке сорока со страху снялась с насиженного места. Но вскоре, когда солдаты разошлись по своим палаткам, она вновь прилетела подбирать остатки солдатской трапезы.

Часть мяса и шкуру убитого медведя отнесли в комендатуру, угостили свежениной и японских служителей со зверофермы. Японцы кланялись, говорили при этом «сигоку (отлично)!». Затем они достали с полки три сакэдзуки – чашечки для сакэ, налили в них рисовой водки, выпили с Зятькиным, угостили его сигаретой, говоря при этом: «Росскэ аната сигоку (русские, вы отличные!)».

Комендант гарнизона, попробовав свеженины под фронтовые сто граммов и любуясь повешенной для просушки шкурой белогрудого медведя, простил Зятькину самоуправство на лисьей ферме и не стал настаивать на его наказании перед командиром полка. Может быть, тут сыграла свою роль и медаль «За отвагу» на груди Николая. Вполне может быть...

В душу военному коменданту не заглянешь...

ПЕЧЕНАЯ КАРТОШКА, или Визит великого мистификатора во Владивосток Персона

В конце минувшего лета, переключая телевизионные каналы в поисках, так сказать, смотровой передачи, наткнулся на сюжет какого-то московского канала, посвященный Вольфу Григорьевичу Мессингу, великому мистификатору XX века. Поневоле в памяти всплыло начало 60-х годов прошлого столетия, когда во Владивосток прибыл на гастроли со своими психологическими опытами этот телепат и гипнотизер, обладающий сверхъестественными способностями.

В июне 1974 года в Иркутске при расследовании дела директора магазина плодовоощторга, обвиняемого в крупном хищении, Мессинг присутствовал на его допросе. В тот же день уполномоченный БХСС ознакомил следователя со «справкой», составленной якобы после беседы с Мессингом. В справке были указаны ранее неизвестные факты, разоблачавшие обвиняемого.

Справка была подшита в секретное дело оперативного учета, сведения были проверены и подтверждены. Однако, как позже выяснилось, таким нестандартным образом следователь легализовал агентурную информацию, не желая раскрывать ее истинный источник.

В те годы по воле случая автору этих строк довелось работать уполномоченным по организации концертов в Приморской краевой филармонии, проще говоря, администратором. В мои обязанности входило встречать прибывающие в наш город на гастроли концертные бригады, заказывать для артистов номера в гостиницах и, естественно, на протяжении всего концерта находиться рядом с ними.

Когда прибыл Вольф Мессинг, у меня и моего коллеги Юрия Азарова был мертвый сезон – гастролеры в город не ехали, и мы с напарником оказались без работы. Прибывшую знаменитость курировал и сопровождал на концерты сам шеф – главный администратор филармонии Николай Левша, по слухам, бывший таксист, поменявший баранку на кресло чиновника. Это был

высокий, представительный мужчина, и директор филармонии Федор Шудрик поручил представлять ему нашу концертную организацию.

От нечего делать, а главное – из интереса к личности гастролера, я вечерами отправлялся на концерты вместе с приехавшей московской бригадой. В те годы среди всех предсказателей, магов, прорицателей, целителей и телепатов Вольф Мессинг, бесспорно, выделялся. Ведущим его выступлений был Александр, молодой человек, фамилию которого я уже забыл.

Парапсихологические сеансы Мессинга поражали, я бы даже сказал, слишком поражали. На одном из выступлений в военном санатории на станции 19-й километр телепату завязали глаза, один из зрителей взял за кисть руки Мессинга (на языке телепатов «индикатор-человек») и мысленно стал ему приказывать какое-то действие. Выполняя повеление индикатора, телепат спустился в зал, подошел к пятому ряду, взял за руку пожилого мужчину, вывел его на сцену, достал из кармана его пиджака пачку папирос и сигарет – все это с завязанными глазами. Затем папиросы Мессинг положил на журнальный столик, а из другой пачки достал сигарету. Индикатор ошарашенным взглядом повернулся к залу и произнес: «Товарищи, все, что я мысленно приказывал этому человеку, он выполнил в точности». Зал разразился продолжительными аплодисментами.

Были на выступлениях Мессинга во Владивостоке и неприятные моменты. Так, во время психологических опытов в клубе учебного отряда на острове Русском один матросик, будучи у телепата индикатором, мысленно велел ему подойти к одному из зрителей, старшине, взять его за нос и приподнять таким образом со стула. Глаза у Мессинга были завязаны, и он, приблизившись в нужное место, провел ладонью по лицу зрителя, внезапно вздрогнул, но все-таки осторожно взял последнего за нос и чисто символически сделал попытку человека приподнять. В зале раздался смех. Мессинг сорвал с глаз повязку и, уставившись своим сверлящим взглядом на матросика, сказал: «Я считаю вашу задумку, товарищ матрос, хулиганской, нельзя же так поступать по отношению к своему товарищу, с которым служишь. Нехорошо все это...»

Когда началось второе выступление Мессинга, этого матросика в зале уже не было. Как рассказал нам после окончания психологических опытов начальник клуба, злополучный матрос служил со

старшиной в одной части, и тот за частые нарушения дисциплины нередко наказывал этого матроса. Вот последний и решил таким необычным способом отомстить старшине. Можно только догадываться, какая после этого случая жизнь настала для матроса.

Во Владивостоке Мессинг жил в гостинице «Челюскин», ведущий его программы Александр занимал соседний номер. Часто после концертов мы засиживались у него в номере, расспрашивали его о Мессинге, и Александр, как мог, удовлетворял наше любопытство. Из этих бесед мы узнали, что Вольф Григорьевич родился в 1899 году под Варшавой в штетле, на иврите – «местечко». У его родителей было четверо детей, отец арендовал яблоневый сад, и вся семья трудилась на этой фруктовой плантации. Вольф рос нервным мальчиком и с детских лет обладал феноменальной памятью, был очень впечатлительным. Когда Вольфу было девять лет, их местечко посетил знаменитый Шолом-Алейхем.

Присмотревшись к мальчику, поговорив с ним обстоятельно на различные темы, писатель предсказал Вольфу интересное, большое будущее. Но внезапно в 12 лет мальчик убежал из дому, а свою артистическую карьеру начал в цирке. Мессинг кроме польского языка неплохо изъяснялся на немецком и древнееврейском, а впоследствии освоил и русский язык.

Концертные выступления Мессинга именовались сеансами психологических опытов. Термин «телепат» с греческого языка означает «чувствовать на расстоянии».

Как-то после концерта мы, как обычно, сидели в номере Александра, курили, пили «Рислинг». Внезапно в дверь постучали, и вошел Мессинг. До сих пор перед глазами стоит его пронзительный взгляд, которым он поочередно окидывал каждого из присутствующих. Врезались в память его большие глаза, морщинистый лоб, впалые щеки, стройная худощавая фигура. Мессинг зашел за сигаретами. Мы предложили Вольфу стакан вина, но он вежливо отказался и, улыбнувшись, заметил, что вот рюмку коньяка он бы «уважил». Коньяка у нас, увы, не было, и Мессинг покинул номер.

Вскоре к нам зашел Николай Левша. Вид имел озабоченный. Он напомнил нам, что завтра последнее в городе выступление Вольфа Григорьевича, и поинтересовался у Александра, какое блюдо любит Вольф, чтобы завтра на прощальном ужине в ресторане заказать его. Александр, недолго думая, ответил на полном серьезе, что его патрон из всех яств предпочитает... печеную картошку.

Левша почесал в затылке: «Где же ее возьмем?» Действительно, такого блюда в ресторанном меню не значилось. И тут кого-то из нас осенило. Было предложено съездить завтра за город, на 19-й километр, к шашлычникам и заказать у них нужный нам продукт.

На следующий день прямо с утра мы с Азаровым купили на рынке картошки, перебрали все клубни, выбросили, на наш взгляд, наиболее уродливые, покрытые какими-то наростами, и на «чугунке» поехали в дачный район. Здесь без лишних слов сыны Кавказа напекли нам на своих пышущих жаром углях картошки.

После вечернего концерта мы заняли заранее заказанный в «Челюскине» столик, попросили официантку почистить нам печеную картошку, при виде которой у нее округлились глаза: «Вы что, мужики, обалдели? У нас первоклассный ресторан, а вы приперлись с такой шелухой!» Пришлось объяснить ей, в чем дело. «Ну если такое дело, то можно, конечно», – и официантка нам мило улыбнулась. Попросили также ее поставить картошку на стол по нашему сигналу.

Наконец, все были в сборе. Мессинг окинул взглядом уставленный тарелками стол и произнес: «М-да» (это можно было понять только однозначно: чего-то из закусок ему явно не хватает) уселся на свое место. Левша разлил коньяк, повернулся к стоявшей у служебного столика официантке и подмигнул ей. И через минуту она несла к столу любимое блюдо Мессинга – печеную картошку, посыпанную зеленым луком. Артист посмотрел на блюдо, затем перевел свой взгляд на Левшу и сказал: «Я вижу, Николай, что у вас тоже есть задатки телепата, вы каким-то образом угадали мое любимое кушанье. Придется, видимо, взять вас к себе в ученики, а?» При этом Мессинг посмотрел на Александра, понимающе улыбнулся ему и поднял свою рюмку. Он, конечно, понял, что способность Левши к телепатии тут ни при чем и что печеная картошка на столе появилась благодаря подсказке Александра, с которым Мессинг работал уже не первый год.

В 1971 году Вольфу Мессингу было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР. На своих встречах с журналистами Мессинг неоднократно задавался вопросом: что такое телепатия – атавизм, сохранившийся от предков человека, или свойство, которым в полной мере будут обладать люди грядущего времени или те, кто сменит особь под названием «человек»?

Вразумительного ответа на этот вопрос до сих пор нет.

Сейчас о Вольфе Мессинге вспоминают нечасто. Нынешнее поколение и вовсе не знакомо с этим именем. А ведь еще пятьдесят лет назад Вольф Мессинг был известен во всей Европе. В бывшем СССР его считали талантливым гипнотизером и предсказателем. В Европе о нем говорили как о самом выдающемся экстрасенсе, предсказателе, ясновидящем и провидце XX века. Им восторгались такие знаменитые личности, как Альберт Эйнштейн и Зигмунд Фрейд. Его ненавидел Адольф Гитлер.

8 ноября 1974 года в 23.00 Вольф Мессинг скончался в больнице после продолжительной болезни ног, которые он повредил во время войны. Ему провели успешную операцию на бедренных и подвздошных артериях, но по неизвестной причине через пару дней, после отказа почек и отека легких, наступила смерть. Похоронен на Востряковском кладбище в Москве.

ТОТ САМЫЙ КАНТАРИЯ НА ОСТРОВЕ РУССКОМ

О водружении Знамени Победы над Рейхстагом из первых уст

Эта памятная встреча произошла у меня в конце 60-х годов. В один из дней начала мая мне, корреспонденту краевой многотиражной газеты «Строитель», поручили сделать материал к Дню Победы о приехавшем во Владивосток по приглашению командования КТОФ Герое Советского Союза Мелитоне Кантарии, водружившем в далеком 45-м году вместе с Михаилом Егоровым Знамя Победы над рейхстагом.

Естественно, я сразу загорелся этой темой: не каждому начинающему газетчику улыбнется такая удача – взять интервью у знаменитого человека. Тут же при мне редактор газеты позвонил в сектор печати крайкома партии. Я был внесен в список журналистов, которые должны были сопровождать героя войны в его поездке на остров Русский, где у Кантарии были запланированы встречи с курсантами учебных подразделений флота.

В назначенный день рано утром я прибыл на 36-й причал бухты Золотой Рог. Вскоре подъехали две «Волги» с флотскими номерами, из них вышли командующий флотом и Мелитон Кантария с женой. Мелитон Варламович был среднего роста, держался прямо, был одет в обычный серый костюм, в голубую сорочку с галстуком, на груди поблескивала на солнце Звезда Героя.

Нас пригласили на стоявший у причала пассажирский катер серии «Находкинский рабочий». В отличие от гражданских катеров этой серии судно было выкрашено в шаровый цвет с военно-морским флагом на корме.

В пассажирском салоне был принаитован к палубе вместительный стол, на котором лежали шахматы, коробка с домино. Кантария с улыбкой обратился к нам, штатским:

«Ну что, молодежь, забьем «козла»? Кто желает?»

Мелитон Варламович высыпал на стол домино. Начали играть. Так получилось, что моим партнером оказался сам Кантария, а напарником его супруги – адмирал. Игра шла под мерное покачивание

катера, в иллюминаторы ярко светило солнце, солнечные блики от волн переливались на стенах салона.

Партия закончилась нашей с Мелитоном победой, на что адмирал заметил: «Да, Мелитон Варламович, где уж нам тягаться с героем, фронтовиком-победителем!»

Минут через сорок катер пришвартовался к причалу. До встречи с курсантами было еще пару часов, и нам предложили заняться рыбалкой прямо с катера. Матросы принесли удочки наподобие тех, что применяются при подледном лове, поставили перед нами целое ведро ракушек с раскрытыми створками, выдали каждому белые хлопчатобумажные перчатки. Ловилась камбала, бычки, ленки, изредка цеплялись звезды. Итог рыбалки – полведра улова. Кантария и здесь оказался на высоте: подцепил камбалу весом с полкилограмма. А его супруга вытащила бычка и, держа его на весу, не решалась снять с крючка: уж больно страшная была его широко раскрытая пасть. Журналистская братия щелкала фотокамерами, выискивая наиболее выгодные ракурсы.

После рыбалки в салоне катера нас ждали бутерброды и горячий чай. Вскоре к причалу подъехал служебный автобус. Кантария, узнав, что до клуба добираться с полкилометра, выразил желание пройти пешком, благо погода была отличная.

Клуб был забит до отказа. Пришли жильцы близлежащих домов, матросы и солдаты из расположенных вокруг частей. В зале вскоре стало душно. Командующий представил собравшимся гостя и предоставил слово герою войны. Его рассказ слушали с неподдельным интересом. Говорил Кантария не спеша. Порой в его речи проскальзывал характерный кавказский акцент. Со слов рассказчика, он с Михаилом Егоровым служил в 150-й стрелковой ордена Кутузова второй степени Едрицкой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии первого Белорусского фронта, которым командовал маршал Георгий Жуков. Они с Егоровым были армейскими разведчиками.

Наступательная операция непосредственно на Берлин началась ночью 16 апреля 1945 года. В ней приняли участие 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты. Вторым командовал маршал Иван Конев.

– Наш фронт, – продолжал свой рассказ о тех незабываемых днях и ночах под берлинским небом Мелитон Варламович, – провел мощную артподготовку и ночную атаку при свете прожекторов.

Зрелище, я вам скажу, незабываемое. Когда рассвело, мы увидели окружающую нас местность. На подступах к фашистской столице оказалось много труднопроходимых лесов и болот. Очень досаждали нам фаустпатроны. Из них стреляли в основном старики и подростки, еще школьники. Кругом было много мин. Правда, пехота вскоре приловчилась, выбирали дорогу в минных полях по танковым следам, на них уж точно не могло быть мин. Чем ближе был центр столицы рейха, тем больше появлялось зданий, окна и двери были заложены, в них лишь оставались узкие амбразуры для стрельбы. При штурме Берлина немцы применяли против нас свои новые самолеты – реактивные истребители «Me-262», которые пролетали над нами со страшным грохотом.

Рассказчик сделал небольшую паузу, отпил из стакана пару глотков воды и продолжил свои воспоминания:

– А сейчас о том, как мы с Егоровым водрузили Знамя Победы. Рейхстаг был сильно разрушен, многие его помещения горели. Дым разъедал глаза, многие лестницы в здании полуразрушены, кругом свистят пули, взрываются гранаты, с соседних зданий ведут прицельную стрельбу фашистские снайперы. Мы с Михаилом, сгибаясь в три погибели, со знаменем в руках упорно карабкались на крышу рейхстага. Купол, куда мы намеревались водрузить знамя, наполовину зиял просветами в арматуре, был покрыт битым стеклом и металлом. Когда Егоров поднимался на него, он сильно порезал себе ладони. Кстати, эти шрамы у Михаила до сих пор остались. Зато когда закрепили знамя и спустились вниз, перевели дух, закурили и стали любоваться вместе со всеми развевающимся на ветру знаменем – символом нашей победы.

Когда шли к месту дислокации нашей части, видели такую картину: местами еще гремят выстрелы, продолжаются бои, а наши полевые кухни уже окружены женщинами, стариками, детьми. Армейские кашевары раздавали жителям горячую пищу, давали каждому по куску хлеба. Русский человек незлопамятен, у него добрая, отзывчивая душа. Население не виновато, что у него оказались такие людоедские руководители. Вот такие, понимаешь, дела были, товарищи.

В зале долго не смолкали аплодисменты. Затем Мелитон Кантария отвечал на вопросы из зала. Собравшиеся узнали о его послевоенной судьбе. Оказывается, звания Героев они с Егоровым получили лишь через год после Победы, в начале мая 1946 года.

А затем два года подряд только и делали, что по воле партийных органов разъезжали по гарнизонам нашей страны с рассказами о своем подвиге. «Честно говоря, – признался Кантария, – легче было воевать, чем потом рассказывать об этом».

Вскоре после войны Сталин предложил своему земляку жить в Москве, но Кантария, поблагодарив вождя, пожелал вернуться в свою родную Абхазию. Несколько лет он проработал на шахте, потом руководил бригадой плотников. Его выдвинули на звание Героя Социалистического Труда, но Кантария отказался, заявив: «Дайте эту звезду кому-нибудь другому».

Мелитон Варламович не любил вспоминать войну, смотреть фильмы про нее. А как-то накануне очередной даты со дня окончания войны его вместе с Егоровым пригласил к себе в Кремль Хрущев, одарил их дорогими подарками, среди них мотоцикл «Урал» с коляской.

После встречи в клубе был устроен в офицерской столовой праздничный ужин – с тройной ухой и с традиционными ста граммами фронтowych. Произносились тосты. Когда предоставили слово Мелитону Варламовичу, он встал и произнес: «У горцев есть хорошая поговорка: веревка должна быть длинная, а речь короткая. – Поднял свою рюмку и добавил: – За праздник Победы!»

Уже во время ужина, когда многие вышли на свежий воздух покурить, я оказался рядом с Мелитоном Варламовичем. Заметив меня, своего партнера по игре в домино, Кантария улыбнулся:

– А вы из какой газеты?

Я назвал. Мой собеседник обрадовался:

– Я тоже, понимаешь, работал на стройке. Очень это мирная профессия.

Разговорились. Поинтересовался, не встречался ли Кантария на Эльбе с союзниками.

– Как же, вот как с тобой с ними общался. Правда, при помощи, значит, жестикуляций, улыбок да похлопывания друг друга по плечам. Американцы угощали сигаретами, а кто не курил, тому совали свою жвачку. Хорошие были ребята. Даже довелось попробовать их виски.

Естественно, за время ужина «сто фронтowych граммов» повторились не раз. Помянули и тех, кто не вернулся с полей войны, – как и повелось испокон веков на Руси-матушке.

4 мая 2011 г.

ЗВЕЗДЫ СССР НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Журналист вспоминает, как гостили в нашем регионе популярные советские актеры

Жаров и тигр

Было это в конце 60-х годов. Будучи в Хабаровске в командировке, мне удалось найти свободное место в гостинице «Дальний Восток». Через пару дней среди постояльцев прошел слух, что у нас в гостинице поселился киноактер Михаил Жаров. Слух подтвердился: действительно, администрация Хабаровского театра пригласила на несколько спектаклей популярного советского актера. Насколько помню, Михаил Жаров был занят в главной роли в одной из пьес Антона Павловича Чехова.

И вот однажды вечером, сидя в холле гостиницы и взирая на экран телевизора, мы вдруг услышали уж больно знакомый голос. Он доносился от стойки администратора. Оглянулись – и увидели живого, словно только что сошедшего с экрана, Михаила Жарова.

Была поздняя осень, и актер, отыгравший в спектакле, любезничал с симпатичной администраторшей.

До нас доносились фразы типа: «Да что вы говорите, неужели? Прямо как меня видели? Ай-яй-яй, с трудом, понимаете, верится...»

Взяв ключи от номера, Михаил Жаров через холл отправился к лестнице. Увидев нас, сидящих у телевизора и обративших на него внимание, актер поздоровался и подошел поближе.

– Вот тут сейчас администратор удивительный случай поведала. Оказывается, эта симпатичная девица видела в тайге тигра. И так близко, говорит, что было видно, как с его усов капала вода, которую он пил из речки. Страсти какие у вас тут...

Говоря все это, Михаил Жаров потирал ладони, дул на них. Чувствовалось, что мороз на улице был нешуточный.

– А кто из вас, товарищи дальневосточники, тоже видел это страшилище – тигра? – обратился к нам актер.

– Я, товарищ Жаров, – ответил сидевший с нами майор.

– Да что вы говорите? – с характерной жаровской хрипотцой удивился актер. – И близко он от вас был?

– Да метра два.

– Да что вы? Ай-яй-яй, жуть прямо берет, – искренне удивился актер и добавил: – Видать, вы дешево отделались?

– Да, – подтвердил майор, встреча обошлась всего в рубль.

– Как в рубль? – не понял Жаров.

– Да так, – пояснил майор, – столько я заплатил за билет в зоопарк.

После короткой паузы раздался взрывоподобный смех. Заразительней всех смеялся артист, приговаривая при этом: «Ну и учудил ты, майор, чуть не до слез довел старика». Михаил Иванович платком вытер глаза, пожелал всем спокойной ночи и стал неторопливо, держась за перила, подниматься на свой этаж.

Звезда в осаде

Было это все еще во времена Хрущева. Однажды Владивосток был обклеен афишами, извещавшими о приезде в город с концертами популярного в то время актера Сергея Гурзо. Он уже снялся в таких фильмах, как «Молодая гвардия», «Смелые люди» и ряде других, как сейчас говорят, блокбастеров.

Следует сказать, что в то время Владивосток испытывал голод на встречи со знаменитыми деятелями искусств и эстрады. Естественно, билеты были вмиг раскуплены. А первый концерт состоялся в краевом драматическом театре им. Максима Горького.

И вот после концерта, когда Сергей Гурзо собрался выходить из театра через служебный ход, уполномоченный по организации концертов Приморской филармонии попросил актера повременить. Дело в том, что у входов в театр, в том числе и у служебного, собралось немало почитательниц популярного актера. А посему надо было переждать их наплыв...

Делать нечего, пришлось Сергею Гурзо подчиниться. Он уселся на диван, достал коробку «Казбека», предложил закурить находившимся здесь людям – в основном рабочим сцены и осветителям. Изредка в комнату отдыха заходил уполномоченный и докладывал: осада еще не снята! Актер вздыхал, потихоньку чертыхался: «От этих поклонниц жизни просто нет!». Вскоре коробка папирос уменьшилась наполовину. Наконец, вновь появился уполномоченный и сообщил, что он вызвал машину, можно идти. «Вот такая у нас, актеров, незавидная жизнь, мужики, собой распоряжаться не можем», – сказал Гурзо, вставая с дивана. Взял букет цветов, врученный ему после концерта, и, заметно прихрамывая (фронтное ранение), направился к выходу.

Каково же было удивление актера, когда вместо такси он увидел поливочную машину с работающим мотором. Ушлый представитель филармонии договорился с водителем, подогнал «поливальку» по тротуару вплотную к подъезду, поэтому девушкам пришлось отойти от театральных дверей в сторону. Дверца машины была открыта. Актер, не мешкая, уселся в кабину, резко захлопнул дверцу.

Кто-то из толпы поклонниц все же углядел кинозвезду, и все кинулись к машине. Но водитель был малый не промах: включил поливальную установку, струи воды стали доставать девушек, и те кинулись врассыпную.

У подъезда гостиницы «Челюскин» было в этот поздний час пусто. Стрелки часов в вестибюле гостиницы показывали почти 24 часа. «Спасибо, друг! – вылезая из машины, поблагодарил водителя Сергей Гурзо. Тот попросил у него автограф, протянув за неимением подходящего свои водительские права. – Зачем их портить моими каракулями? Ты лучше приходи вечером к Дому офицеров флота, я тебя бесплатно проведу на свой концерт». «Может, машину мне подогнать, спасти вас от девчат?» – заулыбался водитель. «Не надо, – ответил актер, – я все-таки в армейской разведке служил, как-нибудь прорвусь!». И Сергей Гурзо, прихрамывая, пошел в свой номер.

Крючков тряхнул стариной

Начало 60-х годов. В Приморье для встреч со зрителями прилетел Николай Крючков. Актер выступал во многих залах краевого центра, в том числе и в театре им. Максима Горького.

На один из его концертов в театр пришла целая воинская часть. Выйдя на сцену, актер предупредил зрителей, что, будучи в Хабаровске, он простудился и это сказалось на его голосе, поэтому он просит извинения у зрителей.

И вдруг с галерки выкрик:

– Видимо, попробовали нашего «сучкомицина», а от него всегда хрипишь. – Так тогда в народе называли один из сортов водки.

К солдату, так непотребно ведущему себя в общественном месте, тут же кинулся офицер и вывел его из зала. Естественно, среди зрителей раздались смешки. Крючков слегка кашлянул и продолжил свое выступление как ни в чем не бывало.

Кроме концертов в городе у актера были выступления и в воинских частях. В одной из них – а было это у танкистов – после концерта Николаю Афанасьевичу задали вопрос: «Вот вы в ряде

фильмов играете танкистов, а смогли бы сейчас управлять танком?». Актер не растерялся, лишь только уточнил тип танка, которым ему доверят управлять.

Не успел гость подойти к боксу с техникой, как оттуда неожиданно громко грянула популярная киношная песня:

*Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход.
Когда нас в бой пошлет товарищ...
И главный маршал в бой нас поведет!*

Крючков вздрогнул от такой неожиданности, остановился, затем расплылся в улыбке, словно говоря: ну вы даете, так можно и зайкой сделаться! Актера подвели к «Т-34». Крючков скинул свой плащ, передал на руки рядом стоящему солдату, поднялся на машину. В танк вместе с ним для страховки сел офицер.

Вскоре заурчал мотор «тридцатьчетверки», и, постреливая выхлопными газами, танк как-то нерешительно, рывками стал выползать из танкового бокса.

Сделав по территории части «круг почета», машина остановилась. Крючков спрыгнул на землю, снял шлем, поправил прическу и сказал донельзя довольный:

– Есть еще, как говорится, порох в пороховницах... Ведь столько лет прошло после моих «танковых» фильмов, а навыки остались. Спасибо вам, товарищи танкисты! Проехал сейчас вот на этом «железном коне» и вспомнил свои молодые годы... Эх, улетели они, как птицы на зиму в теплые страны. Но птицы по весне вновь вернуться, а вот годы наши...

В это время над головами собравшихся пролетел самолет – тихоходный, чем-то даже напоминающий наш знаменитый «кукурузник». И тут раздался вопрос Крючкову: мол, в «Небесном тихоходе» вы летчика играли, а сейчас смогли бы управлять самолетом?

– Нет, ребята, в этом фильме летали настоящие летчики. А я «летал» при помощи комбинированных съемок. На летчика, как на тракториста или шофера, за 3-4 месяца не выучишься. Профессия уж больно сложная.

Актера пригласили в офицерскую столовую поужинать. Естественно, ужин был не «на сухую», а с традиционными стаграммами фронтовых. На дворе было еще светло, и напоследок танкисты сфотографировались со знаменитым актером на фоне «Т-34», которым он только что управлял.

25 августа 2010 г.

ПО СТРАНЕ НА НАРАХ

Эта контора существовала какое-то время и после развала Союза. Называлась она кратко – «Дальрыбсбыт». Сотни, если не тысячи жителей края и краевого центра, поработали в этом учреждении на благо рыбной отрасли Дальнего Востока.

Работа была несложной: оформлялся в отделе кадров на должность проводника грузового вагона, докеры Владивостокского рыбного порта загружали твой вагон консервами, портовые плотники сооружали в нем нары – поверх ящиков с рыбопродукцией, затем ставили печку-буржуйку. На первое время подбрасывали тебе немножко угля, дровишек, и – в путь-дорогу в западные регионы Страны Советов. Много маршрутов было на север и юг. Были рейсы и за рубеж. Правда, на государственной границе ты сдавал вагон под пломбу, оформлял соответствующую бумагу и мог возвращаться домой уже как человек, сбросив робу, облачившись в цивильную одежду, и в пассажирском поезде.

Автору довелось поехать по нашей необъятной державе в качестве сопровождающего грузы четыре сезона. Как журналисту, мне эти поездки давали многое. Побывал в Москве, Гомеле, Брянске, Омске, Ашхабаде, Ташкенте, Алма-Ате, на целинных землях в поселке Бреды (Казахстан). Причем в Узбекистане побывал дважды, посетил знаменитые восточные базары.

В поездках нас было двое – таков был порядок. Естественно, в каждом маршруте был новый человек. Среди них были пенсионеры, инженеры, был даже бывший директор средней школы. Попадались и люди с вредными, как теперь говорят, привычками: чрезмерно злоупотребляющие спиртным. Такие поездки просто изматывали. Приходилось следить не столько за грузом – его стоимость порой переваливала чуть ли не за миллион рублей, – сколько за напарником. В поддатом виде человек мог на ходу вывалиться из вагона, упасть на горячую «буржуйку», отстать от эшелона. Догоняя свой состав на пассажирских поездах, отставший проводник своим видом сильно смахивал на обитателя мест не столь отдаленных.

А каково было его напарнику, который места себе не находил, думая черт знает что...

Одним словом, приключений в таких поездках было немало, как курьезных, так и печальных. Некоторые сопровождающие

находились в вагоне в единственном числе. Причины разные: не было напарника, а вагон нельзя было держать загруженным, или не устраивал по причине чрезмерной любви к Бахусу. И человек отправлялся в поездку один. В одном из таких маршрутов сопровождающий был обнаружен убитым, часть продукции похищенной. Конечно, это было нетипично, но все же в поездке приходилось быть осторожным, особенно когда на какой-нибудь станции к тебе просились пассажирами местные жители: мол, до следующей станции.

Вспоминается былое. Ночь. Сибирская глухомань, забытый богом полустанок, заглядывающие в вагон мужицкие опухшие от самогонки физиономии с просьбой подвезти до следующей станции. Нет, как говорится, пронеси и помилуй! Не брали мы таких от греха подальше. Из множества инструкций, данных нам перед поездкой, эту мы соблюдали неукоснительно.

С 1972 по 1975 год довелось поколесить с «дарами моря» по стране. Денег от них имел меньше, чем впечатлений. За тридцать с лишним лет многое уже подзабылось, но некоторые поездки живы в памяти до сих пор. Маршрут одной из таких пролегал в Белоруссию.

Эшелон пересек административную границу братской республики, и через пару дней мы прибыли к месту назначения где-то в районе Гомеля. Маневровый паровоз затащил нас на территорию, огороженную колючей проволокой. Это была одна из баз Госрезерва СССР. Охрана проверила наши документы, и возле одного из громадных складов началась разгрузка доставленной нами продукции. Автокары деловито сновали между вагоном и складом. Сложилось впечатление, что наши ящики никто даже не считает. Грузчики набивали поддоны, автокарщик отвозил их в склад. Мой напарник находился там с карандашом в руках. «Все в порядке», – сказал кладовщик, когда последний поддон уплыл в ненасытное чрево хранилища. Здесь же, при складе, была конторка, где нам оформили все необходимые бумаги.

– А один ящик у вас лишний, – вдруг ошарашил нас своей репликой заведующий складом. – Если с собой его не берете, отдадим грузчикам. Как?

Я невольно посмотрел на своего напарника Егорыча. На его заросшем щетиной лице читались досада, удивление, он словно хотел выдохнуть свою традиционную фразу: «Мать твою!» Но сдержался и лишь махнул рукой:

– Отдавайте...

Я прекрасно понимал досаду своего напарника: несколько сот рублей уплыли от него – так просто, коту под хвост.

Завскладом предложил нам помыться в душе при хранилище. Все свои причиндалы мы оставили в его конторке и пошли смывать с себя почти двухнедельную грязь, в основном от топки «буржуйки».

Вернувшись из душа, глазам своим не поверили. Стол в конторке был накрыт дефицитным закусоном, а посреди него стояла двухлитровая банка с зеленой этикеткой, на которой было написано «Томаты» на фоне двух красных помидоров. Завскладом был без шапки и, потирая руки, весело приговаривал:

– Ну что, мужики, одолеем две тысячи граммов, ведь дальневосточники крепкие ребята, не так ли?

– Вот не ожидали, – только и промямлил Егорыч, – даже как-то не готовы, можно сказать, к сей трапезе.

– После баньки в самый раз, – суетясь у стола, приговаривал хозяин склада.

– Сейчас Федя поднесет картошечки, как же без нее. Вы не можете жить без рыбы, а мы – без бульбы. А ежели все это объединить, – мировая закуска!

Действительно, закуска на столе была мировая: сухая колбаса, сыр, зеленый горошек, селедочка, белый душистый хлеб. Минут через пять появился и Федя с кастрюлей картошки в руках и кобурой на поясе. Познакомились. Федор был старшим охранником, свою смену уже отстоял, осталось только сдать оружие и топать до дому.

Выпили по первой, по второй, по третьей. Спирт был первоклассный, разбавляли его водой, причем не водопроводной, а колодезной.

– В нашей системе все свое, – очищая селедку, объяснял завскладом. – Ди-зель-генератор, бомбоубежище, колодец... Полная автономность, от города независимы.

– Весь харч, что мы охраняем, приготовлен на случай войны, можно сказать, – вступил в разговор старший охранник. – А так как третьей мировой и не пахнет пока, продукты периодически меняются, отвозятся в торговую сеть, а мы получаем новые.

– Богато тут у вас-то, – подал свой голос Егорыч. – Я нынче в складе столько добра видел, а в магазинах ни хрена этого нет.

– И вряд ли когда будет, – разливая спирт, поддержал разговор хозяин кабинета. – Сперва все это идет в армию да на всякую интернациональную помощь, далее на ЧП еще разные, типа землетрясений, другие стихийные проявления. Вот так-то, мужики... Считайте, что сегодня идет война, вот мы, значит, и достали свой НЗ, – рассмеялся завскладом.

Я обратил его внимание на то, что, как мне показалось, они совсем не считали наши ящики.

– А зачем их считать, – откровенничал завскладом. – Бывает, за день мы обрабатываем до десятка вагонов. Приходят даже из-за рубежа. Добра здесь тысячи тонн, есть процент на списание. Крысы там сожрали, подморозило слегка продукт, банки при укладке на стеллажи побились. И всю эту прорву списанного харча мы в жизнь сами не сожрем.

– Ну, а спирт, т-того, не пор-ртится в-ведь, к-как его-то с-списывае-ете? – подал голос захмелевший Егорыч. – Ведь крысы-то е-его не тово, не ж-жрут?

– Н-наши к-рысы, – проговорил завскладом, посмотрев почему-то на Федора, – ж-жрут у-усе.

– Они, к-как это п-пишут н-ныне, м-мутанты у-у нас, – с усиленным выговорил старший охранник.

К вечеру мы тоже были, можно сказать, мутантами. Только подумать – почти два литра ректификата на четверых. В общем, остались ночевать в конторке при складе все вместе. Спали где попало, а Федор зачем-то открыл тумбочку стола, влез туда с головой до плеч и так провел отведенное для сна время. Ночью разрывался телефон, кто-то, кажется завскладом, кое-как добрался до него, снял трубку, и я лишь услышал от него фразу: «Слу-слушаю». Затем раздался грохот упавшего стула, и лишь только зуммер продолжал жалобно пиликать. Хозяин кабинета до утра проспал с прижатой к щеке трубкой. Как выяснилось утром, звонила его жена.

Едва начало светать, как завскладом разбудил всех, начал суетиться, наводить в кабинете порядок. Старший охранник, проснувшись, первым делом схватился за свою кобуру – наган был на месте. В кабинете стоял такой духан, что я был бы рад вновь очутиться в своем товарном вагоне.

В этот же день к обеду мы и впрямь очутились в вагоне, но пассажирского поезда, который повез нас до Москвы, где нам предстояла пересадка на экспресс «Москва-Владивосток». Всю

дорогу до столицы мой напарник Егорыч был мрачен, и лишь когда у проходящего по вагону разносчика пива мы взяли пару бутылок, мой напарник оживился и, видимо, вспоминая прошедшее застолье, проговорил:

– Живут же бульбаки...

– Кто-кто? – переспросил я.

– Ну как кто – братья наши славянские, белорусы. Большие любители бульбы. Я думал раньше: они в основном одну картошку жуют, а вчера мы с тобой видели, что они ели. Какой-то занюханный кладовщик ест то, что подается только где-нибудь в кремлевской столовке. На халяву лопают сам да еще, как пить дать, и домой тащит. А на крыс списывают. Мутанты, говорит, потому и спирт лакают. Это ж где скажи такое, засмеют, чокнутый, скажут.

Егор Егорович еще долго не мог успокоиться. Я его уже мало слушал, смотрел в запотевшее оконное окно и предвкушал скорую встречу со столицей.

8 августа 2013 г.

ИНОМАРКА ПОБЕДНОГО 45-го

Былое

Считается, что иностранные автомашины (иномарки – это наших дней орфография) начали появляться на улицах Владивостока с начала 1990-х годов, но это не так. Массово первые легковые и грузовые машины забегали по улицам краевого центра и дорогам края в начале лета 45-го. День и ночь к нам шли воинские эшелоны с демобилизованными воинами, и чуть ли не в каждом из них были открытые платформы, заставленные в основном трофейными автомашинами. Тогда слово «трофеи» было в ходу. Немного отвлекшись от заданной темы, напомним, что сразу после окончания Второй мировой войны в городских кинотеатрах начали демонстрироваться кинофильмы, в титрах которых значилось: «Фильм взят Советской Армией в качестве трофея». И, надо сказать, картины эти вызывали у горожан небывалый интерес – очереди у кинотеатров не исчезали с утра до вечера: ведь до войны ничего подобного на наших экранах не было.

Но вернемся к тогдашним иномаркам. У стоявших вдоль улиц машин собирались толпы горожан, которые, кроме «полуторок», «трехтонок» и «эмок», ничего подобного раньше не видели. Первыми во Владивостоке появились машины американские. В основном это были «студебекеры», «доджи», «виллисы» и «шевроле». У их водителей вскоре появилась проблема, созданная городскими мальчишками. В кабинах американских машин находились противопожарные насосы-огнетушители величиной с винную бутылку емкостью 0,8, наполненные специальной пеной. Пацаны вскоре это разнюхали, и началось, правильно догадались, повальное их хищение. Пацаны набирали в них воду и, затаившись в подворотне, поливали из них девчат.

У водителей «виллисов» была другая проблема. В теплое время года эти машины эксплуатировались без брезентового верха. Пацаны, уловив минуту, когда водитель куда-нибудь уходил, садились за руль и, нажимая на стартер, «катались», сядя при этом аккумулятор. Иномарки удивляли местных автомобилистов и горожан и такой деталью. Если водитель советской машины перед тем, как повернуть налево, открывал дверцу, а если направо – поднимал высунутую руку над кабиной и сгибал ее буквой «Г», то на

иномарках подобный ручной семафор отсутствовал и их водители пользовались световой сигнализацией: справа и слева были укреплены светильники – поворотники. Это, а также включение мотора не при помощи заводной ручки, а стартером, огнетушитель в кабине, аптечка в бардачке, а на некоторых машинах и приемники – все это было в новинку нашим людям, и некоторые обыватели, осматривая заокеанские машины, глубокомысленно изрекали: «На, Америка, куда нам до них...»

По официальным данным, всего по ленд-лизу в нашу страну было поставлено свыше 375 с лишним тысяч машин грузовых, джипов и вездеходов – свыше 51 тысячи. Красная Армия почти полностью была укомплектована заокеанскими грузовиками.

С их эксплуатацией во Владивостоке порой происходили курьезные случаи. Вот эпизод с натуры. Перекресток улиц Ленинской и 25 Октября – ныне Светланской с Алеутской. Появляется «студебекер» и поворачивает на Набережную. Внезапно раздаётся свисток милиционера-орудовца (отдел регулирования уличного движения). Машина останавливается. Подходит постовой и грозно вопрошает: «Товарищ водитель, почему не подаете сигнал поворота?» Водитель, усмехнувшись, спокойно объясняет, что он включил правый светильник – поворотник. Так что все по правилам он сделал... Убедившись в этом, сконфуженный орудовец что-то бормочет про себя и машет жезлом: «Езжай!»

В 1949 году нас, школьников младших классов 59-й начальной школы, посадили в «студебекер» и собрались везти на Первомайскую демонстрацию. Водитель включил было двигатель и собрался выезжать со школьного двора, как внезапно пошел сильный мокрый снег. Прошло пять минут, десять. Снег не прекращался, стало холодно. И тогда директор школы отменила поездку. Пришлось нам отправляться по домам. А жаль! В этот праздничный день нам так хотелось прокатиться по городу на красочно оформленной по этому случаю машине.

В том же году летом довелось прокатиться на машине, правда, уже на нашей. Родители отвезли нас с братом к бабушке в деревню, где мы и увидели наше русское, как сейчас говорят, «ноу-хау». В местном колхозе была пара машин, в кузове которых стояло что-то вроде домашних титанов, это сооружение топилось дровами. Часть кузова возле кабины была огорожена досками, и в этом закутке они складировались. И вот пылит эта трехтонка по дороге и

дымит что паровоз. Однажды водитель такой машины согласился подбросить нас с деревенскими пацанами до речки покататься. От этого «титана» несло таким жаром, что пацаны старались держаться от него подальше. Так мы прокатились на газогенераторной машине.

Бывшие фронтовики и рассказывали нам, что в Европе подобных машин они не видели. Жаль, что в те времена не существовало Книги рекордов Гиннеса – уж эта трехтонка скорее всего попала бы в этот всемирный талмуд.

Затем, к середине лета, в городе стали появляться машины поверженного рейха. Запомнились легковушки «опель-капитан», «опель-адмирал», «опель-блиц», «векдерер», «Майбах». Последняя выпускалась и в бронированном виде. В фильме «Семнадцать мгновений весны» есть эпизод, когда легендарный Штирлиц приходит на встречу с партайгеноссе Борманом, который в ожидании его находился именно в бронированном «Майбахе». А наш разведчик ездил на «хорьхе», но тоже не совсем обычном, а с усиленным мотором.

Наступил сентябрь 1945 года. Во Владивостоке начали появляться машины японские, также взятые в качестве трофеев после разгрома Квантунской армии и капитуляции империалистической Японии. По внешнему виду и внутреннему дизайну они уступали машинам немецким и не так уж привлекали к себе внимание. Сравнение довоенного японского автопрома с нынешним – это небо и земля. Их нынешние машины стали изящными, с мощными моторами, ничем не напоминающими те трофейные машины сентября сорок пятого года.

По данным открытой печати, к началу Второй мировой войны автопромом страны Восходящего солнца было выпущено семнадцать с лишним тысяч грузовых машин и всего лишь 1150 легковых. В ходе маньчжурских боев нашим войскам доставались в качестве трофеев не только японские авто, но даже итальянские грузовые «фиаты». Это могло свидетельствовать лишь об одном: своих, отечественных, машин императорской армии явно не хватало, и приходилось заимствовать их у коллег по оси Берлин–Рим–Токио.

Если немецкие и японские авто достались Советскому Союзу в качестве трофеев Красной Армии, то американская автотехника поступала к нам по ленд-лизу. Американские машины бегали по дорогам Владивостока и Приморья почти до 60-х годов прошлого

столетия. Имелись они в наличии и в колхозах, помогая в основном гужевому нашему транспорту в уборке урожая. Ветераны ба-ранки положительно отзывались о ленд-лизовой автотехнике, отмечая их добротные моторы, устойчивую ходовую часть, легкость в управлении. С годами их матчасть, естественно, изнашивалась, запчастей не было. Народные умельцы кое-как приспособивали наши запчасти. Какое-то время эта техника еще работала, но время брало свое, и заокеанские машины стали заменять отечественными. Но это уже другая тема. А про ту уместно напомнить слова советского министра торговли тех лет Анастаса Ивановича Микояна:

«Если бы не ленд-лиз, неизвестно еще, чем бы война для нас закончилась...» Ленд-лиз – это не только авто, прежде всего – это продовольствие, самолеты и многое-многое другое...

7 сентября 2013 г.

ХАЙЛЬ, РЯБЧИК!

Былое

В конце пятидесятых годов наша бригада слесарей по ремонту судовых машин и механизмов, где я тогда работал, получила задание отремонтировать брашпиль на судне «Горняк». Пароход этот, взятый в конце войны у Германии в качестве трофея, был плавбазой немецких подводников. Естественно, старая надпись на его борту была стерта, и стал он носить название русское.

Корпус судна удивлял ремонтников. Несмотря на солидный возраст корабля, борта его, палуба, внутренние переборки почти не поддались коррозии. Объяснить это можно было только одним: высококачественной крупновской сталью.

Как эта фашистская плавбаза очутилась у нас на Дальнем Востоке – одному богу известно. Пароход был большой. В просторных судовых помещениях еще остались полуразрушенные фундаменты под токарные, фрезерные, сверлильные и шлифовальные станки, но ни одного станка не оказалось – только к фундаментам тянулись провода для их подключения к оборудованию цехов.

Предприятие, где работала наша бригада, именовалось судоремонтным заводом Министерства обороны СССР и находилось в самом центре Владивостока. Завод имел большой плавучий док, где и стоял наш «Горняк».

Надо сказать, что брашпиль прилично проржавел, и многие его детали приходилось снимать и доставлять в наш механической цех. Легко сказать, доставлять... Некоторые из них весили пятьдесят и более килограммов. Но главное – крепящие их гайки еще надо было отдать, то есть отвинтить. Не одно зубило пришлось затупить, не один палец разбить до крови, пока мы отдали все проржавевшие гайки.

Далее снятые детали необходимо было доставить в наш цех. Док имел несколько лестничных пролетов. На себе мы эти железяки тащили на понтонный причал. Пока минуешь все лестничные пролеты – язык высунешь. На понтоне, который в большую волну в бухте Золотой Рог раскачивался, мы бросали эти трофейные железяки в тачку и, балансируя на ходуном ходящей палубе понтона, везли свою поклажу в цех, где уже у верстаков мастер с бригадиром оценивал доставленное – стоит их ремонтировать или поставить на брашпиль новые детали.

Нашей бригадой руководил опытный бригадир Лавриненко. К сожалению, имя и отчество его подзабылись, помню только, что был это худощавый, немногословный кадровый рабочий, ветеран завода. Еще помнится, что жил он за городом, в дачной местности, на работу добирался «чугункой» – так тогда в народе именовали пригородные поезда.

Как сейчас помню: стоишь у верстака, шуруешь напильником поверхность доставленной в цех детали. Подходит бригадир, молча посмотрит на твои манипуляции с напильником и скажет хриплым голосом только одно слово: «Дай-ка!» Берет у меня из рук напильник и действует им, словно скрипач смычком: мастерски, ни одного лишнего движения. Металл на глазах начинает стремительно блестеть. Да, ничего не скажешь, виртуоз своего дела! Причем никогда не услышишь от него матерного слова. Полдень. Двенадцать часов. Заводскую территорию оглашает традиционный гудок – святое время обеда. В столовку тогда мало кто ходил, харч приносили с собой в стеклянных банках. В раздевалке стояли столы, люди, доставши свои нехитрые узелки с обедом, торопливо утоляли голод. Запивали еду кипяченой водичкой из стоявшего тут же бачка. Подзакусив, люди выходили на свежий воздух покурить, некоторые, сгруппировавшись, начинали забивать традиционного козла. Столы были покрыты цинком, и до конца обеденного перерыва раздевалку оглашал стук костяшек домино, сопровождаемый порой крепкими словечками.

В шестидесятых годах, когда появилась знаменитая в то время песня «Домино», каждый раз, когда она звучала по радио или с патефонной пластинки, невольно вспоминался завод, обеденный перерыв и стук костяшек об оцинкованную поверхность стола.

Но я несколько отвлекся. В нашем цехе подсобным рабочим трудился парень высокого роста. Звали его Федей. Все считали, что он немножко не в себе. Когда надо было какую-то тяжелую деталь доставить из дока в цех, этот Федя, прижав ее к груди, тащил на себе, хотя рядом на понтоне постоянно стояли тачки.

Когда кто-то из рабочих говорил ему, зачем, мол, так надрываться, положи в тачку и вези, Федя обычно объяснял: «Ничего, донесу, надо ить порожнюю тачку потом обратно катить на понтон». Рабочие смеялись, чертыхались, говоря ему, что он пупок надорвет. Но Федя лишь бросал в ответ: «Ничего!» А надо сказать, что путь от дока до цеха составлял не менее трехсот метров. В конце концов люди привыкли к причудам Федора и махнули на него рукой.

Однажды с утра Федя куда-то исчез. Для подсобника поднабежало работы: отнести то, принести это, складировать привезенные в цех металлические заготовки. А Феде все нет и нет. Старший мастер чертыхается, прибежал начальник цеха. Спрашивают нас, не видел ли кто его. Все пожимают плечами, разводят руками: а черт его знает, где он запропастился?

Но вот прогудел заводской гудок – обед. И тут все мы увидели Федю и... обалдели. Подсобник появился в цехе, а его голову украшала немецкая офицерская фуражка с высокой тульей и фашистской свастикой. Федя небрежно подошел к одному из верстаков, где в это время стоял ученик слесаря Коля Рябчиков, вскинул правую руку вперед и рывкнул:

– Хайль, Рябчик!

На лице Феде было написано такое выражение превосходства над всеми нами, что мы в первую минуту, разинув рты, взирали на нашего подсобника не в силах что-либо сказать – до того это было неожиданно и невероятно.

Первым опомнился старший мастер Зотов, бывший фронтовик. Он с какой-то опаской подошел к Федору, потрогал околышек фуражки, затем в сердцах плюнул и выдохнул: «Где ты взял эту хреновину?» Старший мастер сорвал с Феде фуражку, бросил ее наземь, и она оказалась у ног начальника цеха. Тот поднял ее, повертел в руках, хотел сорвать с нее фашистскую свастику, но она не поддавалась, сидела крепко. «Где ты ее взял?» – вытаращил начальник цеха глаза на подсобника.

– А тама, в трюме, их цельный ящик, – указал Федя в сторону дока. Все начальство цеха и примкнувший к нему секретарь цеховой парторганизации торопливо зашагали в сторону плавдока. Поднявшись на «Горняк», руководство цеха спустилось в окутанный сыростью, холодный, с едва пробивавшимся в него дневным светом трюм. Федя подвел всех к куче мусора, где лежал грязный, полузасыпанный всяким хламом ящик темно-зеленого цвета с уже открытым верхом, под завязку набитый аккуратно уложенными офицерскими фуражками Третьего рейха. Люди торопливо стали чиркать спичками, пытаясь получше рассмотреть содержимое ящика. На нем местами еще сохранился готический шрифт черного цвета.

Удивительно, но за столько лет, прошедших после окончания войны, головные уборы немецких подводников хорошо сохранились. При помощи веревки ящик достали из трюма, с трудом

проводами его по доковым лестницам и вытащили на понтон. Ящик уже взгромоздили на тачку, собираясь везти его в цех, как внезапно старший мастер Зотов бросился обратно в док. Там, под днищем «Горняка», двое судокорпусников очищали дно судна от ракушек. На голове у каждого молодого рабочего возвышалась злополучная фуражка. Зотов с матюгами сорвал их с парней.

После обеда в наш цех заявили представители райкома партии и госбезопасности. Они посетили «Горняк», с фонариками тщательно обследовали все его помещения. При осмотре ящика с находкой прибывшие обратили внимание заводчан на то, что с верхнего ряда фуражек несколько их штук было взято. Федя подтвердил: да, верхний ряд был уложен головными уборами полностью, значит, сказал Федя, кто-то уже побывал здесь после него.

Прибывшие товарищи прошлись по цехам завода, побывали на ремонтируемых судах, попросили рабочих открыть свои шкафчики с одеждой. Но и там ничего не нашли. В конце концов ящик с находкой погрузили в грузовик и увезли.

Но на этом ЧП описываемого дня на заводе не закончилось. Как только ящик с фуражками увезли и руководство цеха с облегчением вздохнуло, на завод на мотоцикле с коляской приехала милиция. В его люльке восседал чумазый паренек, практикант ремесленного училища. Со слов милиционеров, практиканта задержали, когда он, напив на голову фуражку, направлялся к лотку с пирожками, которыми ежедневно торговали возле проходной завода.

Так что с увозом злополучного ящика наше начальство с облегчением вздохнуло преждевременно. А из-за находки в трюме «Горняка» в следующее воскресенье на заводе был проведен воскресник. Мы прошерстили все трюмы злополучного судна с целью отыскать еще какие-нибудь атрибуты минувшей войны. К радости начальства, больше ничего фашистского не нашли. А вот мы, откровенно говоря, радости не ощущали: пропало полдня единственного выходного в неделю. Ведь в то время он выпадал только на воскресенье.

А наш Федя, оказывается, припрятал еще одну фуражку и опять водрузил ее на свою бесшабашную голову. Правда, предварительно сорвав с нее фашистскую свастику и лакированный козырек. И получилось у него что-то вроде берета. Что поделаешь, человек был с причудами, а в общем-то парень безобидный.

20 декабря 2013 г.

Михаил Ульянов: «ЖЕЛАЮ ВАМ СВЕТЛЫХ ДНЕЙ...»

В конце сентября в Санкт-Петербурге отметили сразу два события: 79-й день рождения Олега Басилашвили и начало заключительного этапа реставрации Большого драматического театра имени Товстоногова. Участником этого события был и министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский, который, заметно волнуясь, заявил: «Я никогда и представить себе не мог, что так запросто буду стоять рядом с Олегом Басилашвили...»

Прочитав отчет об этом событии в «Российской газете», я вспомнил, как нечто подобное однажды испытал и я.

Середина восьмидесятых годов. В моем родном городе Владивостоке проходили гастроли Московского академического театра имени Евгения Вахтангова. Тогда по заданию главной редакции информации Приморского радио (я в то время работал там редактором) мне предстояло встретиться и взять интервью у народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Михаила Александровича Ульянова.

Узнав у администратора гостиницы телефон номера, где остановился знаменитый артист, я прямо с утра позвонил актеру. Телефон не отвечал. Лишь только на третий день гастролей московского театра Михаил Ульянов взял трубку. Без лишних слов мы с ним договорились о встрече. Ульянов лишь попросил меня подготовить вопросы, которые меня интересуют, и отпечатать их, чтобы ему легче было сориентироваться.

Дело в том, что встречу мне Ульянов назначил в театре имени М. Горького, где в то время проходили гастроли. Мне предстояло во время антракта успеть взять интервью у актера. Чувствуя себя профаном в проблемах современного советского театра, я обратился за консультацией к Вадиму Яновичу Мялку, народному артисту РСФСР, актеру Приморского краевого драматического театра имени Максима Горького, который в то время подрабатывал на радио режиссером. С помощью мэтра приморской сцены мы набросали для интервью вопросы, которые я быстренько отпечатал на машинке.

В этот же день вечером, взяв «Репортер» – корреспондентский магнитофон советского производства, я с понятным волнением отправился в новое здание театра им. Горького. В тот вечер

игралась пьеса Корнейчука «Фронт». Естественно, перед началом спектакля ни о каком интервью не могло быть и речи: актеры настраивались на свои роли и ни о чем другом не могли перед выходом на сцену и думать.

Я скромно присел по соседству с театральным вахтером и стал ожидать антракта. Наконец бурные аплодисменты зрительного зала возвестили об окончании первого акта спектакля. Отправился за кулисы. Двери многих гримуборных были открыты. Я робко заглядывал в них, надеясь увидеть М. Ульянова. В это время мимо проходил Василий Лановой. Спросил его, как мне найти Ульянова. «Мы с ним вместе в одной гримерной, – ответил он, – идемте со мной». По пути встретили Ушакова, исполнителя главной роли в спектакле «Свадьба с приданым», еще ряд известных по кинофильмам актеров – за давностью лет фамилии их уже подзабылись.

Наконец, вошли в одну из гримуборных. У больших зеркал спиной ко мне сидели два генерала. За левым от меня столиком восседал Михаил Ульянов. Поздоровались. Я протянул актеру лист бумаги с моими вопросами. Актер внимательно стал просматривать их. Изредка Ульянов отрывисто бросал: «На этот вопрос не готов отвечать, на этот не буду, так как пока мне нечего сказать...»

Из десятка отпечатанных вопросов Ульянов ответил почти на половину. В моем журналистском архиве сохранилась расшифровка магнитофонной записи того памятного интервью. Ничего не меняя в нем, привожу его дословно.

– Михаил Александрович, вы впервые во Владивостоке, ваше впечатление от столицы Приморья?

– Следует сказать, что коллектив нашего театра впервые посещает Приморье, и, искренне говоря, мы рады этому, потому что край ваш интересный, слыхали мы о нем много, читали немало. Встречают нас здесь очень гостеприимно, очень радушно, внимательно. На наших спектаклях и концертах залы полны, аплодисменты очень горячи и искренни.

Правда, мы испытываем одну неудовлетворенность, жалость, что срок наших гастролей короток и мы не можем более подробно познакомиться с вашим городом.

– Ваш театр имеет славную историю. В чем вам видится преемственность традиций?

– Прежде всего, мне хочется сказать вот о чем. Наш театр – особенный театр. Наша труппа пополняется исключительно за

счет выпускников училища имени Щукина, которое уже много лет существует при театре имени Евгения Вахтангова, которое заканчивал и я 34 года тому назад. В этом мне видится слитность, так сказать, залог понимания друг друга с полуслова, исповедование одной, вахтанговской, веры. Основные заветы наших прославленных учителей мы, конечно, стремимся неукоснительно соблюдать. Это театральность, праздничность, реализм, социальность и глубина, яркость и красочность, которые завещал еще нашим учителям Евгений Багратионович Вахтангов.

– Ну, и традиционный вопрос, от которого, увы, никуда не денешься. Над какой ролью вы сейчас работаете в театре? Каковы ваши отношения с кинематографом?

– Только что в нашем театре выпущен спектакль «И дольше века длится день», поставленный по роману Чингиза Айтматова. В нем заняты все поколения актеров нашего театра. Для нас этот спектакль существен и важен, потому что роман Чингиза Айтматова – явление в нашей советской литературе, и нам хотелось бы по мере наших сил и возможностей передать все своеобразие, всю глубину и социальность этого произведения. Ну, а насколько нам это удалось, будет судить наш зритель.

Теперь что касается кино. Сейчас я снимаюсь в картине «Битва за Москву». Фильм будет выпущен на экраны нашей страны к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Параллельно с этим я работаю над документальной лентой, посвященной маршалу Георгию Константиновичу Жукову. Условное название ее – «Генерал Жуков». Весь этот фильм построен на строгой документальной основе.

– Михаил Александрович, вы играете в театре и кино как простых людей, так и известных всей стране исторических личностей. Видимо, последние роли даются нелегко?

– Да, вы правы. Играть историческое лицо, известное не только в нашей стране, но и в мире, – задача архисложная. И тут главное для актера – не сфальшивить, подчеркнуть в своем герое все его основные черты характера. Для этого приходится встречаться с теми, кто его знал, и в первую очередь с родственниками моего героя, его семьей, детально отрабатывать в процессе репетиций его повадки, особенности его характера. Кроме этого читаешь литературу о нем, выслушиваешь массу рекомендаций приглашенных консультантов. И так, по крупицам, выстраиваешь достоверный,

соответствующий историческому, образ своего героя на сцене или в кинематографе.

– Михаил Александрович, спасибо за беседу, позвольте пожелать вам от имени наших радиослушателей больших творческих удач. Ведь каждая ваша новая роль как в театре, так и в кино – это своего рода праздник для нас, зрителей.

– Большое вам спасибо за столь добрые пожелания. Хочу пожелать всем вашим слушателям, всем приморцам добрых светлых дней, здоровья, успехов в их начинаниях и, конечно же, мира, потому что он нужен всем нам всерьез и обязательно. Обязательно...

Со дня взятия этого интервью минуло более четверти века. Фильмы с участием выдающегося актера Михаила Ульянова до сих пор демонстрируются по многим телеканалам нашей страны. Как писал театральный критик Валерий Кичин в одной из центральных газет, «Михаил Ульянов был актер, которому подвластны любые краски – от высокой патетики до гротеска, от народной драмы до цирковой эксцентриады». Театр имени Вахтангова был для Ульянова неотделимой частью жизни, «вторым домом», без которого он себя просто не представлял.

С 1987 года М. Ульянов становился художественным руководителем Вахтанговского театра и занимал этот ответственный пост до конца своей жизни. Несколько десятков ролей на сцене и около 70 в кино – таков творческий итог этого всенародно любимого актера, театрального режиссера, лауреата Ленинской премии. Ныне имя Ульянова носит Омский государственный Северный театр драмы, рядом с которым в прошлом году ему был установлен памятник. У сибиряков отношение к Ульянову особое – ведь он их земляк, родом из села Бергамак Муромцевского района. Имя Михаила Александровича присвоено также одному из арктических танкеров.

Страна не забывает своих выдающихся сынов! 20 ноября Михаилу Александровичу Ульянову исполнилось бы 86 лет.

16 ноября 2013 г.

СПОРТИВНЫЕ ВЫСОТЫ КАПИТАНА

Самолет летел в Москву. Под его крылом проплывали необъятные просторы матушки-России. Александр Ткачук, задумавшись, смотрел в иллюминатор. Пейзаж внизу был хорошо знаком ему – в столицу летал уже не первый раз. После предыдущего полета почти ничего не изменилось – те же горы, тайга без конца и края. Перед мысленным взором капитана, словно в немом фильме, калейдоскопом год за годом выстраивался его жизненный путь. Школа, увлечение боксом, мореходка, получение диплома судоводителя. Далее – четвертый помощник капитана на одном из стареньких дизель-электроходов управления «Востокрыбхолодфлот». Затем следующие ступени штурманской карьеры – третий, второй помощник капитана, старпом.

И все эти долгие годы Ткачук не расставался со спортом, на различных соревнованиях завоевывая призовые места, почетные грамоты, медали. Одним словом, разрывался, как говорится, между судовым мостиком и пьедесталом спортзала. К тому моменту, когда Александр ходил уже капитаном в том же ВРХФ, за его плечами было 220 боев, звание мастера спорта СССР, тренера высшей категории, его ученики неоднократно завоевывали первенство края, зоны Дальнего Востока, России.

В те годы довелось мне работать в газете ВРХФ «За коммунистический труд», неоднократно бывал на транспортных рефрижераторах, экипажи которых возглавлял Ткачук. На одном из таких судов, дизель-электроходе «Вологда», после беседы Александр провел меня в судовой спортзал. «Зал» – это, конечно, громко сказано. Одно из вспомогательных помещений судна силами команды методом субботников было переоборудовано под спортплощадку. Базовый комитет профсоюза выделил деньги на приобретение инвентаря, моряки аккуратно разместили его в приспособленном под тренировки помещении.

В те годы многие крупные предприятия Союза проводили свои спартакиады. Не стало исключением и управление ВРХФ. Активными участниками этих спортивных праздников были моряки с судов, где капитанил Ткачук. Победителям вручались почетные грамоты, комплекты спортивной одежды, кубки.

Газета управления постоянно освещала эти баталии. Шли годы, менялись названия судов и их типы, а спортивная жизнь в их экипажах не замирала. Главным энтузиастом и тренером на спортивной стезе был сам капитан. Каждый раз, возвращаясь из рейса, Александр заходил к нам в редакцию, рассказывал, как прошло плавание. Кроме интервью с ним мы печатали и его первые литературные пробы пера – рассказы.

Как-то Ткачук позвонил мне в редакцию, сообщив, что сегодня в обеденное время к нему на судно придет киноактер Александр Михайлов, только что снявшийся в главной роли фильма «Любовь и голуби» – впоследствии народный артист РСФСР. На эту встречу капитан привел группу ребят из своей секции бокса, в основном старшекласников.

В назначенное время я был на судне. В салоне капитана уже находились Михайлов с сопровождавшими его представителями базкома, воспитанники секции бокса. Актер, кстати, бывший житель Владивостока и бывший работник плавсостава ВРХФ, отвечал на вопросы собравшихся, под гитару исполнил несколько песен. Всех участников накормили обедом, для ребят провели экскурсию по судну. Забегая вперед, скажу, что некоторые из них к окончанию школы уже имели спортивные разряды и поступили в высшее мореходное училище – в вузы их с удовольствием принимали.

В начале 70-х транспортный рефрижератор Ткачука «Чукотский берег» прибыл на ремонт в Сингапур. Тогда «лечение» здесь проходили многие суда дальневосточных рыбаков. Стоянка получилась длительной, и однажды портовые власти города-государства устроили среди стоящих в ремонте советских и иностранных судов что-то вроде международной спартакиады по легкой атлетике – по 11 видам королевы спорта. По ее итогам экипаж занял первое командное место и был награжден Почетной грамотой организаторов этих международных соревнований. А сам капитан в беге на 3 тысячи метров взял первое место. Соревнования проводились при невероятной жаре, каждое призовое место нашей команде давалось с напряжением всех моральных и физических сил. В итоге на флагштоке соревнований после их окончания был торжественно поднят

советский флаг. Местное телевидение снимало тогда нашу команду-победительницу во всех ракурсах.

Бывали по не зависящим от экипажа обстоятельствам длительные стоянки в порту приписки, в районах лова на приемке рыбопродукции добывающих и перерабатывающих судов. На простоях в экспедициях любители спорта экипажей, возглавляемых Александром, не теряли времени даром и готовились к предстоящей спартакиаде своего управления. В такие моменты судовой спортзал был постоянно наполнен моряками, спортивный инвентарь не пылился без дела. При стоянках во Владивостоке, во время своих отпусков занимался он тренерской работой в спортклубе завода «Радиоприбор», что раскинулся в бухте Диомид. А впоследствии, уже оставив море, Ткачук был назначен директором строившегося тогда спорткомплекса «Олимпиец». С этого момента он уже постоянно начал заниматься сугубо тренерской работой.

А его родное управление «Востокрыбхолодфлот», как говорится, приказало долго жить. ВРХФ, имевший на своем балансе 120 океанских судов, бороздивших все моря и океаны планеты, перестал существовать. Кстати, такая же участь постигла ТУРНИФ, ВБТРФ, Приморьрыбфлот. Развал Союза, к сожалению, коснулся и таких мощных морских монстров. Сиротливо стали выглядеть причалы Владивостокского рыбного порта, рыбацкая гавань – бухта Диомид. Все это, конечно, печально. Тысячи рыбаков, моряков остались без работы. Но такова, к сожалению, действительность современной России.

Есть у Александра и еще одна страсть – литература. За эти годы он выпустил несколько книг, уже долгое время возглавляет приморское отделение Союза писателей России. Живет активной спортивной и творческой жизнью.

Как-то спросил, не думает ли он к уже изданным книгам написать и о боксе.

– «Типа «Мексиканца» Джека Лондона я с таким мастерством напишу вряд ли, но под старость за такую книгу, видимо, возьмусь», – ответил Ткачук.

Три года назад Александр увлекся пауэрлифтингом – спортом, возникшим из упражнений, которые тяжелоатлеты

используют для увеличения результатов в основных движениях. На рубеже 50-60-х годов он начал формироваться в современном его виде. К середине 60-х были определены правила проведения соревнований и стали регулярно проводиться чемпионаты национального уровня. В ноябре 1972 года была основана Международная федерация пауэрлифтинга, через год, в ноябре 1973 года, был проведен первый чемпионат мира. А в 1980 году участие в чемпионате мира впервые приняли и женщины. Через девять лет мужской и женский чемпионаты были объединены. Тремя годами ранее был основан Всемирный конгресс пауэрлифтинга, а позже появились и другие альтернативные международные организации.

Чем же Александра увлек этот вид спорта, и комфортно ли ему уже в зрелых годах им заниматься?

– Конечно, в плане психологическом, в сравнении с боксом, этот вид спорта легче, – признается Ткачук.

– Чем легче?

– Не ждешь неожиданного удара противника как на ринге, все зависит только от тебя, от твоей физической подготовки. Этим видом спорта можно заниматься с 14 и хоть до 100 лет.

Что интересно, Александр, минуя первенство России, участвовать начал сразу в чемпионатах Европы и мира, чем, несомненно, удивил спортивную общественность края. Выступает он в весовой категории 75–82 килограмма со штангой по жиму.

Последний чемпионат мира завершился в середине августа в Курске: около 800 участников. Соревнования проходили во Дворце спорта и продолжались пять дней. От нашего края Александр был единственным участником. Его соперником в титуле чемпиона мира выступил представитель Монголии, его одноклассок. Ткачук выиграл это состязание, взяв штангу весом 102,5 килограмма – новый рекорд Европы в этой весовой категории.

Ныне Александр является пятикратным чемпионом Европы по пауэрлифтингу, в его активе 12 медалей первенства мира и Европы, он член сборной России по этому виду спорта.

Поинтересовался у него, как отразились введенные дядюшкой Сэмом санкции против нашей страны на общей атмосфере чемпионата мира.

– Абсолютно никак. Спортсмены по-дружески общались между собой. Не зря говорится, что спорт вне политики. На чемпионате царил дух состязательности. Каждый спортсмен стремился поддержать спортивный престиж своей страны. И многим это удавалось.

Как-то спросил у Александра, ведь регулярно заниматься спортом – значит отказаться от многих привычек сильного пола. Они общеизвестны и стары как мир: курение, выпивка, а то и наркотики.

– Первое, – ответил Александр, – меня абсолютно не волнует, а со вторым – как у всех нормальных людей. По праздникам можно и с «зеленым змием» побаловаться, но в меру, а то может так укусить, что наутро голова просто раскалывается. Так что никакой ущербности для себя в этом плане я не ощущаю. Все в жизни вполне нормально.

Нормально... Человек уже в пенсионном возрасте, а чувствует себя по-прежнему в спортивной форме, переключившись с бокса на пауэрлифтинг. В таком возрасте это далеко не каждому дано. Он не просто занимается новым видом спорта, но и неоднократно становится чемпионом Европы и мира. Но и свое первое увлечение, бокс, Александр не забывает, тренирует молодую смену на замену ветеранам. Пожелаем же фанату спорта Александру Алексеевичу Ткачуку новых личных спортивных достижений и в подготовке молодых боксеров для их успешных выступлений в различных спортивных баталиях.

26 сентября 2015 г.

СОРВАННАЯ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

Как-то просматривая программу одной из центральных телекомпаний, увидел сюжет, воскресивший в моей памяти далекий теперь 1968 год. В этой передаче корреспондент интервьюировал братьев Запашных – представителей знаменитой династии цирковых дрессировщиков, работающих с амурскими тиграми. Всплыло в памяти лето конца шестидесятых.

В то время довелось мне трудиться в газете «Строитель» Главвладивостокстроя. Во Владивостоке в те жаркие июльские дни начались гастроли Вальтера Запашного. Как-то в самом начале рабочего дня меня и еще двух сотрудников редакции вызвал к себе редактор Константин Шестёра и поручил нам подготовить репортаж об укротителе тигров. Естественно, тема нас увлекла. И вот под вечер мы отправились в шапито. Мы, Олег Черепанов, наш фотокор Александр Сеин и автор этих строк, вскоре стояли уже в кабинете администратора цирка.

Старожилы города помнят место, где в то время располагалось сие зрелищное заведение с уютным зеленым сквером и вековыми деревьями – напротив популярного в городе кинотеатра «Уссури», там, где сегодня стела «Владивосток – город воинской славы».

Все формальности с администрацией были быстро улажены, и мы уже в цилиндрическом зале цирка. Оркестр вскоре заиграл выходной марш из легендарного фильма «Цирк», представление началось. Музыка, яркие огни софитов, звери по команде Запашного выполняют различные трюки, даже прыжки в огненное кольцо. Александр делал снимки, мы с Олегом строчили в своих блокнотах.

В антракте через служебный вход прошли мы к дрессировщику. Вальтер любезно принял нас, договорились об интервью после представления.

И вот все трое сидим мы в его номере (в то время при цирке была и небольшая служебная гостиница). Пока беседовали с дрессировщиком, жена его Марица начала готовить яичницу, а к концу нашей беседы с хозяином на столе появилась и бутылка коньяка. Запашный разлил его – кому в стакан, кому в чайную чашку. Наше скромное застолье затянулось за полночь. Мы засыпали Вальтера вопросами о его четвероногих артистах, дрессировщик охотно

отвечал, расширяя наши скудные познания. К примеру, вес самцов амурского тигра достигает 390 килограммов при длине тела до 290 сантиметров. Когда тигр охотится, его первые прыжки самые большие – до пяти метров. Вальтер знал всю подноготную своих питомцев, даже поведал нам о малоизвестных широкой публике фактах. Только с 1920 по конец 60-х годов в нашем крае было отловлено около 130 особей тигрят обоего пола. Все они отправлялись в цирки и зоопарки страны, а какое-то количество и за рубеж, принося стране твердую валюту. Забегая вперед, скажу, в 1891 году тигры появлялись даже в окрестностях Владивостока, а спустя 95 лет, в 1986 году, полосатые кошки снова появились в черте краевого центра в районе погоста на четырнадцатом километре.

Когда покидали Запашного, он пригласил нас приходить на его представления вместе с семьями.

Через пару дней Вальтер позвонил в редакцию и попросил зайти к нему для важного разговора. Пошел Олег, а вернувшись, сообщил нам о предложении Запашного опубликовать в нашей газете несколько глав из его книги, которую он уже заканчивает.

Впору сказать, что редактор наш уехал в это время в отпуск за пределы края, и решение о публикации принимал его заместитель. Через неделю мы начали печатать написанные Запашным воспоминания дрессировщика о его первых шагах в работе с тиграми. В газетных киосках «Строитель» стал хорошо расходиться. Олег предложил устроить в редакции пресс-конференцию Запашного, пригласить на нее коллег из городских газет, телевидения, радио. Вальтер дал «добро».

В назначенный день в редакции собрались представители журналистской братии всего города – краевых и ведомственных газет «Красное знамя», «Тихоокеанский комсомолец», «Дальневосточный моряк», «Боевая вахта». Присутствовали коллеги с телевидения и радио. Гости собрались в самой вместительной комнате редакции, в которую мы снесли все стулья, расставили на столах бутылки с газировкой, стаканы, сбросились на приличный букет цветов.

Вскоре к Дому строительных организаций, где размещалась наша газета, подъехал служебный автобус цирка. Первым из машины вылез Запашный, с ним, осторожно ступая, показалась тигрица по кличке Багира. Ее шелковистая шкура переливалась под солнечными лучами. На кожаном поводке ее вел помощник

Вальтера. У входа в здание случилась непредвиденная задержка: входная дверь оказалась запертой. Сделал это вахтер с комендантом здания. Они категорически запретили нам входить в помещение со зверем. У входа, любуясь тигром, стали собираться люди. Было жарко. Олег выходил из себя, доказывая сквозь закрытую дверь вахтеру и коменданту, что зверь не представляет опасности для людей, что он почти ручной и с ним находится сам дрессировщик. Но тщетно. Дверь не открывали. И тут комендант ошарашил нас словами: «Распоряжение не пускать зверя в здание поступило от заместителя редактора вашей газеты».

Вахтер, пожилой мужчина, выпучив глаза, чуть ли не с пеной у рта, выкрикивал: «Тута вам не зоопарк звериный, а сурьезное людское учреждение, пусти эту тигру, он еще, понимаешь, нагадит, совка не хватит, чтобы усе убрать, умники, понимаешь, нашлись!»

Не стану называть того, кто устроил нам все это, человек был неплохой. Но вот решил перестраховаться: а вдруг зверь этот, не дай бог, выкинет что-нибудь этакое?

Между тем Багира от чрезмерной жары тяжело дышала, начала проявлять беспокойство. Вокруг собралась большая толпа, некоторые люди подошли к зверю очень близко. Видя такое дело, обеспокоенный Запашный отвел тигрицу в автобус, затем вновь вернулся к нам. Положив руку на плечо Олега, спокойно призвал: «Ничего, ребята, не берите в голову. Меня с Багирой принимали в лучших домах Европы. А тут... Не переживайте, бог с ними со всеми! Приходите сегодня на представление, у меня будет новый номер. До вечера!» Автобус, стрельнув дымком из выхлопной трубы, уехал. Мы вернулись в редакцию. Как нам было неловко и стыдно перед коллегами...

В тот же злополучный день Олег написал заявление на увольнение. Запашный взял его в свою труппу на какую-то должность с условием, что Олег поможет ему отредактировать книгу и помочь в поиске издательства для ее публикации. Через неделю аттракцион Вальтера, закончив запланированные в нашем городе гастроли, покинул Владивосток. С ними уехал и Олег.

Какое-то время после случившегося мы старались не попадать на глаза коллегам из других газет, а это, так сказать, било по нашему финансовому благополучию. Дело в том, что многие из нас делали материалы для краевых газет и радио. Безгонорарная зарплата сотрудника ведомственной многотиражки составляла

всего-навсего 96 рублей. Поэтому заработать на стороне стремились многие. После конфуза с пресс-конференцией появляться со своими материалами в редакциях краевых газет было не в жилу. Но постепенно острота случившегося притупилась, и жизнь вошла в свою колею.

Но на этом тигриная история не закончилась. Когда из отпуска вернулся редактор, его вызвали в горком партии и сделали строгое внушение. Как рассказывал потом сам Константин Федорович, в горкоме ему задали единственный вопрос: «Ваша газета является органом Главвладивостокстроя или Госцирка?» Вернувшись, он тут же приказал снять поставленные в очередной номер отрывки из книги Запашного. С тех пор редактор нас больше в цирк – какая бы знаменитость на гастроли не приезжала – не посылал. На слово «цирк» у него появилась стойкая аллергия.

26 марта 2013 г.

«ПАНЦУЙ!»

Таежная быль

Начало этой истории положила поездка в колхоз одного из живописнейших районов Уссурийской тайги – Дальнереченского. А прибыли мы, группа сотрудников одного из номерных предприятий краевого центра, как уже, видимо, догадался читатель, на сельхозработы.

Было начало лета 1972 года, занимались мы в колхозе починкой животноводческих ферм, прополкой овощей. Посадили нас, 14 человек, в доме правления колхоза, выделив в нём приличных размеров комнату с уже сооружёнными нарами. Нам лишь пришлось огородить в ней уголок для женщин, натянув верёвку и развесив на ней несколько одеял и простыней.

К концу недели встал вопрос о бане: где помыться городским «крестьянам», так сказать? По дороге на ферму, где мы, мужики, работали, стояла старая бревенчатая изба, рядом почерневшая от времени банька. Мы без проблем договорились с хозяевами этого подворья об аренде по субботам их баньки. Хозяин ее, старик еще довольно-таки бодрого вида, худощавого телосложения, согласился. А плата состояла в виде бутылки водки да пары пачек сигарет «нищий в горах» – так тогда в народе именовали сигареты «Памир». Дрова были наши, воду брали из колодца хозяина. Старик – звали его уже вышедшим из моды именем Нестор, Нестор Тимофеевич, – проживал в доме вместе с супругой. Дети их, повзрослев, разъехались кто куда. Так что старики коротали свой век в одиночестве.

По субботам первыми баньку обживали наши девчата, следом валили мы. После бани мы заходили на ферму, чтобы захватить с собой ведро парного молока, выделяемого нам бесплатно каждый день. За ним ходили только мужчины, так как расстояние составляло до нашего бивака с полкилометра.

Однажды, когда я шёл с таким ведром мимо избы Нестора Тимофеевича, в окне раздался стук. Хозяин пригласил меня зайти в гости. Они с супругой собирались ужинать. Стол был уже накрыт по-деревенски просто. В центре его лежал порезанный большими ломтями хлеб, стояла тарелка с солёными огурцами, на плитке шипела с яичницей сковорода.

– Ну что, городской, – улыбаясь, произнёс хозяин, – садись с

нами повечерять, а то мы всё со старухой... Расскажешь нам, как вы там, в городе, живёте-можете...

Нестор Тимофеевич с зачёсанной набок чёлкой, покрытой сединой, словно инеем, достал из самодельного, выкрашенного синей краской буфета – по-городскому серванта – графинчик с белой жидкостью, внутри которого лежал какой-то желтоватый предмет, похожий на морковку и весь покрытый тонкими волосками, разлил по граненым синеватого стекла стаканам содержимое графина.

– Никогда не пробовал сей напиток? – Засветился доброй улыбкой хозяин. – Это «сучкомицин», как ныне именуют сие зелье в народе, настоящий на женьшене. Самолично выкопал его в прошлом августе на Кабарге-речке.

Наступившую тишину нарушило традиционное дзиньканье стаканов. И вот уже божественный напиток приятно обжёт желудок. Дружно застучали о днище сковороды вилки с костяными ручками, зацокали по тарелке с огурцами.

– Ты, верно, Толик, думаешь, что это старик так мало налил, зажался вроде? Ан нет, не скупердяйство тут. Помногу нельзя такое пить. Особенно ежели у человека «мотор» барахлит. Так и до беды недалеко...

Яичница с салом нагоняла зверский аппетит. Нестор Тимофеевич налил по новой. Его морщинистое лицо на глазах разглаживалось, даже вроде помолодело. Закурили. К стуку висевших между окон часов с традиционной гирей на цепи добавлялось жужжание мух. Я чувствовал какую-то приподнятость, лёгкость, словно только что получил квартальную премию. Неужели это следствие от настойки женьшеня?

С час пробыл я в гостях у гостеприимных хозяев. Наконец собрался уходить. На вопрос хозяина, что так скоро, шутливо ответил, что боюсь вместо молока принести простоквашу, уж очень душно сегодня, что для свежего молока не климат.

Перед отъездом домой устроили последнюю баньку. После неё я зашёл попрощаться с хозяином баньки. Выпили с Нестором Тимофеевичем, как говорится, на дорожку ещё по стопарю. Старик сказал, что в августе собирается на корнёвку и, если я желаю, может меня взять с собой. Я оставил Тимофеичу свой рабочий телефон, пообещал, что, если выйдет мне в августе отпуск, обязательно приеду и схожу с ним в тайгу. Старик дал мне номер телефона колхозной конторы. На том и расстались.

Предложение Тимофеича отодвинуло на задний план мою подготовку к осенней охоте на водоплавающих. Вместо неё я загорелся другой «охотой» – поиском легендарного корня. Не буду описывать всю служебно-бытовую бодягу, возникающую при желании получить вожделенный отпуск именно летом, да ещё в августе, когда море манит тёплыми водами, а все рынки забиты поспевающими дарами огородов и садов. Короче, всеми правдами и неправдами отпуск выбил. Тут же позвонил Тимофеичу, попросил взявшего трубку бухгалтера передать мою депешу старику.

И вот я уже в таёжной деревеньке при необходимой экипировке Ружья брат не стал, иначе придётся объясняться перед местными властями о причине моего появления с оружием в запрещённое для охоты время. В крайнем случае, свое ружьё возьмёт старик. Для местных жителей, где все свои это проблемы не составляет. Встретил меня Тимофеич, можно сказать, по-родственному. Его супруга, Глафира Степановна, тут же начала готовить яичницу, выставила на стол грибки собственного сбора и соления. «С картошкой долго возиться, – между делом озабоченно приговаривала она, – в вечер поджарим её с салцем, с укропчиком, а пока, на скорую руку, чем бог даст закусим».

Бог дал и что положено к закуске – традиционный графинчик с корнем внутри. На этот раз Тимофеич не говорил с озабоченным видом «...помногу её нельзя, а то ежели с «мотором» непорядок – не дай бог...» И прошлый лимит в две рюмки хозяин на радостях несколько превысил. Но судя по нашему состоянию, содержимое заметно убавившегося графинчика нам во вред не пошло.

Через пару дней мы вышли на поиски легендарного корня. Тимофеич, одетый соответственно и с двустволкой за плечами, взял направление к Кабарге-речке. Пока мы переваливали сопку за сопкой, я старался припомнить почерпнутые из литературы сведения о женьшене: растёт он в основном в кедровых лесах с широколиственными породами деревьев и в окружении редкого кустарника и трав. Кроны деревьев почти закрывают небо над растущим корнем. Обычно вокруг него толстый слой из опавших листьев, хвои. Вокруг изобилие цветов, папоротника. Первая наша ночёвка была у шумливого ручья. Пока разгорался костёр, натащали дров, наполнили котелок-чайник водой, соорудили шалаш, покрыли его большим полотнищем целлофана на всякий случай, от дождя. Весело булькал подвешенный над костром котелок,

рядом в почерневшей от копоти миске шипела за жарка для каши. Запах сала приятно щекотал ноздри, возбуждал аппетит.

Между тем день угасал, небо заполонили тучи, не слышно стало птиц, зато тонко зажужжали комары, к ним присоединилась бесшумная мошкара. Их нашествие порой невыносимо, и только подувший вскоре ветерок принёс облегчение.

Когда мы подкрепились кашей и приступили к чаепитию, я попросил Тимофеича рассказать о женьшене, какие у него характерные признаки. Мне это было необходимо в первую очередь, так как с утра мы будем расходиться и вести поиск поодиночке.

– Это ты правильно толкуешь, – согласился Тимофеич, наливая себе уже вторую кружку заваренного лимонником чая. – Перво-наперво, значит, внешний вид растения. Слушай сюда...Идёшь и вдруг видишь торчащий из земли прямой и тонкий травянистый стебель. К нему, значит, примыкают пятипалые листочки. Дальше. Из центра корня возвышается стрелка с соцветием из цветочков таких бледных и в виде зонтика. А уже где-то в конце июля – начале августа на месте, значит, этих невзрачных цветков появляются красные ягоды. По ним-то и находят этот корень, вот так-то...

Тимофеич допил кружку, повесил её на воткнутую возле костра сухую рогатину, на которой уже висел вымытый котелок. Лишь чайник продолжал стоять на пышущих жаром углях костра и изредка бренчать крышкой. Тимофеич занес в шалаш свою двадцатого калибра двустволку, положил её у изголовья и, словно подводя итог вышесказанному, тему женьшеня заключил так:

– Этот корешок растёт очень медленно. Десятки и десятки лет. А размножается он семенами. Вот тебе полное, как говорится, досье по этому растению. Ну, давай укладываться на боковую...

Было уже поздно. Ветерок, словно чётки, перебирал листья на деревьях, порой скрипели ещё не упавшие, но уже давно покинутые листвой деревья, в итоге пополнявшие собой груды таёжного валежника.

Утром я не обнаружил своей палки, с помощью которой раздвигаешь кусты папоротника при поиске корня. Оказывается, ночью я поломал её вместе с валежником и бросил в костёр. Пришлось выстругать новую из сухого дерева.

С утра пекло солнце. Идём берегом ручья, впадающего в Кабаргу. По его обеим сторонам густые заросли редколесья. Зверовая тропа пересекала наш путь и уходила в тёмную стену

леса. Кроны деревьев нависали над головой своеобразной аркой, напоминающей туннель. Вокруг много черёмухи, рябины, акации перевиты лианами лимонника и винограда. Местами попадались заросли кишмыша. Он ещё не спелый, как и виноград. Сопки местами покрыты каменистой россыпью, но в большинстве своём – в буйной растительности.

И второй день не принёс нам удачи. Правда, Тимофеич в одном из распадков подстрелил фазана килограмма на полтора. Радуюсь подвалившей фортуне, старик пошёл к ручью потрошить дикую курицу – так ещё в народе называют эту особь. Я же занялся заготовкой на ночь дров. Принёс очередную охапку валежника, достал портсигар и, едва раскрыв его, вздрогнул от внезапного крика Тимофеича. Причём, тональность крика была не испуганной, а скорее какой-то злобной, словно кто-то своим поведением вывел старика из себя. При этом послышался какой-то глухой шум, напоминающий хлопанье крыльев по воде. Машинально бросив взгляд на бивак с рюкзаками, увидел ружьё Тимофеича, схватил его и, не разбирая дороги, кинулся на крик. То, что я увидел, прибежав к ручью, едва не рассмешило меня. Тимофеич чуть ли не по колени стоял в воде, держа в одной руке фазана, в другой за крылья сову. Её большие, словно пятаки, глаза, не мигая, уставились на нас.

– Тварь неразумная! – чертыхался Тимофеич. – Напасть на человека... Такого ещё не слыхивал я. Только уселся под дерево, достал нож – как она упала мне на плечи, понимаешь. Начала бить меня крыльями по голове, лицу.

– Успокойся, Тимофеич, – едва сдерживался я от душившего меня смеха. – Сова, скорее всего, хотела отобрать у тебя твой охотничий трофей, да не рассчитала своего прыжка.

– Не рассчитала, – не успокаивался старик. – Такая тварина долбанёт тебя в голову – мало не покажется...

Тимофеич наконец отшвырнул сову в ручей, снял кепку, опустил голову и со словами «кажись, не ранетый» вновь напялил выдавший виды картуз.

В этот вечер мы уплетали зажаренного на вертеле фазана, и, под впечатлением напавшей совы, Тимофеич вспоминал различные истории, связанные с нападениями лесных обитателей на человека. Одна из подобных историй из уст старика своей необычностью вызвала у меня сомнения. Вот она дословно.

– Произошло это ещё до революции, значит, – неторопливо начал мой напарник по корнёвке. – Тогда тянули железную дорогу аж до твоего города, Владивостока, значит. Кроме наших рабочих было много китайцев, корейцев. Строили железку и солдаты. И вот, значит, как-то в обеденное время, когда солдаты разбрелись по кустам и наворачивали из котелков кашу, внезапно раздался жуткий крик. Дело было в нынешнюю пору, летом, значит. Из-за пышной растительности сначала не видно было, кто кричит и от чего, значит. Ну, солдаты бросились на звук. Увидели они такое, что у них волос на голове дыбом встал...

Тимофеич замолк, достал пачку «Примы», закурил и, словно испытывая моё терпение, неторопливо затянулся, выпуская дым мелкими порциями и с хитрецей поглядывая на меня, словно мысленно спрашивая: «Догадайся, что это могло быть?»

После затянувшейся утомительной паузы Тимофеич наконец продолжил:

– Ни за что не догадаешься, кто напал на солдата. А схватила его в свои объятия гигантская ...змея. Она обвивала служивого своими страшными кольцами. Солдат, ясное дело, орал, пытался освободиться. Ан не тут-то было. Силы, значит, были неравные. Спас этого несчастного рабочий-китаец. Он изловчился и топором почти отсёк гадине башку. Тут кинулись ему на помощь его земляки и искромсали змею своими топорами до, можно сказать, неузнаваемого вида. А солдат остался жив. Только, говорят, из брюнета от такого переживания превратился в блондина. Весь, значит, поседел.

Я сильно усомнился в правдивости произошедшего, сказал, что таких гигантских змей в Уссурийской тайге не водится. На это рассказчик мне ответил, что, как писали об этом случае газеты, по словам его родителей, змея скорее всего приползла в нашу тайгу из Китая. Мол, на юге этой страны такие громадные гады водятся. К тому же, добавил в подкрепление достоверности своего рассказа Тимофеич, его бабушка носила на стройку для продажи рабочим варёную картошку, огурцы, варенец, и об этом небывалом случае ей рассказывали свидетели нападения змеи. А вскоре, мол, бабушка и своими глазами увидела этого солдата. С её слов, он был седой как лунь и с тех пор начал заикаться. А змею китайцы разделали, отварили и съели. И вообще, сказал Тимофеич, в тайге опасайся не четвероногих, а двуногих, изощрёнее и опаснее человека в тайге более никого нет.

Вот под впечатлением таких страстей мы со стариком и отошли в этот вечер ко сну.

Уже три дня мы колесили по сопкам. За это время нашли пару корешков-маломерок. Брать их не стали, лишь Тимофеич сделал по соседству с корнем одному ему понятные приметы: несколько больших валежин, лежавших на земле, повернул остриём в сторону находки.

– Затёсы на дереве делать не буду, – тяжело дыша от проделанной работы, выдохнул Тимофеич. – Опытный корневищник сразу догадается о нахождении рядом с корешками, всё вокруг перепашет и сорвёт. Женьшенчик ещё молод, пусть растёт до зрелой кондиции. Вот так-то...

Пока ищешь корень, десятки раз ощутишь на себе болезненное прикосновение колючек элеутерококка, внезапные ожоги от контакта с крапивой, уколы шипов аралии, постоянно довлечет угроза наступить на змею. А о такой напасти, как осы, шмели, оводы, дикие пчёлы, я уже молчу. Кто был летом в тайге по многу дней, тот меня прекрасно поймёт.

На пятый день нам наконец улыбнулась удача. И какая! В верховьях Кабарги мы внезапно наткнулись на целый выводок женьшеня. У подножия кедров, среди папоротника, по соседству с покрытой разноцветным мхом скалы, нашему взору открылась целая плантация красных ягод. Корешков здесь произрастало десятка полтора. Я просто не поверил своим глазам. Мне казалось, что это какой-нибудь таёжный дикорос, вроде волчьей ягоды. Но опустившийся на колени Тимофеич, его какое-то одухотворённое лицо с горящими глазами рассеяли мои сомнения: да, это, действительно, то, что мы почти неделю искали в таёжных дебрях!

– Ну, Толик, – хриплым, с продыханием голосом выдохнул Тимофеич, воздев свой взгляд на вершину скалы, которая чётко выделялась на синем до рези в глазах небе. – Подфартило нам с тобой неслыханно. Одна треть, не менее, этих корней тяжеловесы. Их смело можно копать. Остальные, значит, не тронем, сделаю в этом месте свою метку...

Тимофеич снял свой картуз, обтёр со лба рукавом пот. Его сбитый волос торчал во все стороны, напоминая мне иллюстрацию из «Робинзона Крузо», где был изображён Пятница со стоящим дыбом волосом при встрече с героем романа. Когда Тимофеич прикуривал, его руки заметно тряслись, старик был в

высшей степени волнения. И не мудрено. Найти такое богатство! Перекурив, приступили к работе. Тимофеич достал пару палочек из костей диких животных, которые были остро отточены. Они были гладкие, длиной около тридцати сантиметров. Копали очень осторожно. Важно было не оборвать тонкие волоски-корни. В земле попадались корни кустов, деревьев, камни. Процедура выкапывания утомительная, занимает много времени. Досаждал гнус.

Прежде чем приступить к работе, я внимательно наблюдал за действиями Тимофеича. Старик сначала оголял палочкой так называемую «шейку» корня. В процессе копки на ней можно было заметить своего рода зарубки от стеблей прошлых лет. Вот по ним-то устанавливают примерный возраст корня. Всю эту информацию я впитывал из пояснений Тимофеича, старательно орудовавшего палочкой и комментировавшего ход работ.

И вот наконец перед нами первый корень в руках старика. Он желтоватый, с запахом сырой земли, в которой рос не один десяток лет. Чётко просматриваются поперечные кольца-окладки. И что характерно: корень даёт ответвления и снизу, и сверху. Причём снизу корень разделяется на два ответвления – «ноги». Это очень напоминает туловище человека. По словам Тимофеича, такая форма ценится по первому классу.

В этот вечер заночевали рядом с плантацией. Всего до захода солнца выкопали четыре корня. Под кронами деревьев темнеет быстро.

За ужином Тимофеич продолжал посвящать меня, дилетанта, во всё, что связано с легендарным корнем. Так, при находке корня счастливцев падал на колени, молился и восклицал магическое слово «панцуй». По словам Тимофеича, в основном это делали инородцы – китайцы, корейцы. Китайское наименование корня обозначается двумя иероглифами: «жень» – человек, «шень» – корень. Китайцы ещё называют его шеньцао, что означает «божественная трава». Основные районы произрастания корня в Приморье – Дальнереченский, Ольгинский, Яковлевский районы, реки Бикин, Шмаковка. Попадает, но редко, ещё в двух-трёх районах края.

На следующий день взяли все намеченные изъятию корни. Каждый из них обложили влажным мхом и завернули в так называемый конверт из коры, которую сняли с молодых кедров. В такой упаковке женьшень продолжительное время хранится довольно свежим и абсолютно невредимым. Семена наших приличных

корней мы по всем правилам высеяли в местах, где бы ни лесная мышь, ни птица не съели их.

Возвращение в деревню было нам не в тягость, даже комары и гнус не казались такими отвратительными. Корни Тимофеич поделил поровну, но я настоял, чтобы у него на один корешок было больше. Всё-таки в этом походе он был главным корневищиком и моим проводником сквозь таёжные дебри.

Свои корни Тимофеич сдал в районный приёмный пункт таёжных даров, а я свою долю привёз во Владивосток. В те годы на углу улиц Китайской – ныне Океанский проспект – и Колхозной находился охотничий магазин, где принимали женьшень и продавали конфискованные у браконьеров ружья. И вот однажды утром мы с другом пришли в него, и я этак небрежно выложил на прилавок сначала один пакет из коры кедра. Приемщик, как мне показалось, снисходительно окинул нас взглядом. На его лице читалось: ну что эти сугубо городские парни могут предложить мне стоящее? Приемщик распаковал пакет, освободил от мха корень, прикинул его вес, затем опустил на весы. Цифра веса заставила мужика невольно воскликнуть: «Ого!». Тогда я вынул из сумки ещё два пакета. Увидев их содержимое, приёмщик не стал прикидывать на ладони их вес, а сразу уложил на весы. На лице мужика стало явно читаться подобострастие. Ещё бы ему не лебезить. Своим визитом я, наверное, способствовал приёмщику в выполнении им чуть ли не месячного плана по приёмке от населения женьшеня, если, конечно, такой план у него был.

На полученные за корень деньги я тут же приобрёл конфискованный у кого-то одноствольный 16-й калибр, добротные болотные сапоги, пару пачек бездымного пороха «Сокол». Всё это пришлось мне как нельзя кстати. Каждый отпуск старался выкроить хотя бы недельку, чтобы навестить Тимофеича в его деревеньке да сходить по осени на уток, посидеть со стариком у таёжного костра, вспомнить нашу таёжную эпопею по поиску легендарного корня жизни.

Как давно это было... Нет уже на свете Нестора Тимофеевича и его супруги, с развалом колхозов на обочине жизни оказалась и сама деревенька, никому не нужная и богом забытая... Но в моей памяти никогда не растворится образ доброго Тимофеича, таёжника-корневищика, оставившего после себя немало посеянных им корней для потомков.

29 сентября 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

След за кормой	3
Саквояж	20
Прыжок	25
Необыкновенный день Сида Ноуэра.....	28
Поджог.....	32
Нашествие «Фу-Го».....	35
Взлет без посадки.....	42
Двуязычный экипаж	49
Наш ответ Чемберлену.....	56
Охотник с полубака.....	63
Одиссея капитана Поморова	70
Выдворение «Командора».....	79
ЧП на королевской банке.....	88
Экипаж уходит в землю.....	96
Стрелок Иван Ежов.....	102
Без следа за кормой	108
Капитан Глазков за державу постоял.....	114
Фанерист	121
Щедрый остров.....	127
Полет по ленд-лизу.....	134
Тайна экипажа В-29	141
Прокол лейтенанта Зяткина.....	147
Печеная картошка, или Визит великого мистификатора во Владивосток.....	153
Тот самый Кантария на острове Русском	158
Звезды СССР на Дальнем Востоке	162
По стране на нарах	166
Иномарка победного 45-го	171
Хайль, Рябчик!	175
Михаил Ульянов: «Желаю вам светлых дней...».....	179
Спортивные высоты капитана	183
Сорванная пресс-конференция	188
«Панцуй!».....	192

Литературно-художественное издание

Матвиенко Анатолий Васильевич

СЛЕД ЗА КОРМОЙ

Повесть, рассказы

Корректор Л. Горчинская
Компьютерная верстка М. Гой

Формат 60x84/16
Бумага офсетная, печать офсетная
Гарнитура Minion Pro
Тираж 50 экз.

Издательство «Русский Остров»
Почтовый адрес: 690091, г. Владивосток,
ул. Алеутская, 11, оф. 1110.
Тел.: (422) 2963631
E-mail: rusost@inbox.ru
Директор и главный редактор А. Яковец

Отпечатано в типографии
«ЛАИНС»